

Елена Арапова

Легенды господского дома

Елена Арапова

Легенды господского дома

2014 год

УДК 882
ББК 84(2=411.2)6-4
А792

А792 Арапова Е.П.

Тайна господского дома: путевые, портретные очерки и приключенческая повесть. / Е.П. Арапова. – Екатеринбург, 2014 – 210 с.

ISBN 978-5-905522-17-8

Прочитав эту книгу, вы погрузитесь в тайное прошлое уральского края, вместе с автором прошагаете по старым дорогам, ведущим от железных заводов Демидова к реке Чусовой, узнаете о жизни хозяина этих предприятий, Прокофии Демидове, и его потомках, живущих сегодня в Москве.

В книгу вошли очерки о замечательных, известных людях Урала и России.

А также вам интересно будет спуститься в подвалы старинного Демидовского господского дома, и вместе с героями приключенческой повести «Верхнегорские тайны» пройти по подземным ходам, а прочитав рассказы, погрузиться в события реального мира.

ISBN 978-5-905522-17-8

©Елена Арапова, 2014

Читайте книги Елены Араповой:

Художественные:

Верхнегорские тайны
По золотому следу Колчака
На пути к золоту – деревня призраков
Охотники за золотом
Загадка Шайтанского идола
Белое и черное
В погоне за золотом

Публицистические:

Дважды рожденный (Демидовские гнезда)
Возрождение
Война в рассказах ветеранов
Город меж синих холмов
Тайна господского дома
Они дошли до Берлина

Литературно-публицистические

Жизнь прожить... (хроника в рассказах)
Легенды господского дома (путевые, портретные очерки и приключенческая повесть)

Содержание

О Демидовых. Очерки.

Тайна господского дома

От кедрового к Нескучному саду

В гости к Демидовым-Ефимовым

Служитель двух муз

Женщины рода Демидовых-Ефимовых

Железная работа

(Отрывок из повести о Верхнем Тагиле

«Город меж синих холмов»)

Путевые краеведческие очерки

Соприкосновение

Путешествие во времени

Путешествие по Шайтанскому тракту

Портретные очерки

В гостях у Владислава Крапивина

О В.А. Язеве. Диалог со скептиком

О Сергее Дягилеве. Связь времен и поколений

О В.М. Слукине. Голос разума созвучен...

сердцу

Об А.Н. Пискунове. Совесть – это от Бога

Об Ю.А. Горбунове. Дело всей жизни

Первые краеведы:

Валентина Федоровна Ждановских

Николай Иванович Рябов

Федор Федорович Смирнов

Путевой очерк

Погода в юбилейном Невьянске:

Накануне

По старшинству, богатству и мудрости

У Башни и на площади – переменная погода

Слово об учителе

Он дарил нам счастье...

Педант, с которым надежно

Проблемный очерк

Прибор, который мог бы спасти мир

Путевой очерк-эссе

Путешествие в Сочи

Бытовые рассказы

Любовь... к автобусам

Сытый голодного не разумеет

Достанет перо и...

Одиночество вдвоем

Дружная семейка

Верхнегорские тайны (повесть)

О Демидовых. Очерки.

Тайна господского дома

Верхнетагильский господский дом издавна окружен ореолом таинственности. Говорили, что из его подвала ведет подземный ход прямо к подвалам Невьянской башни, что в его подземельях на железной двери, ведущей в лабиринты, висит пудовый замок, к которому невозможно подобрать ключи.

Разноцветная история

Этот дом вознесся на скалу над рекой при въезде в город. Я стояла на развалинах старого демидовского завода и смотрела на господский дом снизу вверх. Теперь в нем нет былого высокомерия. Он взирает на мир спокойно и равнодушно, как человек, «уставший от жизни этой». Когда-то он был полон достоинства, стоял, окруженный большим кедровым садом, а по его засыпанным дорожкам гуляли дамы и господа. От его правого крыла был сделан переход в деревянное здание, где размещалась кухня и, по-видимому, жили слуги. Во дворе находилась вместительная конюшня, а сам дом с трехгектарным садом был окружен изумительной ажурной изгородью.

Сейчас он тихонько дремлет, убаюканный шумом падающей воды. Вода переливается через плотину и обрушивается вниз с десятиметровой высоты, брызги висают в воздухе, вращаются в бешеном танце, образуя разноцветный волнистый туман. Сквозь этот туман прорисовываются драматические страницы истории.

Никто точно не знает «год рождения» господского дома. Упоминание о нем мы находим в описи 1767 года. Как раз в этом году Прокофий Демидов, нарушая запрет отца «не отдавать заводы в чужие руки», продает свою часть наследства Савве Собакину. И опись сделана, видимо, как раз в связи с передачей заводов Невьянской группы новому владельцу.

Думается, что дом заложили в свое время еще Демидовы, тем более что в наброске Геннина, сделанном к «описанию партикулярных заводов» в 1735 году, этот дом обозначен тоже, правда, выглядит он несколько иначе: на рисунке показан всего один этаж. Во времена Демидовых в этом доме останавливались хозяева, когда приезжали на завод, а при Собакиных (Яковлевых) там жили управляющие.

В 1910 году, когда на заводе закрыли основные цехи, господский дом опустел: за окном уже не гремели раскатные станы, не раздували тугие «щеки» доменные мехи. Тайна оставалась неразгаданной и с каждым годом обрастала все новыми предположениями и выдумками.

Дом одиноко стоял у подножия горы, недоуменно взирая на людей, которые то метались в поисках работы, то носились по лесам с киркой и лопатой в поисках золота, то, чуть позже, под плач женщин уходили на Первую мировую, затем расстреливали друг друга в гражданскую, потом зачем-то пустили домну, израсходовали все запасы сырья и снова потушили ее. Но на этом не успокоились: на территории завода завизжала пила, заработала мельница, и водяная турбина дала первый ток.

Но вот в 1924 году о доме вспомнили, и он наполнился детскими голосами: в нем расположилась школа. Дети бегали по широким замысловатым

коридорам, поднимались по фигурной лестнице, спускались в подземелье, видели тугую дверь и даже заглядывали за нее. Что за этой дверью? Там обвал. Учитель запретил даже спрашивать об этом, потому что здесь жили богатые люди, а с ними нам не по пути.

Во время войны в доме расположилась спичечная фабрика, которая через четыре года «ушла», оставив после себя, как после боя, выбитые стекла, облупленные стены и облезлый фасад здания.

Но в 1951 году вроде бы настало время возрождения. В поселок хлынул поток людей, началось строительство ГРЭС. По-хозяйски зарычали трактора, сгребая кучи земли, сооружая новую дамбу. А в южной части межгорной долины поднялись высокие корпуса теплоэлектростанции. Но зато с территории старого демидовского завода исчезла домна, кричный и кузнечный цехи. Дом затосковал...

Вскоре его сдали под родильное отделение на первом этаже и поликлинику на втором. С вводом в строй в поселке больничного городка в доме опять зазвучали голоса ребят – туда перевели больничные ясли.

Секрет подземелий

Ну а тайные ходы? Приборы показали наличие пустот сразу в четырех направлениях: на запад – к заводу, на юг – к пруду, на юго-восток – к Единоверческой церкви, стоявшей когда-то на пригорке, чуть правее и выше господского дома, и на северо-восток, к Теплой горе, через которую когда-то перевалили Никита Демидов с сыном Акинфием: они приехали в эти места выбирать место под строительство завода.

Для чего нужны были подземные ходы? Как можно пробить в скале «дорогу» к заводу, и для какой цели? Была ли надобность надрывать пуп на подобной работе? Ведь уральские камни – не Петра, высеченная в песчаной скале, и не Каппадокийский камень туф, образовавшийся из вулканического пепла. Однако же приборы показали пустоты. Если они есть, то должны быть и серьезные причины их существования. Можно вообразить, что приказчик изредка заходил в тоннель, как в тайную комнату для того, чтобы посмотреть через щель в скале за работой заводских и приписных крестьян. Может, хотел кое-кого вывести на чистую воду. Подумаем и... посмеемся.

Наблюдать, не волынит ли кто, гораздо удобнее из окна дома, чем из тайного хода, специально проторенного в сплошной скале. Однако специалисты советуют обследовать отвесную скалу на предмет обрушившегося свода.

С пустотами, ведущими к пруду, более или менее ясно. Они могли появиться в результате земляных работ, проводимых строителями в целях водоснабжения господского дома.

Коридор в направлении Единоверческой церкви заставляет нас порассуждать. Зачем входить в церковь через подземный ход, если она находится через дорогу? Тем более что единая вера даже приветствовалась государством. Но то государством. А ежели в семье вдруг возникнет напряженка по части веры? Тогда – в подвал его, в наказание. Вот тут-то и начинается детектив. Как выйти из подвала, если не через центральный ход? Каждый здесь вспомнит замок Иф и легендарного графа Монте-Кристо.

Но приехавшие специалисты начали свои исследования с северо-восточной стороны. Там тоже подозревали пустоты, но при внимательном изучении обнаружили метрах в пяти от дома полусгнивший фундамент деревянного дома, который также обозначен на рисунке у Геннина. Руководитель проводимых исследований В.М. Слукин в своей книге «Тайны уральских подземелий» предполагает ход в этом направлении, который ведет до Теплой горы.

По его словам, староверы, первыми пришедшие в эти места, для своих молений выбирали либо избушку в лесной глухомани, либо спускались в подвал. В связи с этим можно предположить, что на месте господского дома раньше стоял дом кержака-раскольника, где в подвалах проходили сходки. При появлении Демидова, это место, с которого было видно все селение, было отобрано в пользу хозяина. И господский дом был построен на старых подвалах.

Однако вспомним о том, что Демидовы очень любили подземные галереи и тайные ходы. Ведь неспроста «пошла молва».

Когда после смерти Акинфия началась борьба за раздел наследства, плелись интриги, связанные со слухами о приверженности Демидовых к расколу. Тогда не обошлось без попыток лишить младшего из сыновей и его вдову наследства. Демидовы должны были представить подробные сведения, когда, у кого они бывали на исповеди. Дело кончилось для них благополучно, но младший брат Никита с матерью получили предупреждения, что будут лишены своей части имущества, если подтвердится в будущем их причастность к расколу.

Так, может быть, эти подвалы не столь зловещи, как о них говорили до сих пор, и являлись всего-навсего прибежищем людей, страдающих за веру?

Была ли экспедиция?

Однако совсем недавно стала известна еще одна подробность. Один человек, в прошлом житель города, утверждает, что в середине 60-х годов в Верхнем Тагиле побывала экспедиция, которая прошла по подземному коридору в направлении завода, где на поверхность выходил люк.

Этот человек говорил со слов матери, которая в то время работала в детском саду, расположенном в господском доме. Он четко помнит, что плита была, они с мальчишками прыгали на ней и пытались отыскать хотя бы щелочку между плитой и перекрытиями, чтобы удостовериться в том, что это подземный ход, но тщетно: края плиты словно вросли в землю... Тайна остается неразгаданной.

Сейчас в господском доме живут люди. Давайте пройдем по замысловатым коридорам, поднимемся по широкой фигурной лестнице на второй этаж и посмотрим в окно. Великолепный вид на церковь. Стоящий на возвышенности город по сравнению с местом, где когда-то находился Демидовский завод, кажется на одном уровне с этим «ласточкиным гнездом», вылепленном когда-то чуть ли не на обрыве.

Так же, наверно, наблюдал за работой завода очередной управляющий. Вот там нагружают на телегу обожженную руду и сейчас повезут ее на колошник домны. В стороне раздавались удары молота, рядом

«парили» кричные печи. Слева слышался шум воды, которая падала с двухметровой высоты и приводила в движение механизмы на заводе.

Проснись, дом! Подними слипшиеся от ностальгических слез веки. Не тужи, старина! У тебя еще будет праздник.

От кедрового к Нескучному саду

Сыновья обида

Нет сомнений в том, что ноги Никиты Демидова ступали по Верхнетагильской земле, но вот бегали ли по этой земле ножки его внука Прокофия, до сих пор остается спорным вопросом. Попробуем разобраться.

Прокофий был первым ребенком Акинфия Демидова, родившимся в Сибири от второй жены Ефимии Ивановны в 1710 году, и детские годы он провел в семье отца на Урале. А дальше? Доподлинно известно, что с 1729 по 1738 Прокофий вместе со своим братом Григорием (1715 года рождения) жили в своей фамильной вотчине близ Соликамска.

То есть, до 1729 года Прокофий жил рядом с отцом на Урале, вблизи построенных заводов. А господские дома стоят только в трех местах – В Невьянске, с 1925 года в Нижнем Тагиле, и еще раньше в Верхнем Тагиле. Так что вполне возможно, что в детстве его любопытные глазенки поглядывали из окон верхнетагильского господского дома, возвышающегося на скале над заводом, а его ноги бегали между стволами деревьев в кедровом саду, окружавшем господский дом.

Почему же он, вскоре после периода столичной жизни, не моргнув глазом, продает Невьянскую группу заводов, ни разу не посетив их? На это были свои причины. Например, затянувшийся спор о наследстве. Дело в том, что у Прокофия и Григория был еще один брат – Никита, будущий владелец нижнетагильской группы заводов. Это ему, по настоятельной просьбе их матери, Акинфий завещает все свои заводы. Это завещание, видимо,

ошеломило не только старших братьев, но и императрицу тоже. И она включается в спор. Но Прокофий, по всему, был недоволен тем, как он разрешился, и у него пропала охота заниматься заводскими делами.

Зато у него проявляется интерес к прикладной ботанике, он становится меценатом: покровительствует наукам и искусству, строит воспитательный дом в Москве, вносит пожертвования для Московского университета, куратором которого состоит. А на проценты от пожертвований в университете содержатся шесть студентов, вплоть до получения ими профессорского звания. Кстати, за щедрые пожертвования в пользу Московского университета Прокофий Акинфиевич получил чин действительного статского советника.

А растениями Прокофий увлекся всерьез. Согласитесь, что для семьи потомственных металлургов этот выбор кажется несколько странным. Акинфий «жизнь отдал бы за металл», а его сын, тоже очень хорошо разбирающийся в металлургии, предпочел «нюхать цветочки». Возможно, и здесь прослеживается всепоглощающая обида на отца за то, что тот послушал мать и завещал все свои заводы младшему из сыновей. А может быть, просто в нем все это время жили воспоминания детства, и он не мог забыть терпкий запах кедра и молочный вкус его зерен?

Дворцовое место

Лет десять назад известный краевед Н. Мезенин в газете «Уральский рабочий» писал о том, что Прокофий Демидов в своем ботаническом саду, разбитом возле усадьбы, расставлял на клумбах «вымазанных мелом

мужиков», которые окликали всякого, желавшего сорвать цветок. Можно себе представить реакцию посетителей сада. И поэтому, якобы, сад назвали Нескучным. Возможно, так оно и было. Нескучное – это огромное пространство на территории, где строили себе дворцы «первые люди» России.

«Участок Демидова находился ближе к центру Москвы. Ботанический сад Прокофия был открыт для посещений, и народ прозвал его Нескучным», – говорит Елена Адриановна Ефимова, которая является прямым потомком Прокофия Демидова. Ее отец Адриан Иванович ушел из жизни совсем недавно – в возрасте 93 лет. Это был интереснейший человек с огромными талантами и способностями – от геологии до живописи. Он любил поэзию, прекрасно водил кукол, разбирался в искусстве.

Семья, в которой он вырос, замечательна тем, что его отец – потомок Прокофия Демидова, а мать – сестра художника В. Серова. И мать, и отец Адриана были художниками, их картины выставлялись во многих залах России, в их честь создан мемориальный музей в Москве. (Подробнее об Адриане читайте далее в очерке «Служитель двух муз»).

А Прокофий покровительствовал наукам при Екатерине, которая царствовала 34 года, начиная с 1762 по 1796 годы (Демидов поселился в Москве в 1750 году в возрасте сорока лет). Но цари со времен Петра предпочитали проживать в Петербурге. Чем же тогда объясняется тот факт, что усадьбы «первых людей» России в 18 веке находились в Москве? Очень просто: Петр I, построив Петербург, перетащил за собой всю московскую знать. Да и во времена Просвещенного абсолютизма считалось шиком иметь усадьбы в обеих столицах.

Свой дом в Москве Прокофий начал строить на купленной в 1754 году у княгини Репниной земле. Там же был разбит ботанический сад. Сегодня в Демидовском дворце в Нескучном саду находится Президиум Академии наук Российской Федерации. То есть, получается, что Нескучный сад, возможно, в мыслях Прокофия начавшийся с кедрового, с течением времени преобразился в Академический.

Детские мечты Прокофия материализовались, и появился сад вначале в Соликамске, а потом в Москве. То теплое, пушистое и успокаивающее, что хранилось в памяти в образе диковинных растений, приобрело осязаемые контуры. Хочется верить, что это именно так, и что нежелание заниматься уральскими заводами – это не прихоть ленивого ума, а естественный выбор, оформившийся под воздействием внутреннего «я».

В гости к Демидовым-Ефимовым

Преемственность поколений

Чем знаменит род Демидовых, знает каждый, и не только на Урале. Если родоначальник династии Никита и его сын Акинфий – известные промышленники и знатоки рудного дела, то Прокофий Акинфиевич – и ботаник, и селекционер, и меценат. В своем роду Прокофий был последним владельцем Невьянской группы заводов, которые он затем продал винному откупщику Савве Собакину.

Потомки же Прокофия, ведущие свой род по женской линии и живущие в 20 веке, прославились как художники, дети и внуки которых так же, как и их славные предки, исследуют недра земли и при этом всерьез увлекаются искусством и разведением цветов.

Иными словами, сегодня в этом роду все жизненные пристрастия генетически сплелись между собой и запросто могут сочетаться в одном человеке. Судите сами: если потомок Прокофия – Иван Семенович Ефимов – народный художник России, то его сын Адриан Иванович – знаменитый геолог и искусствовед, а внучка, Елена Адриановна, по профессии геолог, а по увлечению – цветовод, как в свое время Прокофий.

Я направилась к метро, в сторону Третьяковской галереи: необходимо было посмотреть работы И.С. Ефимова. Медленно перехожу из зала в зал, где выставлены портреты известных людей 18 века.

А вот и Прокофий Демидов. Известный портретист того времени Д.Г. Левицкий изобразил его рядом с его

любимыми цветами. На заднем плане полотна виднеется Воспитательный дом, построенный на средства Прокофия.

А теперь нужно найти зал, где выставлены картины В.А. Серова, родственником которого и является А. И. Ефимов. Великий художник сыграл немаловажную роль в судьбе своей сестры, матери Адриана Ивановича – Нины Яковлевны. Она тоже стала художником и вышла замуж за скульптора, в дальнейшем получившего звание народного художника, который к тому же является потомком Прокофия Демидова. Да, имя его – Иван Семенович Ефимов. Его деревянные скульптуры также выставлены в Третьяковке.

После галереи я посетила Крымский вал, где находится филиал и выставочные залы Третьяковки. Там я познакомилась с другими работами И.С. Ефимова. В основном это были скульптуры животных, выкованные из меди: орел с распростертыми крыльями; петух, возвещающий о приходе утра; дельфин, изображенный в движении; трепетная лань, запечатленная в момент угрожающей опасности. Неудивительно, что эти работы суждено было выполнить человеку, предки которого очень хорошо разбирались как в металлообработке, так и в изначальных свойствах исходного материала – меди.

Смотритель музея рассказала историю, произошедшую недавно в этом зале. Экскурсовод обратилась к ребятам с просьбой вспомнить характерные для человека привычки, которые, проявляясь, были бы схожи с повадками представленных на выставке животных. Одна девочка, долго смотревшая на расправившего крылья петуха, сказала: «Моя мама часто говорит братику: «Ишь, распетушился!»

Действительно, эти экспонаты на удивление убедительны в своем исполнении. При взгляде на них кажется, что эти животные сей момент разбегутся, и только их металлический блеск останавливает разыгравшееся было воображение. Из филиала я поспешила в Госуниверситет имени Ломоносова, чтобы встретиться с кандидатом геологических наук Еленой Адриановной Ефимовой.

Демидовские дворцы на Басманных

Елена Адриановна оказалась простой, милой, улыбчивой женщиной. Мы договорились, что назавтра совершим путешествие по Басманным улицам, где в основном и проживали все Демидовы. Известно, что у Прокофия было два брата – Григорий и Никита, и их усадьбы в Москве находились сразу за Садовым кольцом, на Басманных улицах. Басманные улицы очень забавно расположены: по правилам геометрии и графики одновременно. Новая и Старая Басманные улицы образуют две стороны равнобедренного треугольника, основанием которого является часть Садового кольца. Эти две улицы, как раз на середине их длины, соединяются Басманным переулком. Такое впечатление, что неведомый график намеренно нанес на карту города печатную букву «А», и сегодня мы решили, пройдя по демидовским местам, «напечатать» эту букву своими ногами.

Провести нас по этим улицам с удовольствием согласилась Наталья Андреевна Домашнева, прямой потомок известного в свое время интеллигента, директора Санкт-Петербургской Академии наук С.Г. Домашнева.

Путешествуя по Басманным, мы не могли не зайти в церковь Петра и Павла, которая была построена в начале 18 века по рисунку Петра I. На второй этаж вела чугунная лестница с замысловатым рисунком на ступеньках и ажурных перилах. И отливали их на Демидовских заводах.

Рядом находилась усадьба Павла Григорьевича Демидова, племянника Прокофия. С обеих сторон дома – два въезда, обозначенных колоннами. В момент застройки, а было это в середине 18 века, дворец выглядел несколько иначе. За время Советской власти все «излишества», имевшиеся у здания, были удалены.

Пройдя через переулочки, мы подошли к дому младшего брата Прокофия Демидова – Никиты Акинфиевича. Возле дома разбит сквер, и открывается вид еще на одну церковь – Никиты Мученика, в появлении которой Демидовы принимали самое активное участие. Как видим, названия церквей удивительным образом совпадают с именами владельцев близлежащих дворцов семейства Демидовых. Почему? Да потому что они, видимо, были приусадебными.

Во дворе церкви работники рассаживали цветы. Я видела, как преобразилось лицо Елены Адриановны: она встала у дверей решетчатой ограды, чтобы полюбоваться ими.

Пообедать мы решили у Натальи Андреевны дома. К счастью, она жила рядом с Басманными улицами. Ее квартира – музей стариной мебели и красивейших ваз. Вдоль стены располагался дубовый шкаф-сервант, украшенный вырезанными из дерева головками оленей, и древний музыкальный инструмент, очень напоминающий фортепьяно.

Затем мы посетили квартиру, где долгое время проживали родители Елены Адриановны. Квартира была безлюдна и заполнена воздухом старины. Сквозь маленькие окна едва проступал свет. По стенам развешаны картины народного художника России Д.Д. Жилинского. На одной из них Иван Семенович с сыном Адрианом, на другой – дочери Адриана: Наталья и Елена. Картина занимала место между окнами, то есть находилась в тени, но... в ней было столько света! Две девушки в летящих платьях среди моря цветов. Я смотрела на них не отрываясь, а Елена Адриановна в этот момент переключивала книги на столе. Вдруг она подняла глаза на полотно и тихо произнесла: «Наталья безвременно скончалась в 1990 году».

Наталья Адриановна тоже выбрала профессию геолога, защитила диссертацию, активно работала в области микрофауны. Муж ее – академик, заслуженный художник России И.В. Голицин и по сей день радуется своим творчеством россиян.

Во владениях Прокофия

С владениями Прокофия Демидова мне предстояло ознакомиться одной, поскольку мои вчерашние спутницы не смогли меня сопровождать. Я вышла на улицу Ленина и стала «приставать» к прохожим, но никто из них не знал, где находится Президиум Академии наук Российской Федерации.

Наконец мне повезло: из магазина «Нескучный сад» выпорхнула девушка, и я спросила у нее, где же здесь Президиум и Нескучный сад возле него. Она приветливо улыбнулась и пригласила следовать за ней. Пока шли, она

сказала, что работает там, и что во времена Прокофия прямо от Дворца, где сегодня находится Президиум Академии наук, к реке сбегали ступеньки мраморной лестницы.

Я слушала ее и думала о том, что по иронии судьбы в 20-30 годах прошлого столетия в этом здании, когда-то фамильном дворце Прокофия, работали в качестве художников И.С. Ефимов и его жена Нина Яковлевна. В то время во дворце размещался музей Народоведения, и супружеской чете выделили маленькую комнату в бывших демидовских владениях. А когда после шумного дня музей закрывался, их сын Адриан гонял на велосипеде по шикарным гостиным своего пращура.

Но вот мы и пришли. Дворец поразил меня своей красотой и ухоженностью. Возле него – огромная поляна и фонтан со скульптурами. С другой стороны здания к реке ведут несколько ступеней и оборудован фонтан, точно такой же, как и на поляне. Фонтан со всех сторон обступают молодые, необычные для наших мест деревья. И растут они на сохранившихся двух верхних террасах бывшего ботанического сада Прокофия. А где же знаменитый Нескучный сад? Сад, где согласно легенде, Прокофий вместо римских статуй ставил возле клумб вымазанных мелом мужиков, которые окликали каждого, намеревающегося сорвать цветок. Этого сада больше нет. Он сгорел в 1812 году, когда Наполеон вошел в Москву. Не сохранился и гербарий, собранный Прокофием. Единственное, что осталось, это 150 засушенных растений, подаренных Прокофием академику Палласу... Но я все же вошла в Нескучный сад через узорчатую калитку, где нашла древние мосточки и примыкавшую к ним липовую аллею.

Хочется верить, что диковинные растения, которые выращивал в своих оранжереях Прокофий, все-таки прорбились после пожарища сквозь землю, и это их я видела с обратной стороны здания в неухоженном, диком саду.

Последнее пристанище

Недалеко от бывшего дворца Прокофия Демидова находится Донской монастырь. И я направилась туда, где у алтаря Большого собора в 1789 году и был похоронен Прокофий. Издали показалась крепостная стена из красного кирпича, за которой разместился целый ансамбль церквей, соборов, усыпальниц. Монастырь был основан в 1591 году на месте ставки русских войск, вставших на защиту Москвы от набега крымских татар.

Появилась я в Большом соборе к концу службы. Пел церковный хор, и батюшка размахивал кадилом. Проход к надгробиям был закрыт по причине «участившихся террористических актов».

Я подошла к человеку, одетому в церковную одежду, с просьбой разрешить мне сфотографировать надгробие Прокофия Демидова. Он долго думал, потом сказал, что этого захоронения здесь нет, а фотография, которую в доказательство я ему показала, плохого качества и, скорее всего, смонтирована. Ничего не оставалось, как обратиться к настоятелю Собора. Он тоже ничего не знал, но рядом с ним шла матушка, которая была настолько любезна, что мягко приказала охранникам провести меня по некрополю.

Охранник показал мне, где похоронены родственники Пушкина и его друзья. Я перевела взгляд на

другую сторону дорожки и увидела у северной части алтаря Большого собора два надгробия одинаковой формы: куб, цилиндр и конус. Ниже – неразборчивый текст. Возможно, что под одним из надгробий – Прокофий Акинфиевич, под другим, поменьше – его жена, Татьяна Васильевна.

Зная о том, что у Прокофия был противоречивый и непредсказуемый характер, мы сегодня не удивляемся тому, что и надгробие его составлено из многообразия геометрических фигур, так как в науке о природе человека говорится, что каждому темпераменту соответствует определенное геометрическое обозначение. А здесь мы имеем все эти обозначения сразу.

Вспомним: Прокофий был чудаковат, но шутил беззлобно, и над его шутками смеялась вся Москва. Он был грубоват с высокими вельможами, да так, что Екатерина II называла его «дерзким болтуном». Но он был также и великодушен: вспомним его меценатство и Воспитательный дом в Москве. Он давал деньги в долг под проценты, но при этом был сентиментален: в своих письмах он пишет о растениях как об одушевленных существах. Да, он порой был резок с людьми, но мы знаем также и то, что он был заботливым отцом и в письмах к дочери учил ее «как жить надобно».

Мы теперь знаем, что характер его не прост, но то, что и надгробие его за себя говорит – это удивительно. Каким образом его близкие могли знать тогда, что через двести лет появится такая наука, которая расскажет нам о Прокофии... знаками?

Известно, что, когда Адриан Иванович посетил эти захоронения, здесь был еще шар, поставленный сверху на конус. Может быть, я ошибаюсь, и это не тот памятник? Но

в статье Адриана Ивановича, напечатанной в газете «Московские ведомости», четко сказано, что надгробие находится в северной части у алтаря Большого собора.

Что произошло с тех пор? Спросить было не у кого. Адриан Иванович Ефимов, потомок Прокофия и первооткрыватель его захоронения, ушел из жизни в мае 2000 года.

Мысли по дороге домой

Сидя у окна в вагоне поезда, я смотрела на мелькавшие за окном улицы Москвы, и мне чудилась смущенная улыбка Елены Адриановны. Да, она очень скромна. До чрезвычайности. Когда она «консультировала» меня насчет того, что именно я должна сказать администратору при размещении в гостиницу, которая имеет прямое отношение к Академии наук России, она была категорически против того, чтобы в разговоре прозвучала ее фамилия.

Во время посещения нами церкви она запросто могла «поставить на место» хамоватого охранника, сообщив ему, что она, Елена Адриановна, является потомком Демидова – человека, финансировавшего строительство этого храма. Она этого не сделала.

Видимо, она пошла в отца. По словам людей, знавших его, он был очень скромнен. Настолько, что, обнаружив лет 20 назад надгробие своего знаменитого предка, он ничего никому не сказал. Возможно, он не сделал этого потому, что время тогда было иное, и в обществе царила другая идеология. Но он мог это сделать позже. Однако он довольствуется тем, что публикует сообщение о своей находке в московской газете.

Думается, именно этим и объясняется тот факт, что до сей поры никто в монастыре не знает об этом захоронении.

Свою причастность к семейству Демидовых Елена Адриановна не афиширует, напротив, отводит от нее внимание. Но вот фамилию своей сестры, а вернее, ее мужа, И.В. Голицина, она произносит во всеуслышанье. Его картины и картины его детей экспонируются по всей России.

Думается, что и Елене Адриановне, без сомнения, есть кем гордится. У нее замечательный дед, народный художник России – Иван Семенович Ефимов, у нее великолепная бабушка – Нина Яковлевна, которая имела возможность заниматься любым видом искусства, так как в совершенстве владела многими из них. У нее потрясающий отец – Адриан Иванович, геолог и искусствовед одновременно, и чудесная мать – Екатерина Александровна, по призванию – геолог, по увлечению – растениевод.

И сама она, геолог по профессии, не могла скрыть свою любовь... к цветам. Несколько раз в разговоре она с гордостью отмечала, что у нее на даче уже расцвели диковинные цветы. И, находясь у ворот церкви, не могла пройти мимо грядки с точно такими же бутонами. Затем, немного позже, она показывала нам фотографии, на которых красовались именно эти цветы. На одной из этих фото и «цветы жизни» – дети, запечатлены тоже. Их, внуков, у нее трое. И все девочки. «Мальчики еще будут», – не унывает она.

Хочется верить, что у фамилии Демидовых-Ефимовых все еще впереди и все еще будет, как есть и сейчас: и творчество, и созидание, и народное признание, несмотря на бури, пронесшиеся над страной. Главное – они помнят о своих корнях.

Служитель двух муз

С жизнью и деятельностью уральских горнозаводчиков Демидовых знакомы многие любители краеведения, но мало кому известно о потомках этой знаменитой династии, наших современниках, оставивших, как и их предшественники, незабываемый след в истории России.

Об Адриане Ивановиче Ефимове, мне рассказала при личной встрече его дочь – Елена Адриановна, в ту пору преподаватель МГУ.

А.И. Ефимов, продолжатель рода Демидовых, родился и вырос в семье художников – И.С. Ефимова, потомка Прокофия Демидова, и Н.Я. Симонович-Ефимовой, сестры великого русского художника Валентина Серова.

Единственный сын в семье, погруженный с детства в атмосферу творчества и вдохновения, он, тем не менее, выбрал для себя профессию геолога. Решающую роль в этом сыграл известный русский философ и ученый, профессор ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЛОРЕНСКИЙ, частый гость в доме Ефимовых. Он же на первых порах и помогал Адриану Ивановичу «встать на ноги» в науке. Учитель и покровитель Адриана Ефимова, он, как и другие выдающиеся личности сталинской эпохи, закончил свою жизнь на Соловецких островах.

Тридцать лет трудовой деятельности Адриан Ефимов провел в «скитаниях», занимаясь разведкой источников водоснабжения на только что открытых месторождениях Восточной Сибири. Будучи старшим научным сотрудником Института мерзлотоведения, он принимал участие в исследованиях недр Западной и

Центральной Якутии, где с 1955 по 1963 годы проводились широкомасштабные буровые работы по разведке алмазных и газовых месторождений. Потомок Демидова был одним из пяти первооткрывателей Якутского артезианского бассейна, доказавших, что под мерзлым грунтом толщиной в четыреста метров находятся залежи пресной воды.

Не обошлось без его участия и строительство Иркутской ГЭС, где он проводил детальное обследование грунта в поисках безопасных площадок под возведение промышленных объектов. Он разработал ряд мероприятий, позволяющих закладывать фундаменты зданий в условиях вечной мерзлоты, а его теоретические расчеты о методах поиска подземных вод в дальнейшем получили свое подтверждение.

Дома, в Москве, где его ждали жена и две дочери, Адриан Иванович появлялся только изредка. Когда он приезжал в отпуск или командировку, в доме наступал праздник. Частенько он появлялся не один, а в компании какого-нибудь «бродяги-балагура». На огонек съезжались знакомые, друзья, и начинался обмен мнениями и новостями, то и дело прерываемый шутками и смехом. В самый разгар вечеринки Адриан Иванович брал в руки одну из кукол, входившую в театральные реквизит его родителей. Гости умолкали и замирали в ожидании представления – хозяин дома был умелым кукловодом.

После короткого отдыха дома наступала пора двигаться в обратный путь. Так продолжалось до 1963 года, когда Адриан Иванович наконец-то покидает Якутию и переезжает в Москву, где работает в институте гидрогеологии до 1976 года. Им были опубликованы более ста научных трудов, но когда в 1970 году коллеги и

общественность выступили с инициативой о присуждении ему ученой степени доктора наук, родное отечество в лице директора отраслевого института эту просьбу отклонило.

Закончив походную жизнь, Адриан Иванович смог заняться историей и искусством, хотя, казалось бы, выбранная им серьезная работа, требующая углубленного внимания, не оставляет места ни для какой лирики. Но Адриан с детства тяготел к творчеству, и судьба справедливо распорядилась так, что половину отпущенного жизненного срока Адриан Иванович изучал земные недра, а другую – всецело посвятил искусству.

Начиная с 60-х годов, он трудится над художественным и литературным наследием своих родителей-художников, готовит к изданию их книги, а с середины 70-х целиком отдается работе с архивами. К тому времени Адриан Иванович уже вышел на заслуженный отдых, и как раз этими годами датированы его письма, пришедшие на имя Н.И. Рябова, бывшего директора Верхнетагильского исторического музея. В письмах он описывает обстоятельства, связанные с разделом имущества между его предками, братьями Демидовыми, после смерти их отца Акинфия.

Адриан Иванович всегда помнил о своих «корнях». Работая над архивами, он, по всей видимости, обнаружил документы, касающиеся Прокофия Демидова, прямым потомком которого он и являлся по отцовской линии. Издавна считалось, что Прокофий избавился от Невьянской группы заводов из-за собственной недалёковидности и лени, кроме того, молва приписывала Прокофию характер самодура и пьяницы. И Адриан Иванович, пытаясь восстановить справедливость, убедительно доказывает в печати, что Прокофий был не

только меценатом и покровителем наук, но и хорошим ботаником и селекционером. Да, он часто чудачил, но беззлобно, и над его шутками смеялась вся Москва. Веселость была отличительной чертой его характера, да и его потомок Адриан так же отличался остроумием: его научные статьи и заметки о Прокофии не лишены определенной доли юмора. И, надо сказать, благое дело по «реабилитации» своего чудаковатого прародителя в глазах общественности ему удалось: в Москве уже не первый год проходят «Демидовские чтения», и Ефимовы бывают там желанными гостями.

А.И. Ефимов имел обыкновение все значимые события, касающиеся жизни научного коллектива и своей семьи, закреплять на бумаге, мотивируя тем, что со временем интересные подробности стираются из памяти. И когда в кругу друзей или домашних он принимался читать свои заметки, радости не было границ. Иногда в доме Ефимовых устраивали благотворительные концерты, а как-то перед зрителями выступил поморский писатель-гуслияр Б.В.Шергин. Он пел о северном холодном ветре, отважных рыбаках и утлых суденышках, а с портретов безмолвно взирали знаменитые предки Адриана Ивановича – Никита, Акинфий и Прокофий Демидовы.

Адриан Иванович как член общества Российского фонда Культуры участвовал в различных мероприятиях фонда – выставках, вечерах памяти выдающихся деятелей культуры, выступал с докладами, устраивал экспозиции театральных кукол. По инициативе и при активном участии Адриана Ивановича был создан музей Валентина Серова.

В дальнейшем фонду этого музея он преподнес в подарок фотографии и письма художника, а также участвовал в создании телефильма о русском живописце,

поделившись с его создателями своими детскими впечатлениями. На юбилее по случаю 90-летия Адриану Ивановичу было присвоено звание «Почетный разведчик недр». Не забыло его заслуг и Министерство Культуры Российской Федерации: в поздравлении он получил благодарность за огромный вклад в развитие отечественной Культуры и Искусства.

В 93-летнем возрасте Адриан Иванович Ефимов ушел из жизни. Он был служителем двух муз, одна из которых – наука, а другая – история и искусство, и обеим он послужил на славу, а себе – на добрую память.

Женщины рода Демидовых-Ефимовых

Спутницы выдающихся мужчин... Как несправедливо мало внимания уделяет им история, нередко попросту не сохраняющая никаких сведений об их судьбах!

О жене родоначальника фамилии Демидовых – Никиты – ничего, к сожалению не известно. Сам Никита, по одним сведениям принадлежащий к мужицкому роду, по другим – к рабочим-оружейникам, очевидно, придерживался традиционного для этих сословий мнения, мол, с бабами лишку церемониться не стоит. Если это так, то супруга его, скорее всего, и не проявляла себя ни в каких иных областях, как только в хлопотах по хозяйству да уходе за детьми.

У сына Никиты, Акинфия, похоже, было две жены. Во всяком случае, об этом сообщает Елена Адриановна Ефимова, потомок Прокофия Акинфиевича Демидова. По ее словам, совсем недавно историк И.Н. Юргин в книге «Дом в Туле» приводит новые сведения, в частности, о том, что в первом браке Акинфий имел двух дочерей – Евдокию и Анну, скончавшуюся в младенчестве, а все три его сына рождены второй женой Евфимией Ивановной. Насколько точны эти сведения, сейчас установить, наверное, невозможно.

Нет никаких сведений и о том, каким человеком была Евфимия: пишущие люди того времени, вероятнее всего, вообще не обозначили ее персоны в своих трудах. Сегодня мы можем судить о ней только по ее поступку. После кончины Акинфия в написанном его рукой завещании обнаружился «сюрприз» для наследников.

Оказалось, что все заводы отец решил передать младшему из сыновей – Никите, материному любимцу. По мнению Е.А. Ефимовой, этот «сюрприз» Акинфий уготовил именно по ее, Евфимии, настоянию. Как знать...

За время Советской власти потомки Демидовых словно забыли о своих корнях и о том, что еще при Петре Великом их фамилии было пожаловано дворянское звание. Однако на Урале все эти годы помнят Никиту как «мастера железного дела» в горном краю. И Акинфий не забыт, о нем говорят, что «железо он выплавлял самое доброе», а вот с рабочими был «крутоват» и даже использовал труд каторжников, которых впоследствии и потопил в подвале Невьянской башни.

Но с недавнего времени историки оспаривают факт утопления людей и склоняются к мысли, что зловещих подвалов не было вовсе. Может, и правда нет тяжкого греха на душе Акинфия Демидова? В этом почти совершенно был уверен его потомок, Адриан Иванович Ефимов, который много лет активно реабилитировал демидовский род. И при этом не забывал о женщинах рода. В частности, к образу своей матери, Нины Яковлевны Ефимовой, обратился он в своей книге.

Нина Яковлевна приходилась сестрой великому русскому художнику Серову, и сама была художницей «по профессии, по духу, по образу жизни и мироощущению». Она писала о своем отношении к творчеству: «Жизнь и искусство сливаются, как улитка с раковиной, как раковина с улиткой...». Таким же единым целым были они с мужем, тоже известным живописцем. Впрочем, помимо живописи, он занимался и скульптурой, и керамикой, и театром, в частности, кукольным и театром теней.

По роду деятельности супругам приходилось очень часто бывать в разъездах, и Адриана они всегда брали с собой. Как видно из книги Нины Яковлевны, «Записки художника», в ней постоянно прослеживается борьба между ее материнской любовью и непреодолимым стремлением к творчеству. Не могла она позволить себе замкнуться в материнстве, но «подбрасывать» ребенка родственникам на время своих разъездов считала абсолютно неприемлемым.

Нина Яковлевна как человек, ценящий красоту мысли и слова, благоговела перед талантливыми людьми и регулярно во время домашних бесед записывала высказывания друга их семьи, русского философа, профессора Флоренского. Она понимала значительность его слов, чувствовала их мудрость и «не по-дамски» активно переспрашивала профессора, порой и вступая с ним в спор. Много лет спустя Адриан Иванович, ее сын, систематизирует эти записи, и они частично будут опубликованы как часть философского наследия Флоренского.

Еще одна женщина появилась в роду Демидовых-Ефимовых в день свадьбы Адриана: Екатерина Рейтлингер. Познакомились они с Адрианом в Доме ученых на представлении кукольного театра Ефимовых, где он, как обычно, помогал родителям. С Екатериной Александровной Адриан Иванович прожили дружно и красиво более шестидесяти лет.

По профессии геологи, супруги выбрали разные направления деятельности. Адриан Иванович связал свою судьбу с Восточной Сибирью и ее недрами, а Екатерина Александровна работала в лаборатории геологического института Академии наук в Москве под руководством

замечательных ученых-профессоров. К середине прошлого века защитила кандидатскую диссертацию и впоследствии стала известным специалистом, как в нашей стране, так и за рубежом. Были опубликованы более ста ее работ, она соавтор четырех монографий и двух томов «справочника по микрофауне».

А в свободное от профессиональной деятельности время Екатерина Александровна очень любит разводить редкие растения и ухаживать за ними. На ее садово-огородном участке прижилась даже «каменная береза», специально привезенная в Москву с Камчатки.

В семье Ефимовых выросли две дочери, и обе они также выбрали геологические профессии. Старшая из сестер, Наталья, умерла в возрасте 53 лет. Младшая, Елена Адриановна, работает ведущим сотрудником кафедры в Университете имени Ломоносова в Москве, кандидат наук.

Адриан Иванович и Екатерина Александровна богаты внуками и внучками, правнуками и правнучками. Так что, есть кому бережно хранить и нести через годы и века память не только о выдающихся мужчинах демидовской фамилии, но и о женщинах, всегда идущих рядом с ними.

Железная работа

*(отрывок из повести о Верхнем Тагиле
«Город меж синих холмов»)*

Но вернемся на верхнетагильскую землю, в 1712 год, когда здесь было начато строительство завода. Поднимемся мысленно на гору, которая с течением времени «облысела» и теперь называется Плешивой, и посмотрим вниз. Перед нами уже не тот нетронутый уголок земли с его первозданной красотой. Нет ни дощатого мостика через реку, не видно и самой речушки: перед нами раскинулся роскошный пруд. Теперь здесь плотина, и вода с шумом падает вниз с высоты.

Плотины строили под руководством плотинного мастера. Вынимали землю, вбивали сваи и между ними насыпали глину, которую утрамбовывали пятками так плотно, чтобы принимающий работу приказчик не мог проткнуть глину спицей.

Территория строящегося завода обнесена со всех сторон крепостной стеной, за которой идет работа по строительству завода. В выровненную размеченную площадку тоже вбивают сваи, кладут дикий камень с глиной, засыпают мелким щебнем и песком, заливают известью – здесь будет стоять домна, жерло которой выложат из дикого камня, наружные стены – из кирпича, испеченного из местного «теста».

Так было в 1712 году.

А теперь заглянем в год 1720-й. На заводе пущены в эксплуатацию молотовые, кричные цеха. Заработала домна. Она старательно пыхтит и «варит» чугуны. Все межгорное пространство заполнено гулом завода. Шумят водонаборные колеса, громкими вздохами надуваются

доменные мехи, в кричных цехах слышится металлический скрежет, удары молотов.

По эстакаде, ведущей на колошник – верхнюю часть домны, поднимаются телеги с рудой и песком. Все это сваливается в отдельные кучи и периодически порциями подается в домну. Сначала уголь выжигали тут же, на территории завода. Сортировали дрова по породам дерева, сооружали поленницы, обкладывали их дерном, оставляя в центре отверстие для тяги, затем поджигали горячей берестой и, когда костер разгорался, заваливали поленницы землей. Потом для выжига отвели особые места: в урочищах деревни Воробьи и на реках Сулеме и Каменке. И вот вдоль улицы поселка тянутся подводы, груженные коробами с углем. Это с урочищ везут топливо для домны. Телеги направляются к складам, возчики сдают жетоны с надписью «1 короб» приказчику, который делает отметку в своих записях.

Руду брали с разных мест. Вначале с Шайтанского и Черноисточинского рудников, затем с Ломовского, что в окрестностях Тагила «сыскана Федьковской деревни крестьянином Гавриилом Симбирцевым». В недрах близлежащих гор тоже находили кварц, известняк и железные руды: в Кудрином логу, в Кузовой яме, Казенной горе – у самого завода, у кержацких могил возле Теплой горы. Но местная руда отличалась тугоплавкостью и зачастую приводила к авариям на домне, поэтому хозяевам было выгодно возить руду с горы Высокой, хотя она и требовала предварительного обжига.

Обжиг проводился здесь же, на территории завода. Складывали из дров костер объемом до десяти кубических сажен, засыпали руду – до четырехсот пудов и обжигали в течение сорока суток. Затем руде давали остыть, после

чего разбирали и вручную тяжелыми кувалдами дробили на куски величиной не больше кулака.

Впрочем, не одной железной и медной рудой были богаты здешние окрестности. Читаем у Геннина в «Описании партикулярных заводов»: «Близ одного завода имелся каменный лен, обыскан Невьянского завода жителем Софроном Согрою в горе, и одного несколько из того места и добыто, а лежит между серым диким камнем, и жила его шла толщиной в полвершка и толще, по которой сверху пройдено было вниз аршина с два. И потом оный лен в том месте пресекался. И еще одного находится и в других местах на той же горе, только весьма мало». Каменным льном в ту пору называли асбест.

Говорят, однажды Никита Демидов, придя к Петру на застолье, подарил ему асбестовую скатерть. Петр был доволен, и тут же набросил ее на стол, а Никита, как бы нечаянно вылил на нее бокал вина. Увидев, что царь нахмурил брови, он сдернул скатерть со стола и бросил ее в огонь. Через несколько минут из камина достали чистое, ничуть не потерявшее своего вида, асбестовое полотно.

Но вернемся на завод. Все его цеха, кроме доменного, построены из дерева. К цехам по шлюзам проведена вода, которая, падая с двухметровой высоты на водонаборные колеса, заставляла их вращаться. Колеса, в свою очередь, приводили в движение технику, находившуюся в цехах. На заводе постоянно работала одна домна из двух, у каждой был свой литейный двор. Мастерство горнового основывалось на интуиции и опыте.

Заглянем в кричный цех. На каждом молоте установлены по два горна. Как и в домне, здесь свои «духовые мехи», гнавшие в горны «густой воздух».

Правда, кричные мехи по размерам меньше доменных, но приводятся в действие таким же двухсаженным водонаборным колесом. Внутренность горна выложена чугунными плитами, на них и плавится крица. Капля за каплей на дне горна образуется ноздреватый рыхлый ком, который называется «полукрицей». Эту «полукрицу» кузнецы крошат балодками и вновь поднимают на угли. Дождавшись, когда крица вырастет до нужных размеров и приобретет нужный цвет, мастер выхватывал ее из горна.

В кричном цехе из чугуна получают ковкое железо, затем это железо в горячем виде подают на наковальню, где молотом придают ему определенную форму.

Путевые краеведческие очерки

Соприкосновение

Авось, привезет

В конце лета мы решили поехать за малиной на вырубке, которые тянутся вдоль Новой Сулемской дороги. Дорога грунтовая, выровненная и засыпанная в «рисковых» местах. Вдоль нее тянутся трубы заброшенного водовода, и кое-где возвышаются промежуточные станции, имеющие в настоящее время весьма непривлекательный вид.

Впереди – крутой подъем в гору, где на вершине, за деревьями, виднеются остроконечные камни. Вот бы подняться на них! Выходим из машины и устремляемся вперед. И вот мы уже на перевале, но никаких камней не находим. Дальше внизу лесистая долина и... гора с каменной грядой на вершине. И до нее топать и топать. Что поделаешь – обман зрения.

Угрюмо возвращаемся назад и решаем больше «не партизанить», а доехать сразу до места. Вся беда в том, что мы не знаем, как оно выглядит, это «место». Да, нами управляло русское «авось», оно сидело рядом в машине и с восторгом глядело по сторонам. Вот мы проехали запрещающий знак, говорящий о том, что за ним начинается охранная зона Висимского заповедника, и погнались «на всех парусах» вперед. И дорога, прекрасно просматривающаяся на десятки километров, то опускаясь в долину, то, поднимаясь в гору, бессовестно манила нас все дальше и дальше.

Судьба отряда

Мы ехали в Большие Галашки. С этой деревней связаны не только мои детские грезы, но и, как оказалось, история демидовских заводов тоже. В свое время по Старой Сулемской дороге Никита и Акинфий Демидовы, а впоследствии и другие хозяева, Собакины-Яковлевы, возили на Чусовую чугун и железо для дальнейшей их отправки на стругах вниз по реке. Река Чусовая впадает в Сылву, Сылва – в Каму, Кама – в Волгу. Дальше при помощи бурлаков груз поднимался до Твери и оттуда по реке Тверце и Вышневолоцкому каналу направлялся к Новгороду, а затем к Петербургу.

На Чусовой находилось несколько пристаней, и с каждого чугунолитейного завода к прибрежным селам были проложены дороги: с Невьянского – Сулемская, с Верхнетагильского – Старошайтанская и так далее. Начиная с весны и до поздней осени, по дорогам шли караваны лошадей, груженные чугуном и железом.

Но вот в 1774 году работа на заводах приостановилась, и на дорогах началось «шевеление» другого рода. В деревне Большие Галашки, являвшейся промежуточным пунктом между Невьянском и пристанью, расположился отряд правительственных войск, который в спешном порядке был отправлен на борьбу с пугачевским атаманом Белобородовым.

Иван Белобородов, уроженец Кунгурского уезда, сын заводского крестьянина, солдат, рабочий порохового завода, в январе занял Билимбаевский завод графа Строганова, затем захватил Ширяевский Нижнешайтанский и пошел на Уткинский завод, находившийся на одной из пристаней реки Чусовой.

Получив порох и оружие из Нижнего Тагила, отряд выступил навстречу атаману Белобородову. По дороге им встретился служитель Невьянского завода и сообщил, что Уткинский завод окружен, и там идут бои. Собрали совет, послали еще за пушкой, и только встреча с верховым татаринном, заявившим, что Шайтанский завод Яковлева еще не занят, побудила отряд продолжить путь. Кстати, с Верхнетагильского чугунолитейного и железоделательного завода железо возили как раз на пристань Шайтанского завода... Так вот, на Шайтанском заводе им сказали, что пугачевцы отступили от Уткинского завода, и дорога туда еще свободна. Они вступили в Уткинский завод, и... попали в пекло.

Заводы раньше строили, как крепости, с высоким забором и смотровыми вышками. Известно, что, прежде чем атаковать, пугачевцы предложили отряду сдаться, но осажденные в «крепости» правительственные люди вместо ответа вынесли им на шесте «манифест Екатерины II» о повиновении. Такое поведение пугачевцы восприняли, как отказ склонить головы перед представителем Пугачева, «Петра II», как он себя именовал, и потому, после того, как они штурмом заняли завод, поступили «по-царски» – расправились с «гордыми» людьми.

Дальнейшая судьба атамана Белобородова так же незавидна: еще до окончания крестьянской войны он был пленен Михельсоном под Казанью, высечен кнутом, затем отправлен в Москву и там казнен.

Понимающий Марин

Но вот мы перевалили через гору, и перед нами предстала безлесная долина, где на ветру колыхались пожелтевшие травы. Река Сулем, изящно изгибаясь и делая замысловатые повороты, безжалостно разрезала поле надвое.

Но где же выход к воде? И мы запетляли по проулкам маленькой деревеньки, так не похожей на... Большие Галашки. Вот машина остановилась уже на окраине селения, рядом с ветвистыми соснами, облюбовавшими место на высоком берегу. От стоявшего неподалеку дома к нам навстречу поспешил высокий статный мужчина. Мы разговорились.

Как оказалось, это был заместитель директора Висимского заповедника по научной работе Юрий Федорович Марин. Он сразу же поинтересовался целью нашей поездки и, видимо, поняв, что мы никакие не «вредители лесов», да и убегать не собираемся, а наоборот, забрасываем его вопросами относительно истории здешних мест, сделался словоохотливым, хотя на протяжении всей беседы нами ощущалась настороженность с его стороны.

Он рассказал нам, показывая в сторону сосен, что там находится старинное кладбище, где на сегодня осталось всего несколько ухоженных могил, другие представляют собой холмики, поросшие травой; что там, посреди кладбища когда-то стояла сосна, потом под воздействием сильного ветра она упала, и по месту слома определили ее возраст. Ей было 400 лет! Что-то невероятное! Видимо, старожилы встречаются не только среди людей.

И вот мы идем в ту сторону. Трава по пояс. И для того, чтобы сфотографироваться, необходимо взобраться на высокий пенек. Теперь я поняла, почему создается впечатление, что нельзя подойти к реке. Да потому что к ней и на самом деле никто не подходит. Заповедник! И потому здесь вольно растут травы, которые могут достигать высоты необычайной.

Но вот мы возвращаемся к машине, и Юрий Федорович предупреждающе рассказывает нам о том, что недавно какой-то грибник истоптал весь опытный участок. Такие участки отводятся на территории всего заповедника специально для наблюдения за окружающим миром и изучения природных процессов, происходящих без участия человека. Вся беда в том, что этот горе-собиратель забрался на тот самый клочок земли, где проводятся очень важные детальные исследования.

Но, к счастью, такие случаи безалаберного отношения к природе очень редки. Как правило, все они должны фиксироваться органами внутренних дел, и на сегодня в заповеднике все спокойно. И на душе тоже. Даже тянет пофилософствовать.

Философия на колесах

Нечасто в жизни случаются ситуации, когда история и природа столь тесно соприкасаются друг с другом. А почему бы и нет? Например, эволюция. Разве это не процесс исторического развития всего живого на земле? И это не единственное общее поле деятельности названных наук: и там, и тут ученые уходят «в поле», при этом и те, и другие оберегают объекты своего изучения от... человека.

От любителей «живой природы», с одной стороны, и от любителей исторических ценностей, с другой.

Но, уйдя в поле и проводя там работы, они ведут исследования не только в разных направлениях, но и разными методами: историк заинтересован в том, чтобы все найденные предметы сохранились в первоизданном виде, а для ученого, ведущего исследования на природных участках, наоборот, важны «процессы».

У природы есть лаборатория – заповедник, где собираются и фиксируются факты, выявляются закономерности, и там присутствие человека совсем необязательно. У истории в запасе целых две лаборатории, в одной из них изучают «недра земли» на предмет выявления продуктов жизнедеятельности древних племен, и где также желательно отсутствие людей; и вторая лаборатория под названием «театр жизни», где человеку отведена главенствующая роль.

Получается, что история человека и история природы, соприкоснувшись, на конечном этапе расходятся в разные стороны. Такое ощущение у нас возникает, когда мы сравниваем неизменность исторических экспонатов в музее и полную событиями жизнь насекомых где-то на опытной поляне.

Исследуя вторую ситуацию, мы наблюдаем жизнь и человека, и животных, и растений во всей совокупности, но в разных лабораториях, то есть мы имеем перед собой «движение жизни». И, стало быть, впереди нас ждут те самые «процессы». Важно, чтобы человек, участвующий в них, не ощущал себя лишним, а боролся за место под солнцем, защищал свою правду, как это делали в свое время и пугачевцы, и правительственные люди.

Путешествие во времени

Божья благодать

Моноotonно гудит моторка. Волна ударяет о борт лодки, разбиваясь на сотни зеленоватых частиц. Я крепко прижимаю к себе восьмилетнего сынишку, который, сев в лодку, моментально изменился. Это уже не тот подвижный, озорной ребенок, каким был на берегу. Теперь он сидит тихо и неосознанно придвигается ко мне. Глаза гипнотически прикованы к воде, в них сквозит любопытство и страх. Мы идем по самому большому озеру в округе – Аяцкому – и оно воспринимается им как море.

Вдалеке, где небо соединяется с водной гладью, вдруг показалась косматая черная туча и стремительно поползла на нас. Моя взрослая дочь, сидевшая на носу лодки, повернула ко мне встревоженное лицо: навстречу нам катились огромные пенистые волны.

– Переждем в протоке! – донеслось до меня сквозь шум волн и мотора.

Мы повернули налево, чтобы спрятаться в камыше. Но совсем рядом, метрах в пяти от нас, из воды торчали камни! Наш капитан, чертыхнувшись, резко повернул руль вправо, зачерпнув бортом волну. Мотор заглох, и нам с трудом удалось поставить посудину по ветру, чтобы ее не перевернуло.

Я смотрю на сынишку: бледное лицо, посиневшие пальчики, крепко ухватившиеся за меня. Во взгляде испуг и... жажда приключений.

– Посмотрим, есть ли проход между островом Красным и левым берегом, не закрыт ли он плавающими островами, – кричит нам рулевой.

С горем пополам завели мотор и, осторожно объезжая торчащие из воды камни, приблизились к маленькому участку суши, сплошь покрытому непонятной растительностью сферически-округлой формы.

Внезапно ветер стих. Наши взоры устремились навстречу величественно надвигающемуся загадочному острову.

Лучи солнца, пробивая тучи, серебристыми ленточками прикасаются к макушкам деревьев. Кажется, что по этим светящимся дорожкам спускаются на землю небесные ангелы, чтобы творить чудеса. Сам остров своим контуром напоминал церковь. Его куполообразная листовая шапка по-осеннему разноцветно переливалась в золотистом свете.

Насилу найдя протоку, мы свернули по ней к берегу. Долго петляли, застревая в плавающих кочках и запутываясь во множестве белых и желтых лилий. Но вот впереди замаячил травяной берег. Но что это? Я не могу выйти из лодки, потому что не чувствую под собой твердого грунта: почва качается под ногами.

По утопающим в воде дощечкам добираемся до избушки, бросаем вещи, оглядываемся на показавшийся недосыгаемым остров. А под ногами, на пожелтевшем невысоком мху алеют продолговатые крупные бусинки – клюква. Ни дать, ни взять:

Лето красное гуляло.
Красны бусы потеряло.
Мы присядем, вчетвером
Эти бусы соберем.

Прошло совсем немного времени, и мы уже расхаживали по трясине, словно по асфальту. Оказывается, по болоту можно не только бродить по колено в воде, но и бегать наперегонки. Правда, становится не до шуток, когда вдруг проваливаешься и, потеряв под собой опору, начинаешь хвататься за что попало.

Только к вечеру мы собрались на Красный остров. Теперь мы приближались к нему с другой стороны, и опять он светился на солнце, играя красноватыми красками. Причалили. Привязали лодку. Я стою и от восторга не могу дышать. Остров зрительно наполнен воздухом. Как одуванчик устремил ввысь свои невесомые парашюты: на этом маленьком клочке земли растут одни липы, и их полукруглые кроны рвутся вверх пожелтевшими абажурами.

А что там за камни на берегу? Чудно! Большое каменное плато, окаймленное полуовальной ступенькой, которая как бы спускается на трибуны сказочного амфитеатра. Словно здесь проходили собрания античных богов, которые спустились с неба по золоченой лесенке солнечного луча.

Но что там, дальше?.. Боже мой! Передо мной стоит пикой рассекающая небо многовековая лиственница, в два обхвата шириной, стройная, высокая, но... наполовину сожженная у основания. Она стоит, не шелохнувшись, и, словно назло всем невзгодам, корнями крепко обхватывая землю, гордо направляя свой взор к небу.

Не отрывая от нее сочувственного взгляда, обхожу униженное, но не сломленное живое изваяние, и... натыкаюсь на срубленное и растерзанное дерево. Пройдя дальше, вижу гору использованных емкостей из-под

пищевых продуктов. А на берегу – следы пожарища, обгоревшие бревна и доски.

Идиллии как не бывало. В сердце ворвалась тревога. Кажется, что из высокой травы смотрит на меня кто-то затаивший подлые мысли, и видя мое смятение, злорадно похохатывает и потирает руки. Я ощутила присутствие чьей-то злой воли. Стало жутко. И я поспешила к своим.

Как и наши острова – Молебный, Средний, Красный, Святой – вся Земля сегодня стонет от боли. Ее терзают атомными взрывами, корежат гусеницами, зарывают в нее радиоактивные отходы. Она должна носить на себе бандитов и убийц, позволять топтать себя подонкам и насильникам, вынуждена резать себя на дачные участки для воров в законе и при законе... И наше отношение к природе зеркальной стороной поворачивается к нам же самим.

Все дальше уходит наша лодка, все тоньше становятся деревья на острове Красном. Вот уже невозможно отличить стволы друг от друга, все смешалось в сплошном массиве. За островом садилось солнце, и с той стороны, сквозь шум мотора, явственно слышался прощальный звон колоколов...

Немного истории

Стояли когда-то три озера: Большое, Среднее и Малое, соединенные протоками. Человек решил слить их вместе и для этого построил дамбу. Возникла водная равнина, ушли на дно все низменности и заболоченные места, и открылся простор необозримый.

Так в 1825 году образовалось Аятское озеро, которое по объему водной массы не имеет себе равных в предгорной полосе. Длина его 12 км, ширина – 6, площадь 30 кв. км. Глубина в среднем 4,2 м. Это – по данным 1960 года. Потом увеличивались размеры дамбы, а с ней – и озера. Озеро собирает воды с площади более 300 кв. км, в него впадают 10 болотных ручьев и речек, и, как всесильный родитель, оно отпускает в самостоятельную жизнь реку Аять.

При слиянии озер образовалось три острова. Первый на нашем пути остров – Молебный. Место красивейшее, высокое. До 1825 года сюда приходили молиться. Теперь остров используется как перевалочная база заготовки мха. Если посмотреть сверху, он буквально испещрен тропами, и повсюду видны следы костров.

Та же картина и на следующем острове – Красном. И на Святом тоже. Я даже не сразу отыскала место раскопок, которые проводились здесь в 1960 году Уральской археологической экспедицией. Немногом раньше, а именно в 1956-м, в этих местах было обнаружено четыре древних поселения.

Остров Святой – последний из обозначенных памятников. Первые два поселения были обнаружены в устье реки Шайтанки и в 900 м к западу от него. Берег там низкий, заболоченный. В 50 м от берега, на небольшой поляне, заросшей крупным лесом, когда-то стояла охотничья избушка, от которой сохранился полусгнивший нижний венец. На южном краю поляны заложили шурф и обнаружили черепки эпохи железа. Там же был найден развал печи или горна, который археологи определили как остатки литейного агрегата. Сошлись во мнении, что здесь,

на стоянке «Шайтанка-2», имело место двойное заселение.

Еще один пункт обитания древнейшего человека – мыс Березовский. Он представляет собой небольшой выступ берега, возвышающийся на пять метров над уровнем озера. С трех сторон омывается водой. Прибрежная часть заросла камышом и тростником, однако по сужающейся протоке путешественник может причалить к берегу и ступить на землю.

В давние времена на берегу стояла избушка, сложенная из бревен. В канавке, тянущейся по ее периметру, находили осколки керамики. Раскопкам мешал огромный трухлявый пенёк. Его аккуратно удалили и... обнаружили три топора. Находки относятся ко второму веку до нашей эры – этапу Горбуновской культуры.

Много раз я любовалась озером, но только с берега, с причала. А сегодня мы, наконец-то, смогли по нему прокатиться и посетить все названные острова, на которых не так давно обнаружены поселения древних людей. Под гул моторки мы удаляемся от острова. Огромные парашюты поразивших нас деревьев зрительно сдуваются и остаётся просто лесной массив, который постепенно превращается в зелено-желтый пригорок на фоне водной глади. Спасибо остров за встречу с историей и... за испытанные эмоции!

Путешествие по Шайтанскому тракту

Навстречу прошлому

К ним в машину я напросилась сама. И теперь мы, который уже час, мчались по междугородней трассе, среди темнеющего в сумерках леса.

Рядом со мной на заднем сиденье – директор Шалинского лесхоза Юрий Максимович Ошурков. Мы познакомились несколько часов назад в Кировграде на торжественном заседании, состоявшемся в честь юбилея Висимского заповедника. Он подошел к директору Верхнетагильского историко-краеведческого музея А. Н. Пискунову и стал расспрашивать об истории Шайтанского тракта, почти три столетия соединявшего Верхний Тагил с Чусовской пристанью.

Когда-то по этой дороге, за неимением других путей сообщения, из Верхнетагильского демидовского чугунолитейного и железоделательного завода в село Чусовое шли «железные караваны» – вначале до реки, где металл грузился на барки, а затем по Чусовой до Камы и отправлялся дальше по Волге в центральные районы России. Теперь со стороны Верхнего Тагила этой дороги нет. А со стороны Чусового старый Шайтанский тракт тянется почти до Кедрового кордона, который находится на середине этого пути.

Мне захотелось проехать по демидовскому тракту, почувствовать твердь этой исторической дороги, вдохнуть тот воздух, что ее окружает. Мои собеседники не отказали в просьбе. Ведь они – «хозяева» леса, сквозь который и проходит Шайтанский тракт. Но вначале необходимо было

добраться до села Чусовое, и уже от него продолжить путь по дороге к Кедровому кордону.

И вот наш спидометр отсчитывает километры. Позади осталось Нижнетагильское распределительное кольцо, указатель «Азия-Европа». Теперь мы едем уже по другой части света, мимо огромного залива с живописными островками посередине; ненадолго заезжаем в поселок Висим, останавливаемся у дома, где родился наш знаменитый соотечественник Мамин-Сибиряк, и несемся дальше по узкой зигзагообразной трассе.

Но вот водитель сбавляет скорость: у обочины парами прогуливаются птицы. Это вальдшнепы! В высокой траве замечаем крупную лисицу, которая, увидев машину, запрыгала от дороги к лесу, высоко поднимая хвост. «Охотится», – подумала я.

Наконец-то дорога стала прямее. Справа мелькнул указатель – «д.Мартьяново». Побывав на другой день в Чусовском музее, я прочла в рукописной тетради несколько слов об этой деревне. Основана она, якобы, сыном того самого протоппа Аввакума, который в 60-х годах 17 столетия противостоял патриарху Никону, настаивая на «чистоте» русских священных текстов, так как считал, что при переписи Священного писания в книгах были допущены ошибки. Он выступил против церковной реформы, затеянной Никоном.

Вскоре и Никону, и Аввакуму пришлось «сойти со сцены»: властолюбивый патриарх из-за своей гордыни потерял власть над церковью, а протопп Аввакум в 1682 году погиб на костре. Его сына звали Прокопий. Он бежал из г. Мезени от преследователей и скрывался в скитах под фамилией Мезенин. Был у него приятель – беглый

каторжник Ошурков, который поселился вместе с ним. Оба они являются родоначальниками двух известных в округе фамилий. Рядом со мной в машине сидел потомок одного из них...

Шайтан-камень

Следующий день опять начался с дороги и с посещения музея... под открытым небом.

Село Чусовое. Перед взором открывалась великолепная картина: покатые холмы, к которым по обе стороны реки лепились жилые домики, высокий скалистый берег и широкий висячий мост.

Вначале мы решили взглянуть на висячий мост с Шайтан-камня, который называется так потому, что стоит как раз на повороте реки, и, говорят, в лихие времена об этот камень разбивались барки. В исторической работе Кафенгауза сказано, что при нападении разбойников на струги приходилось рубить канаты и «отпускать их на погибель».

Чтобы пройти на камень, нам приходится пробираться через высокий «лес» из лебеды, крапивы и репейников. Но вот мы уже стоим на каменных складках Шайтан-камня и смотрим вниз, где темнеет черная вода.

– Здесь глубина метра три. Страшно? – спрашивает Юрий Максимович.

Если честно, то нет. Во мне проснулась отвага, и я вовсю наслаждаюсь ею.

Мы прошли на висячий мост. Он здесь единственный, что соединяет два берега реки. По нему можно проехать даже на телеге. А как здорово на нем раскачиваться! Юрий Максимович подходит к канату и

намеревается показать мне, как это делается. Моя отвага мгновенно улетучивается...

Наконец, мы уходим с моста – туда, где на гористом берегу давно стоит «газик». И едем дальше, к Шайтанскому тракту. Вначале – по распаханному на зиму полю, потом переезжаем брод и мчимся по безлесой горе. Проезжаем место, где в 1777 году крестьяне и рабочие Чусовского завода остановили пугачевцев, намеревавшихся после занятия Уткинского завода, расположенного выше по реке, захватить и Чусовской (тогда Шайтанский) завод. Думаю, понимали пугачевцы, что железо, подвозимое из Верхнего Тагила, идет на изготовление оружия, которое может быть направлено против восставших... А раз так, то все такие заводы стали их первой «мишенью».

Но до завода в Чусовом пугачевцам дойти было не суждено. Дошли они до Шайтанской дороги, которая сегодня ленточкой выбегает на опушку.

Посмотрим на эту дорогу. Она добротна и засыпана мелким камнем. По ее обочине, словно стайки кур на птичьем дворе, разгуливают молодые глухари. И если самки по-глупому бесстрашны и даже не пытаются скрыться в траве, то самцы, расхаживающие в гордом одиночестве, увидев приближающийся «газик», презрительно поворачиваются к нему спиной и неторопливо покидают проезжую часть. По словам знающих людей, этих «кур» притягивает к себе дорога, которая своим мелким гравием «помогает» им перерабатывать пищу. На дворе осень, и глухари в это время набивают зоб... камнями.

Но вот мы съезжаем с Шайтанской дороги и по камням и кочкам, невидимым в траве, устремляемся через

лес к охотничьей избушке. «Газик» всюду клюет носом, качается из стороны в сторону. И кажется, будто деревья в панике отскакивают от машины.

Избушка возникла перед нашими глазами, словно гриб из-под земли. Кончилась березовая роща: перед нами стоял колдовской лес, очень похожий на театральные декорации к сказке «Машенька и медведь». Из болотистой земли торчали диковинные коренья, в небо устремлялись величественные лиственницы, рядом с которыми ощущаешь себя маленькой девочкой Машей, оказавшейся в плену у медведя...

Дорога через столетия

Обратный путь из охотничьей избушки к Шайтанскому тракту показался мне не таким кошмарным, хотя тряслись мы на тех же кочках и пнях. Сейчас нужно попытаться все же доехать дальше, до Кедрового кордона.

Когда, наконец, мы выехали на дорогу, за окном замелькал молодой лес, деревьям которого было от силы лет шестьдесят. Вот справа показалась, по словам Юрия Максимовича, его первая делянка саженцев. Сразу и не поймешь, что здесь должно произрастать: среди крохотных елей возвышались молодые березки.

Между тем, засыпанная дорога кончилась, и началась лесная, с ямами и ухабами. Слева простиралась вырубка, заросшая малинником. Впереди – спуск и путь в гору. Юрий Максимович рассказывает:

– С недавнего времени большая часть Шайтанского тракта входит в охранную зону Висимского заповедника. Еще раньше повадились сюда «гости» из соседнего

района. Бьют лосей почем зря. Никого не боятся. В общем, ведут себя так, словно этот лес – их частная собственность.

Машину подбросило на очередном ухабе. Это означало, что мы спустились в низину, а там, в лужах, иногда прячутся камни. На лесной дороге, которая, кстати, отличается тем, что ее можно «читать как книгу», – виднелись следы от колес крупной машины. Колея глубиной с полметра. Все, дальше не проехать.

Выходим из машины и идем вперед – нужно посмотреть, в каком состоянии находятся мостки через маленькую речушку. Они в порядке. Перед нами гора, а под горой – кордон Кедровый, где во времена Демидова стояло несколько изб и где возницы, сопровождающие «железные караваны», могли переночевать.

Казалось бы, эта дорога от одного конца до другого не потребует много времени. Но если учесть, что на телеги грузился металл, который имеет немалый вес, отчего караван двигался медленно, а также и то, что возницам приходилось идти рядом с лошадью и выбирать дорогу, то становится понятным, для чего в свое время здесь была обустроена «гостиница».

Нам оставалось только взобраться на гору и спуститься с нее. А вдруг именно там, за этим холмом, стоят полуразвалившиеся избушки без рам и стекол? От кордона еще 25 километров и... Верхний Тагил. Но, увы... Колея не даст проехать. Придется возвращаться. А чтобы добраться до Верхнего Тагила, надо опять ехать до Чусового, потом до Шали, там сесть в электричку, после чего сделать еще две пересадки...

Я стояла на дороге и смотрела вдаль. Мне отчего-то не хотелось возвращаться к машине. Безудержно манила к себе гора, за которой стоял теплый город

Верхний Тагил. Теплый – потому что в 1956 году там была построена теплоэлектростанция, которая с тех пор добросовестно обогревает все вокруг и имеет возле себя незамерзающий пруд. В том году город родился заново.

А село Чусовое со времени закрытия завода живет неторопливой жизнью, полной гармонии с природой. В 70 годах его открыли для себя художники, многие из которых даже поселились здесь. Теперь они рисуют пейзажи и проводят выставки в Екатеринбурге, и прямо здесь, в Чусовом. Жители очень дорожат нетронутой красотой окрестностей и не хотят, чтобы их идиллия была нарушена.

Все это мне посчастливилось увидеть и узнать благодаря моим нечаянным попутчикам, которые оказались неплохими экскурсоводами, заботливыми хозяевами, отличными специалистами своего дела и просто хорошими парнями.

Утренние грезы

Утром шел дождь. Я ехала в электричке и думала о том, что иногда судьба разводит в разные стороны не только людей, но и целые города и села: с закрытием железоделательных заводов заросла быльем и дорога, их связывающая. И надежды на ее восстановление мало.

Во-первых, оба населенных пункта находятся в разных административных районах, и, стало быть, у них разные финансовые карманы. А это порой является главным препятствием в любом ремонте, поскольку для этого требуется обоюдная заинтересованность сторон. Во-вторых, поскольку Шайтанский тракт входит в зону Висимского заповедника, навряд ли его руководство захочет что-то менять. Скажут: «Заповеден лес, заповедна

и дорога». И, в-третьих, появится дорога, появятся и «паломники». И не только в поисках исторических мест, но и заповедных тоже. А зачем Шалинскому лесхозу еще и Верхнетагильские браконьеры?

Но воображение не унималось. Оно рисовало мне картину: по старому демидовскому тракту мчится туристический автобус... Одно утешает: я уезжала с дождем, а это хорошая примета.

Портретные очерки

В гостях у Владислава Крапивина

Его книги читают и взрослые, и дети. Откроем любую из них и побываем на необитаемых далеких островах, окунемся в небывалые по своей загадочности приключения, испытаем щемящие по лиричности повествования, чистые возвышенные чувства.

Юношеский «морской» отряд «Каравелла» организован им самим, потому что... он иначе не может жить. Более 30 лет Владислав Петрович, этот замечательный, яркий, энергичный, неуспокоенный человек, ведет свою «Каравеллу» сквозь жизненные штили и штормы.

Дверь мне открыл сам Владислав Петрович: высокий, статный, красивый и моложавый мужчина с вьющимися седоватыми волосами.

В прихожей вдоль стен вглубь квартиры тянулись самодельные полки, заставленные снизу доверху книгами.

– У Вас библиотека начинается прямо от порога, – шуточно заметила я.

– Это от тесноты, – просто ответил Владислав Петрович, и мы прошли в кабинет, который тоже был обставлен книгами и... макетами кораблей. «Наверно, это они с ребятами из «Каравеллы» смастерили», – подумала я, но спрашивать не стала. Владислав Петрович усадил меня в кресло, сам сел на диван напротив, и мы приступили к интервью.

– Владислав Петрович, как Вы считаете, нужно ли было, в связи с новыми событиями в жизни, упразднить звание пионера, ведь у пионеров существовали неписанные

законы, которые перекликались с законами Библии: не убий, не предай, не укради, не бей в спину?

– Скажу однозначно – против. Я с самого начала считал, что пионерская организация должна существовать вне зависимости от какой бы то ни было идеологии. У нас же ее политизировали. Пусть бы дети занимались своими делами: ходили в походы, сплавились по рекам, все вместе оказывали помощь нуждающимся, то есть, развивали в себе чувство коллективизма. Когда стали убирать все, убрали... и пионерскую организацию. Совершенно напрасно. Детям необходима такая атмосфера, такое общество, в котором поддерживалось бы чувство товарищества.

– Какой бы Вы хотели видеть сегодняшнюю молодежь?

– Среди ребят сегодня встречаются и подонки, и высокопорядочные люди. Молодежь словно разделилась... на богатых и бедных, но отнюдь не в материальном смысле: от душевно бедных до внутренне богатых.

– Какие черты характера в людях вызывают в Вас неприязнь, и что Вам в них импонирует?

– Очень люблю людей обязательных, пунктуальных, то есть, чтобы они являлись хозяевами своих слов. А то бывает и так: какой-нибудь издатель или редактор обещает позвонить часа, скажем, в два. Вот уже два часа, а звонка нет и нет... Для меня это означает, что я повременю заключать с ним договор. Люблю людей действительно добрых, но отнюдь не добреньких... Не люблю хамства, подлости, лицемерия, то есть... как и все порядочные люди.

– Владислав Петрович, Ваше любимое дерево – тополь, любимый город – Севастополь, любимая часть

планеты – море, любимая часть человечества – мальчишки. Какое место в Вашей жизни занимают девочки, девушки и женщины?

– В моей жизни существует только одна женщина – моя жена Ирина Васильевна, мать моих детей. Она преподает в школе-гимназии, и я с гордостью могу сказать, что имеет место тайная и явная борьба за право обучаться у нее в классе. Она поглощена своей работой.

– В этом Вы с нею похожи... Но почему все-таки героями Ваших книг, являются, в основном, мальчишки?

– Может быть, потому что они мне ближе. У меня два сына... А в отношении девочек... Воспоминания детства, юношеские влюбленности – все это нашло свое отражение в моих повестях и романах.

– Героями Ваших рассказов всегда являются мальчишки. А Ваши дети были когда-нибудь героями Ваших повестей?

– Герой у меня в основном собирательный. Что-то я беру из своего детства, что-то из жизни своих детей, а что-то заимствую у других ребят. А вот рассказ «Лоцман» я писал с моего младшего сына Алексея. Сейчас он учится в институте на историческом факультете, а старший, Павел, закончил университет. Кстати, он рисует эскизы к моим книгам, сотрудничает в газете, пишет стихи.

– У Вас, наверняка, сохранились теплые отношения со своими воспитанниками из «Каравеллы». Стал ли кто-нибудь из них моряком или... писателем.

– Есть и те, и другие. И писатели, и моряки. Например, писательница Наталья Солонко. Ей принадлежат такие книги: «Если бы я был учителем», «Белая лошадь горе не мое». В данный момент проживает в Москве, является редактором детского журнала «Жили-были»... Много замечательных журналистов, например,

Анчуров, Мясников. Есть и такие, кто трудится по морскому делу. Это Алеша Васильев – инженер-кораблестроитель. Немало и моряков, штурманов.

– С кем из известных писателей Вы близко знакомы?

– Мы регулярно встречаемся на Съезде. Знаком с Анатолием Алексиным, с Агнией Барто, замечательные отношения сложились с Зоей Воскресенской. Встречались за чашкой чая с Сергеем Михалковым, Юрием Яковлевым. Считаю своим учителем Константина Паустовского, хотя при жизни мне не пришлось с ним пообщаться, поговорить. Читая его рассказы о Севастополе, я полюбил этот город.

– Первый свой рассказ Вы написали в семилетнем возрасте на газетной бумаге, а когда побежали ручьи, Вы сделали из этой газеты кораблик и без сожаления пустили его в ручеек... Этот ручеек до сих пор не иссякает. Мне известно, что Вы пишете по три вещи сразу. Как у Вас возникают образы, и откуда Вы черпаете силу воображения?

– Утром сажусь за стол... и... воображение само ведет за собой.

«Это от Бога», – подумала я и задала следующий вопрос:

– В этом году в Москве проходила выставка-ярмарка детской книги. Вы тоже посылали туда свои вещи?

– Вообще-то инициатива принадлежит издательству. Были, наверное. Точно не знаю.

– Были ли у Вас в творчестве «черные дни», когда не хотели публиковать, преследовали критики?

– Да, и очень продолжительное время. Взять хотя бы издательство «Армада». Позвонили, сделали заявку, я

предоставил материал. Через некоторое время звонят и извиняются. Так, мол, и так, мы это печатать не будем, потому что у Вас в повестях слишком много отношений. Отношениями они называют развитие сюжета, психологические мотивировки, которые толкают героев на те или иные поступки. Им подавай события в голом виде!

– Стоит ли обращать внимание, если критикуют то, что у Вас хорошо получается?

– Это понятно... Ничего не поделаешь, у людей такой интеллектуальный уровень... Кроме всего прочего, затратил силу, время, получается впустую. Существует же еще и денежный вопрос, иногда он встает особенно остро.

– При нашей несовершенной оплате труда это неудивительно.

– Об этом уже устали говорить. Учителя, врачи, журналисты, писатели – они все проделывают колоссальную работу, но увы... Получается, что стараются больше для души, внутренней удовлетворенности. По сути, так оно и есть.

– Кто из писателей-классиков Вам наиболее близок?

– Пушкин и Гоголь. По книгам Пушкина я учился читать, изучал историю, азбуку. У Гоголя меня поразили сказочность повествования, атмосфера веселости, глубина воображения.

– Какой жанр литературы в наше время наиболее популярен?

Владислав Петрович рассмеялся:

– Детектив. В литературе, по телевидению, и... в жизни.

– Хотите знать мое мнение? Я думаю, рассказ. На чтение романов просто не хватает времени, все заняты

добыванием хлеба насущного. Читают на ходу, в электричках, в транспорте.

– Вам лучше знать. Я в электричках не езжу...

Теперь смеюсь я. Задаю очередной вопрос:

– Про некоторых писателей говорят: «Как жвачку во сне жуешь». О чем это говорит: о нетерпении читателя, о требовании времени, или о том, что он, писатель, не умеет писать...

– Об этом так сразу и не скажешь. В каждом отдельном случае нужно брать конкретного писателя и конкретного критика. Так недолго записать в «жующего жвачку» и Лермонтова и его размышления от лица Печорина из «Героев нашего времени». Все зависит от уровня и писателя, и читателя, и критика. Не надо забывать, что и критика тоже может быть предвзятой.

– Владислав Петрович, Если бы Вы хотели написать книгу «Герой нашего времени», каким бы его показали?

– Я вообще-то детский писатель. А дети чище, светлее, лучше нас, взрослых. Если бы я писал о детях, то показал бы, как мой герой противостоит мерзости сегодняшнего дня.

Я поделилась с Владиславом Петровичем проблематичностью приобретения его книги «Синий город на Садовой». Он мне ответил, что именно сейчас он позвонит в Издательство, а после этого пойдет «путешествовать» по книжным магазинам города: нужно найти эту книгу, поскольку ее у него тоже нет.

Поблагодарив Владислава Петровича за интервью, я направилась к выходу.

Он проводил меня до лифта, вызвал его, нажав на кнопку. Я зашла в кабинку, и вот уже дверцы поползли навстречу друг другу... Внезапно Владислав Петрович встал в дверной проем, руками придерживая готовые

захлопнуться створки... До сих пор вспоминается его озорной взгляд, брошенный мне на прощание.

Дом Крапивинных находится неподалеку от книготорга, и на обратном пути я, естественно, в поисках книги, зашла в него, и... Что я вижу? «Синий город на Садовой»! Последний экземпляр! Первым порывом было: купить эту книгу, вернуться и отдать ее автору. Но как же мои дети? Дочь очень любит любое его произведение, а об этой книге давно уже мечтает.

«В конце концов, – рассудила я, – Владислав Петрович – писатель, мы – читатели, и он должен быть заинтересован в том, чтобы его книги покупались». Не в силах оторвать глаза от издания, я все еще колебалась.

«Сейчас он придет в магазин, спросит, ему скажут, что вот только что купили, но... он же не узнает, что это сделала я». Исчерпав все аргументы в пользу покупки нужной мне книги, я все еще нерешительно топталась у прилавка.

«Можно сказать, что из-под носа увела», – истязала я себя, тем не менее, продвигаясь к кассе.

И когда все доводы в пользу оправдания своего поступка были исчерпаны, в голове вдруг мелькнула лукавая мысль: «Надо послать Владиславу Петровичу телепатическое желание, чтобы он заказывал в Издательстве побольше книг! Чтобы всем хватило: и читателям, и... авторам!»

Отлично понимая, что его поход по магазинам связан, в первую очередь, с изучением спроса покупателей, я сказала вслух: «Спрос – то, что надо!»

О В.А. Язеве. Диалог со Скептиком

У каждого человека есть второе «я». Это суровый дядька, которому все не по нраву. Это тот, кто сидит внутри нас, смотрит на окружающий мир и... все не одобряет. Короче, он ворчун и скептик.

Добавим к этому еще общероссийскую ситуацию, в которой он существует. В этом мире издавна свыклись с тем, что «пусты карманы», здесь все погибают пальцы, сокрушенно считая свои убытки, и всегда, кто с горестью, а кто и гордостью отвечают, что «на данный момент у меня нет денег».

И вот явилось чудо. Чудо не в том, что «он богат». Чудо в том, что он «отдает свои деньги». В любом случае, Скептику есть о чем порассуждать. С другой стороны барьера изготовился к поединку его же Здравый смысл.

Найти свою нишу

Валерий Афанасьевич Язев собирался приехать в Верхний Тагил ко дню пожилых людей, отмечаемый нами первого октября, но его задержали неотложные дела в Москве. В Екатеринбург он прибыл ночью, накануне встречи, которая все же произошла, но на следующий день, второго октября, в Доме искусств.

Он вошел в зал, где в ожидании за столиками сидели люди, и первое, что он сделал – сказал комплимент присутствующим. Он появился без галстука и этим отличался от сидящих с ним рядом мужчин. Скептик внутри нас усмехнулся: «Понятное дело. Своим хочет выглядеть. Поближе, так сказать, к народу». Но тут Язев взглянул на накрытые столы и... по-домашнему посетовал:

«Вот и хорошо. А я прилетел ночью. И утром не успел перекусить. И сейчас с удовольствием поем с вами». И все, словно внезапно что-то поняв, одобрительно засмеялись. И Скептик, в смущении, тоже.

Но прежде чем сесть за стол, Язев поздравил пожилых людей с их праздником, сказал много добрых слов в адрес пенсионеров: о том, что многие годы их трудом создавались богатства страны, что и сегодня на их долю выпали трудные испытания, и что государство у них в неоплатном долгу.

Дальше он говорил о том, что в перспективе ожидается рост пенсий: до конца этого года на 15%, и в 1,5 раза – в следующем.

Заметил, что, получая такие маленькие деньги, ветераны вынуждены их тратить на лечение. Потому что медицина у нас нищая. Ведь до чего дошло: сегодня заболевший человек вынужден идти в стационар со своей ложкой в кармане.

Обрисовал и общее положение дел: сегодня макроэкономические показатели в стране направлены в лучшую сторону, но, пожалуй, до «светлого будущего» еще далеко – лет 15. Очень мешают движению вперед негативные процессы, произошедшие за последние годы в стране: борьба за власть, бесконечная смена правительства, приватизация...

Тут Скептик наострил уши: «Интересно. Кто из руководителей решится сегодня ругать свою дойную корову? Им что, за красивые глаза предприятия подарили?»

Но тут же Здравый смысл подсказал ему: наверно, это убыточные предприятия, которые, оказавшись лицом к лицу с рынком, упали ниц, и только Язев, применив

соответствующие экономические приемы, сумел поднять их с колен. Да и предприятия в основном добывающие и строительные, ведущие те работы, которые не предусматривают присутствие каких-либо гигантских объектов и расположенные на свежем воздухе: и тут и там тянутся трубопроводы и асфальтовые дороги, то есть, это именно то, чего нам в России так не хватает. Он, Язев, нашел свою нишу в механизме Российской экономики.

Разменная карта

Вскоре начался концерт, подготовленный преподавателями музыкальной школы. Прозвучали произведения Бетховена, Моцарта, Свиридова.

По окончании музыкальной паузы на гостя посыпались вопросы. На вопрос о Чечне Валерий Афанасьевич заметил, что война была навязана нам экстремистами и выведена со своей территории на соседнюю землю. Война есть война. И на ней убивают. Чтоб не гибли молодые парни, нужно, во-первых, чтоб не было войны, но сейчас, когда она уже идет, довести ее до конца – это дело чести. Во-вторых, вместо необстрелянных солдат нужно посылать туда контрактников, тех, у кого есть специальная подготовка, но в бюджете на это нет денег.

Армия сегодня находится не в лучшем состоянии. Недавно они с командующим округом побывали в войсковых соединениях Свердловской области. То, что им пришлось увидеть, говорит само за себя: на плацу стоит новая техника, но без колес. Солдаты выглядят далеко не должным образом. Одним словом, армия находится в стадии выживания, ее необходимо возрождать.

Сейчас, ведя боевые действия, наши войска придерживаются охранительной тактики. Что это значит? Вначале, не торопясь, при помощи артиллерии необходимо уничтожить огневые точки противника, а затем уже вводить в бой живую силу. Это позволяет свести к минимуму потери. Но когда наши орудия вынуждены вести огонь по укрывшимся в селении бандитам, или когда наша авиация бомбит их укрепления, нельзя быть уверенным в том, что от этого удара не пострадают мирные жители.

С одной стороны, во взаимоотношениях с Чечней мы имеем дело с проблемой, подобной ирландской, но с другой стороны, нельзя забывать, что Кавказ сегодня – зона экономической заинтересованности американцев. Так что Чечня сегодня является, по сути, разменной картой в большой политике.

Скептик втянул носом воздух и криво улыбнулся, но, вспомнив о взрывах в Москве и других городах России, представил себя на месте тех людей, которые не спят ночами, боясь под утро «разлететься на куски», либо оказаться заживо погребенным под многоэтажной машиной собственного дома, и... благоразумно подавил свое ехидство.

Жить или не жить? – Жить!

Но вот прозвучал вопрос: «Сохранится ли бесплатная медицина?» Валерий Афанасьевич ответил, что да, в таком виде, как сейчас, безусловно, сохранится. Но мы все видим, что ее уровень недостаточен. Для того чтобы вылечиться, нужны деньги, а у многих их просто нет. В мире существует два вида медицины: бесплатная,

обеспечивающая помощь по минимальным технологическим стандартам и элитная, пользоваться которой может у нас не всякий. В медицине, как и в любой другой сфере деятельности, наблюдаются передергивания. Здесь нужно разбираться. Ясно одно: обеспечить нормальное здравоохранение – святая обязанность государства.

Скептик возбужденно заерзал на стуле. Ему не понаслышке известны проблемы медицины, он считал себя подкованным в этом вопросе: «Где уж вам, политикам, до душевной боли. То в теннис там, в Москве, играет, то мяч по полю перепихиваете. Все спортсмены. А что народ в больницу со своим лекарством ложится, вам, видимо, до лампочки».

И опять вмешался Здравый смысл, с тем, чтобы объяснить своему въедливому собрату, что в данный момент экологическое состояние всего живого на Земле, в частности, в России, заставляет ждать лучшего, а это значит, что никто не застрахован от болезни. Идешь ли ты по улице, едешь ли в автомобиле, тебя всегда может настигнуть «рентгеновский луч», и при этом так просветить, что впору в дорогу собираться... на тот свет. И ни за какие деньги с этих пор ты себе здоровья уже не купишь.

А что до спорта... Кто сказал, что спорт вреден для здоровья? Если он, скептик, предпочитает отдыхать, лежа на диване, это не значит, что каждый должен следовать его примеру.

Скептик возмущенно поднял голову: тут на грядках так накувыркаешься, что ни рук, ни ног под собой не чувствуешь. Хотя хорошо, что и руки и ноги на месте, значит,

при желании можно обеспечить себе нормальное существование.... Но есть и те, которые не могут.

Таким людям очень трудно в нашем мире. Известно, что Язев оказывает материальную помощь малообеспеченным семьям и семьям, где есть дети-инвалиды. Одна такая крошка, обликом напоминающая куколку-Мальвину, девочку с голубыми волосами, сегодня присутствует здесь. И ее бабушка выражает искреннюю признательность за помощь, оказанную фондом и лично В.А. Язевым.

Что касается экологии, Язев заботится и об этом тоже. Он внес на рассмотрение в Думу проект Федерального закона «Об использовании природного газа в качестве моторного топлива», необходимость принятия которого обусловлена не только падением объемов добычи нефти и сокращением производства автомобильного топлива, но и общим ухудшением экологических условий, связанных с выбросами в атмосферу вредных веществ, которые запросто можно сопоставить с промышленными. В начале июня этот проект был принят в третьем чтении.

И снова вернулись к проблемам пенсии. Выступил пожилой мужчина, тоже по виду скептик, и начал так:

– Я в этот раз в контору зашел. Сидят там, понимаешь, как на съезде партии... Дело вот в чем. Раньше была у меня средняя пенсия. Я на нее хоть как-то, но жил. Потом как завертелось в экономике: инфляции, номинации, компенсации. И что? Как я теперь жить-то должен? Надувают пенсионеров, почему зря. Теперь вот потолок придумали.

На это он получил ответ, что фактически у пенсионеров должна быть пенсия не ниже прожиточного

уровня. Пока же получается, что, без учета трудового вклада, уравнили всех в правах. Сейчас в Государственной Думе готовится документ, по которому при начислении пенсии будут учитываться заслуги каждого пенсионера.

Ах, культура...

Но вот звучит увесистый вопрос о состоянии культуры на сегодняшний день. Язев отвечает, что в масштабах страны культура процветает. А что касается нехватки денег, сегодня их нужно зарабатывать самим, своим трудом. На то она и культура.

Что на это скажет Скептик? Он молчит. Значит, согласен. Не согласен в другом. Ему досадно, что Валерий Афанасьевич, видимо, не в курсе, с каким непониманием в некоторых населенных пунктах нашей области руководители относятся к «проявлениям культуры». Он не знает, что большие люди не очень-то думают о том, будут ли у них процветать эти заведения или благополучно скончаются... без поддержки государства.

А ведь вроде все правильно говорит. И то, что молодежь болтается оттого, что в обществе утрачена мораль. А отчего утрачена-то? Оттого, что культура в «маленьком государстве» существует на правах падчерицы, и, видимо, финансируется по остаточному принципу.

Сам Валерий Афанасьевич, основав два благотворительных фонда (это «Россия – наш дом» и «Фонд Язева»), является меценатом многих творческих начинаний. Две способные девочки Верхнетагильской школы искусств регулярно получают стипендии, учрежденные Язевым. А если говорить обо всей

Свердловской области, то нельзя умолчать о том, что на благотворительную деятельность в сфере искусства В.А. Язевым тратятся колоссальные суммы.

Эпилог

Говорят, что в Москве не имеют понятия о том, как живет народ в регионах. Наверно, так оно и есть. Но откуда Язев знает? Смешной вопрос. Просто он работает с людьми. У него есть помощники, которые доводят до сведения депутата Государственной думы положение дел на местах, высказывают просьбы соотечественников, передают их письма.

Ему лично понятны законы, которыми можно контролировать проходящие в стране макроэкономические процессы. Он пытается добиться взаимопонимания с людьми, близкими по убеждениям, доказывает свою правоту тем, кто с ним не согласен, и считает, что государственные деятели, занимающие ключевые посты в правительстве, должны иметь политическую волю, чтобы решиться, наконец, идти вперед.

И может быть, настанет такой день, когда и сидящий в нас Скептик воскликнет: «Он свой!»

©Елена Арапова, октябрь 1999г

О Сергее Дягилеве. Связь времен и поколений

Притяжение

Это было в конце девяностых годов двадцатого века. Я бродила по улицам Перми, и кажется, не могла надышаться воздухом той старины, что меня окружала. О старине говорила и особая «купеческая» архитектура некоторых зданий, и изысканные линии фасадов соседствующих с ними строений.

Причем, дом купца обязательно отличался от дома общественного деятеля, или художника, по логике вещей имеющего утонченный вкус. Дом купца всегда добротный, но незамысловато выложенный. У человека с художественным вкусом в композиции фасада всегда преобладают стремящиеся ввысь колонны или причудливого вида окна.

Хотя известно, что некоторые купцы побогаче имели возможность строить себе шикарные дома и заказывали архитекторам проекты посложнее. Но в целом, между простецкими домами купцов и изящными строениями людей искусства, которые даже при покупке особняков выбирали жилища, соответствующие своим запросам, прослеживается какая-то связь, корни которой заложены в принадлежности человека к тому или иному социальному слою общества.

При этом не надо забывать, что все мы живем под солнцем, и между теми из нас, в ком живо разумное, доброе, вечное, и кто исповедует одни и те же идеалы, существует еще и межличностное притяжение. И в том, и

другом случае, влечет нас всегда то, что близко душе, то, без чего мы не представляем себе жизни.

Взять хотя бы Сергея Павловича Дягилева. Начиная с раннего детства, он тянулся к искусству. В данном случае совсем не важно, что в результате он не стал ни музыкантом, ни художником. В частности, вероятно потому, что он отличался чрезвычайной общительностью. Поэтому в жизни он стал блестящим импресарио. Благодаря ему Европа узнала имена русских художников и исполнителей классического балета.

Поиски дома

Известно, что до 19 лет Сергей жил в Перми, в доме своего отца, Павла Дмитриевича Дягилева. Я не сразу нашла этот дом, спрашивала о нем у прохожих, уточняла адрес, потому что никак не могла поверить, что этот особняк находится в двух шагах от дома, где когда-то проживала моя семья.

Я тоже имела счастье родиться в Перми, в городе, где в старинном его центре проживали знаменитые уральские фамилии. Лихорадочный 20-й век закружил в своем вихре и унес нашу семью с пермской земли. Но позже я сюда вернулась и поселилась в более молодом районе города. Но архитектура древних строений всегда влекла к себе и вызывала во мне трепет. Оказывается, не зря. Возможно, мои предки в детстве бегали в том же дворе, что и Сережа Дягилев.

Вот я подхожу к дому Дягилева, что по улице Сибирской, со стороны улицы Кирова. Судя по фасадам, в конце 19 века в Перми обитали одни купцы и художники. Через строение от особняка Дягилевых стоит дом, некогда

принадлежавший купцу Демидову. А с одной стороны моего родительского дома проживали когда-то живописцы вывесок и иконостасов Н. Борисов и А. Расин, с другой – снимала квартиру семья известного пермского художника И.И. Туранского. Все выдающиеся люди Перми немало сделали для города. Но именно о Дягилеве узнала вся Россия.

Начало

Что ни говори, именно начало жизни определяет будущее. У Дягилева жизнь начиналась в Перми, а точнее, в Бикбарде, где у его деда находились винные заводы. В 1879 году Сережу привезли в Пермь, в особняк Дягилевых, где царило искусство, постоянно звучала музыка, проводились литературные вечера.

Сережа хорошо пел, и когда подрос, сам стал организовывать концерты и ставить спектакли вместе с друзьями. Пермская газета писала, что в те дни, когда шли концерты у Дягилевых, в городском театре было много свободных мест. А когда маленькая гостиная перестала вмещать всех желающих, зрелища были перенесены на сцену Благородного собрания.

В 1891 году Сергей окончил гимназию. Его ждал Петербург и мир искусств, который он научился с легкостью открывать людям. Именно об этом говорит барельеф на стене его родительского дома: статный мужчина одной рукой придерживает подрамники для картин, а другой приоткрывает занавес.

Создание журнала

В Петербурге С.П. Дягилев сблизился с художниками-реалистами: с Коровиным, Нестеровым, Левитаном, Серовым. Однажды на выставке, состоявшейся в Европе, Дягилев разместил среди шикарных портретов полотна, показывающие жизнь простых людей. Публика, привыкшая к изысканной живописи, поначалу не поняла этих картин, мало того, была возмущена и растеряна.

В этих картинах не было «сахарной пудры», мир в них был настолько реален и правдив, и это обстоятельство несколько отпугивало посетителей. Критик Страхов даже заметил по поводу этих полотен: «Подворье прокаженных». Дягилев был не согласен, мало того, он настаивал, что картины талантливы. Но пресса молчала.

И тогда он решился на создание своего журнала, в котором из 54-х страниц 50 – были иллюстрациями в цвете. Оставшиеся страницы – для критических статей. Дягилев не мог позволить невежам нелестно отзываться о талантливых работах художников. В этом проявляется та связь, которая возникает между людьми, понимающими друг друга с полуслова, в данном случае с полумазка.

Сергей добился своего, журнал получил первую премию как шедевр полиграфии. А изнеженная публика поняла, наконец, что эти картины прекрасны и неповторимы, как неповторим в природе каждый миг соотношения света и тени. И когда В.А. Серов в 1901 году написал портрет царя, и тот становится подписчиком названного журнала, то это обстоятельство не могло не воодушевить посетителей выставок, заставить их поглубже взглянуть в создаваемые реалистами картины.

Начались зарубежные поездки, благодаря которым Европа знакомилась с истинной жизнью русского народа. О художниках-реалистах узнавало все больше людей. Сборы с выставок шли на создание журнала. Дягилев считал, что журнал должен быть товаром, а заодно и показателем хорошего вкуса. Так оно и было. Каждая уважающая себя семья стремилась подписаться на журнал «Мир искусства».

Журнал просуществовал до 1904 года. А что же Дягилев? Куда теперь он направит свои силы? Его сердце всецело принадлежало искусству. И он становится организатором балетных концертов, а это значит, что теперь он живет балетом и старается проникнуться проблемами известных исполнителей: Вацлава Нижинского, Тамары Красавиной, Анны Павловой. И первое, что я увидела, войдя в музей в доме Дягилева, были портреты вышеназванных артистов.

Путешествие в детство

Я стою в прихожей дягилевского особняка. В дальнем углу – письменный стол и кресла, а вдоль стен развешаны фотографии, рассказывающие о жизни этой семьи.

Вдруг почудилось: открывается дверь и вбегает подросток в белоснежной рубашке с пышным воротом. Глаза его сияют. Он энергично подвигает стул, приглашает присесть, сам садится за рояль. Его пальцы начинают бегать по клавишам, а звонкий голос несется ввысь. Звуки наполняют всю комнату, и мне очень хочется, чтобы это звуковое чудо продолжалось.

Но мелодия прерывается. Я соображаю, что музыка доносилась из гостиной. Мне не терпится туда войти, ведь именно там проходили концерты маленького Сережи, а теперь слышится голос преподавателя. Дело в том, что в этом здании сейчас находится гимназия, и только что закончился урок музыки.

Я заглянула в столовую. Стол сервирован старинной позолоченной посудой. Такое ощущение, что хозяева этого дома поджидают гостей. Представилось: за окном послышалось цоканье копыт, прошумели колеса экипажа, и вот у дверей звенит колокольчик, возвещающий о прибытии приглашенных.

Оказывается, это звонок с урока. В дверях показалась научный сотрудник музея Инна Борисовна Дектева, и мы входим с ней в гостиную.

Большая угловая комната наполнена дневным светом. У окна – старинный рояль. Я не могу отвести от него взгляда. Когда-то возле него стоял задорный подросток и, довольно поблескивая глазами, исполнял красивый романс. Напротив него стояли резные стулья, на которых восседали люди света. Они аплодировали и засыпали цветами выступающих «артистов», среди которых был и сын хозяина дома.

Как же сложилась петербургская жизнь этого избалованного овациями юноши?

Огонь, вода и медные трубы

В Перми Дягилев постоянно пребывал в атмосфере обожания, и поэтому ему очень трудно было «войти в струю» на новом месте жительства. Сергей познал в Перми, что такое «медные трубы», теперь в Петербурге

ему предстояло узнать, как пройти «огонь и воду», что в переводе означает – набраться житейского опыта, которого, по мнению столичных жителей, провинциалам всегда не хватает. Видимо, отчасти поэтому художники скептически отнеслись к самоуверенности Дягилева, высмеивали его гусарство, чем несказанно его обижали.

Дягилеву помог случай. Когда назначенный организатор выставки не справился со своими обязанностями, ему на помощь пришел энергичный С.П. Дягилев, который устроил все в лучшем виде. С тех пор художники были спокойны: там, где дело касалось организационных работ, Дягилеву не было равных. Как оказалось впоследствии, убеждать он тоже мог, и блестяще. Об этом говорит появление, по-сути, рекламного журнала «Мир искусств», в котором, кроме иллюстраций, печатались и критические статьи.

А что за картина висит в гостиной дома Дягилевых? Я спросила об этом у Инны Борисовны. И она ответила:

– Когда-то у Сергея Дягилева была коллекция гравюр, картин, икон, и самая любимая из них – «Ангел молитвы». Но, к сожалению, эта икона была увезена Сергеем Павловичем в Петербург и там затерялась. Наш современник Николай Зарубин по сохранившейся фотографии восстановил картину. Он заново написал полотно, и теперь оно украшает наш зал, является «Ангелом молитвы» нашей гимназии.

Кто знает, о чем просил у Ангела молодой Дягилев. Может быть, успеха? Жизнь предоставила ему всего в полном объеме. Как полагается талантливому человеку, он с достоинством прошел не только «огонь и воду», но и «медные трубы». В Перми было признание, в Петербурге – тоже. Несмотря на то, что икона была утеряна, он завоевал

признательность не только тех, кого «рискнул» показать, но и всего русского народа, который не сразу, но прозрел.

В результате – успех художников был и его успехом.

Магическая связь

Не хотелось уходить из гостиной. Инна Борисовна, видимо, почувствовав мое настроение, продолжала:

– Музыка звучит здесь и сегодня, а именно: во время выступления приглашенных артистов и вокальной студии нашей гимназии. Этим мы продолжаем традиции 19 века. Эти вечера каждый раз бывают посвящены одному из певцов или композиторов классической музыки.

В этом – связь времен, которая, к счастью, не прервалась.

И сегодня мы наблюдаем еще одну характерную связь, объединяющую родственные души. Это связь поколений, которая существует и поныне, несмотря на разную социальную принадлежность близких по духу людей. И купцы, и заводчики, и деловые люди, не говоря уже о художниках и музыкантах, издавна тянулись к искусству. Именно оно их объединяло под крышей театров, на концертах и в выставочных залах. Здесь находили друг друга единомышленники, зарождались будущие семьи.

Проследим эту связь на примере. Выходец из музыкальной семьи, художник Валентин Александрович Серов, в какой-то мере был обязан своей мировой известностью С.П. Дягилеву, бабушка которого была дочерью управляющего Невьянскими заводами, некогда принадлежавшими Прокофию Демидову. А потомок П.

Демидова, ученый-геолог А.И. Ефимов, скончавшийся в возрасте 93 лет в Москве, был еще и потомком В.А. Серова, поскольку его мать – двоюродная сестра известного художника. Таким образом, имя Дягилева связывает целую череду фамилий, по-своему прославившихся и принадлежащих к разным социальным слоям общества.

Поистине тесен мир, и велика связь времен и поколений.

О В.М. Слукине.

Голос разума созвучен... сердцу

Профессора Архитектурной академии Всеволода Михайловича Слукина можно назвать счастливым человеком: что бы он ни задумал, все у него получается. Кто-то из читателей подумает: везунчик. Не совсем так. Это свойство характера – во что бы то ни стало отыскивать верные пути к цели. При этом каждый раз отправной точкой для него является приобретенный ранее опыт.

Выбор пути

Родился Всеволод в Свердловске в разгар сталинских репрессий. А за 30 лет до его рождения, в особняке его деда Дмитрия Никитича Плешкова, жившего на одной из центральных улиц города, во время разгона демонстрации 1905 года, появился кучерявый черноволосый молодой человек в очках. Его преследовала полиция, и дед Всеволода укрыв его у себя в доме.

Впоследствии стало известно имя этого кучерявого очкарика – Яков Свердлов. Кто знает, что было бы с Яковым, да и с семьей Плешковых тоже, если бы Дмитрий Никитич принял тогда другое решение. Но он чисто по-человечески пожалел двадцатилетнего парня, не сдал его властям, иначе говоря, выбрал единственно верный для себя путь.

Точно так же на протяжении всей своей жизни поступает и Всеволод Михайлович. Он просто живет в ладу с собой. Так бывает, когда голос разума созвучен голосу сердца. Живя таким образом, он успел сделать очень

многое: потрудился и в области науки, и культуры. И то и другое он делал с удовольствием.

В детстве, когда он бродил по богатым светом комнатам Харитонов-Расторгуевского дома, в его голове рождались буйные фантазии о существовании в этом дворце подземного хода, в котором можно было бы спрятать часть фамильных драгоценностей, или скрываться от преследователей.

И он нашел-таки здесь подземелье! Они с друзьями спустились в земляной проем и, изредка прорывая себе дорогу, прошли по подземному ходу, который вел в сторону сквера. Никаких драгоценностей там не было, но само это мероприятие... дышало романтикой.

Именно это мироощущение и определило его дальнейшую судьбу: он поступил в Горный институт и теперь каждое лето мог уезжать на практику, где имел возможность... копать. Но после окончания института его судьба резко изменилась: в числе других выпускников его пригласили работать в Восточную Германию, где в те времена ощущалась нехватка специалистов, потому что сами немцы, выучившись, уезжали на Запад. Вначале он работал на шахте, ходил по прорубленному тоннелю, как когда-то по подземному ходу, но... здесь не было той таинственности, той окрыляющей душу романтики. И он ушел работать в экспедицию, но там надолго не задержался: в его жизни появилось еще одно загадочное, и потому вызывающее интерес явление – блуждающие токи. И Всеволод Михайлович с головой окунулся в науку:

– Я решил попробовать себя в строительстве, тем более что задачу перед собой я видел. Дело в том, что по земле, по которой мы ходим, постоянно «проходят»

блуждающие токи. Они перетекают на стальные конструкции, и этим опасны: в арматуре здания начинается процесс электролиза и железо начинает растворяться. Казалось бы, арматура находится в бетоне, и ей не грозит внешнее воздействие. Действительно, влага туда вряд ли проникнет, но блуждающие токи – обязательно.

И вот, будучи вначале инженером, затем заведующим лабораторией, а позже - руководителем группы в НИИ, он решил эту проблему, разработал систему ограничений электрокоррозионного воздействия блуждающих токов.

Крутой поворот

Посчитав про себя, что в науке он сделал все, Всеволод Михайлович решил применить накопленные знания в другом любимом деле: он вернулся в своей привязанности к тем памятникам старины, которые до сих пор хранят тайны. Отчасти это тайны его детства. Они живут не только в его юношеских воспоминаниях, хранятся в потаенных уголках памяти, но и... существуют в нашей действительности.

То тут, то там в стенах старинных зданий случайно обнаруживали припрятанные ценные вещи, то есть, нечто призрачное, романтическое, обретало, наконец, свои контуры, материализовывалось. На этом этапе романтика становилась научной, иными словами, была научно обоснована. Словом, существование подземных ходов можно обосновать с точки зрения науки.

И теперь Всеволод Михайлович, будучи профессором Архитектурной академии и кандидатом

технических наук, не только читает лекции студентам, ведет практическую работу по сохранению зданий, но и откликается на приглашения к сотрудничеству, если дело касается подземелий.

Так, однажды, его группу пригласили в Александров, который находится в 100 км от Москвы в сторону Ярославля, с целью исследовать подземное пространство под башней, отведенной под реконструкцию. Известно, что в этом городе какое-то время проживал Иван Грозный, и вполне может быть, что он привез из Москвы свою знаменитую библиотеку. Это вносило в работу элемент романтики.

Эта научная романтика привела Всеволода Михайловича во многие города России: в Ростов Великий, Новгород, Вологду, Ярославль, Можайск, Тулу, Александров. Ездили они и ближе: в Екатеринбург, Верхотурье, Невьянск, Верхний Тагил, Нижний Тагил, Староуткинск, Верхнюю Салду, Сысерть. Помимо всего прочего его группа занималась исследованиями архитектурно-строительного наследия.

В 1988 году в Средне-Уральском книжном издательстве вышла книга В.М. Слукина «Тайны уральских подземелий». Если учесть, что за плечами Всеволода Михайловича большая научная практика, то нет ничего удивительного в том, что и эти тайны раскрывались перед ним с легкостью.

Он всегда искал и находил любимые темы для научных работ. Приведу лишь некоторые: он «основал, теоретически разработал и внедрил в практику новое направление, связанное с применением современных инженерных технологий в исследованиях объектов историко-культурного наследия; разработал концепцию

трехмерных охранных зон для наземных и подземных памятников архитектуры на исторических территориях городской застройки; обосновал и развил концепцию создания системы ранней диагностики и мониторинга технического состояния гидротехнических сооружений», в том числе плотин (из автобиографии).

– И вот эта работа по плотинам может стать еще одним направлением моей деятельности. Диагностика известна, теперь нужно применить эти знания на практике, то есть, необходимо ездить туда, где есть плотины, а для этого необходимо персоналу платить деньги. В последний раз нас приглашали в 1997-1998 годах в Верхний Тагил.

Работая над проблемой Верхнетагильской плотины, где из пруда одно время каким-то образом уходила вода, Всеволод Михайлович попутно обследовал приборами территорию вокруг Господского дома. Результаты были ошеломляющими: ходы от него направлены во все стороны света! Жаль, что это дело до конца довести не удалось. У входа в подвалы дома в настоящее время обвал. И разбирать его опасно. А что касается плотины, то ситуация была прояснена, и приняты меры по ликвидации утечки воды.

Президент... общественных наук

В.М. Слукин является одним из основателей Общества уральских краеведов, и уже много лет в качестве Президента руководит его работой. Краеведов ежемесячно привечают в гостинном зале Исторического музея Екатеринбурга, где они обсуждают различные спорные вопросы, делают заявки на открытия и получают исчерпывающие ответы от научных сотрудников

всевозможных исследовательских и учебных учреждений. И ученые, и краеведы довольны друг другом. Первые – тем, что открываются новые факты, вторые – тем, что подтверждаются выдвинутые ими версии. Так что эти встречи можно по праву назвать творческими, а профессора Слукина – организатором и вдохновителем подобных мероприятий.

Кроме того, В.М. Слукин – составитель и главный редактор литературно- краеведческого альманаха «Уральская старина», автор 80 очерков по краеведению, в соавторстве написал 15 научно-фантастических рассказов, один из авторов, член редколлегии и редакционного совета энциклопедии «Екатеринбург».

И вот совсем недавно, кроме имеющейся медали имени Н.К. Чупина, врученной за выдающуюся краеведческую деятельность, на его груди появилась еще одна награда: медаль имени основателей Екатеринбургa «Татищева и Геннина».

Кроме всего перечисленного, профессор Слукин пишет... стихи. И это неудивительно. Он обладает умом рационализатора, и... в нем живет душа романтика. Иными словами, этот человек очень гармоничен. Он понятен и близок и технарям, и поэтам, потому что и сам является и тем и другим: он состоит в Европейском научном обществе ПАКТ и является заслуженным работником культуры Российской Федерации.

Об А.Н. Пискунове. Совесьть – это от Бога

Эти слова Александр Николаевич Пискунов произнес во время нашего разговора с ним на тему о религии и мистике: «В жизни нет ничего непонятного. Всему есть объяснение. И появлению Бога – тоже, – убежденно и даже с какой-то досадой на меня, поднявшей эту тему, говорил он. – А вот совесьть есть не у всякого. Вообще-то каждый мошенник уверен в обратном и всякий раз, нарушив закон, находит себе оправдание. Например, браконьеры...».

Мы шли по тенистой аллее. Вдруг я заметила, что мой собеседник старательно обходит перебегающих через асфальтовую дорожку огромных муравьев, которые в это знойное лето, похоже, не знают, куда себя деть. Делал он это совершенно подсознательно.

Мне известно давно, что живая природа для Александра Николаевича – нескончаемая «первая любовь», начавшаяся еще в детстве. И когда он говорил о совести, он имел в виду, в том числе, и «чувство нравственной ответственности перед обществом» (смотри толковый словарь) за сохранность окружающей среды. Вот именно нравственной. Без этого слова понятие теряет смысл. И поскольку нравственные установки у каждого свои, то и совесьть тоже. Так что, может быть, и правы те люди, которые не согласятся с утверждением, что у них нет совести. Есть, но по качеству другая.

С Александром Николаевичем мы знакомы давно, еще с того времени, когда он был начальником городской милиции. Стоило ему заступить на эту должность, как

преступность резко пошла на убыль. «Меня называли Пиночетом», – смеется он.

Я не могла не улыбнуться. Вспомнила то время. Действительно, жуть. Что может быть общего у бывшего майора отделения внутренних дел с бывшим чилийским диктатором? Военная форма, темные очки и... все. Заступив на эту должность, он попал под прицел общественного мнения. Молва о нем шла все дальше, и кое-кто, не зная его, но услышав: «Пиночет», – воспроизводили в своем уме нечто устрашающее.

Но речь здесь идет о свойствах характера, качественно отличающихся друг от друга: требовательность у одного и жестокость у другого, и все зависит от человека, к которому обращена требовательность или жестокость.

Человек волен называть свойства характера так, как ему вздумается. Можно понять мотивацию, когда кого-то обзывает подобным образом вор или убийца – они получили по заслугам и теперь злобствуют. Несколько другая ситуация возникает, когда эти же слова мы слышим из уст добропорядочного гражданина с винтовкой за спиной. Попробуем проследить ход его мыслей: «Если кто-то там, в милиции, никак не может придумать, каким образом сделать так, чтобы на одну лицензию не убивали пять лосей, вместо одного по закону, почему этим не воспользоваться? Добыча сама идет в руки! Ну, а если поймают? Нежелательно, конечно, потому что это означает «смерть бумажке-кормилице». Но не беда, ведь я это первого лося застрелил. Что? Не верите? А докажете!» И охотник смотрит инспектору в лицо чистыми и честными глазами и, похоже, сам готов в это поверить. А если начальник милиции начнет разбираться и не только

лицензию отберет, но и штраф преподнесет, значит, он и в самом деле Пиночет...

А почему, живя возле двух шикарных водоемов, да еще в месте, где имеется рыбное хозяйство, нельзя поймать себе рыбки вдоволь? Раньше вон и дед у Пушкина забрасывал невод в море. А чем наш пруд хуже моря? Не хуже! По-другому может думать только Пиночет.

Издавна местные жители давали друг другу клички. Чем обиднее кличка, тем безопаснее для нечестных людей разного рода авантюры: не каждый выдержит такое ярмо – ярлык на шее. В случае чего можно «врезать» проверяющему словом и... умыть руки. Но с чувством юмора у Пискунова все в порядке и чувством самоуважения тоже – этим его «не достанешь».

А может, дело здесь еще в его дотошности, скрупулезности в делах? Когда эти свойства проявились в его характере? Обратимся к детству. Рано утром, тайком выбравшись из постели, он бежал босиком по обжигающей, мокрой траве к стоящему стеной лесу, и, замирая от восторга, входил в него: природа открывала перед ним дверь в свои владения. За этой зеленой оградой он чувствовал себя в безопасности.

Он с наслаждением падал на землю, утыкался лицом в душистый земляной ковер. Сердце сжималось от непонятого восторга. Вот он поднял голову, осторожно раздвинул траву. Ничего себе! Тут и муравей, старательно перетаскивающий длинную соломинку, и крупный жук, который, испугавшись света, торопливо нырнул в сочную траву, а вот и красная коробочка с черными пятнами на спинке, перебирая лапками, карабкается по стебельку вверх. Вот она остановилась, расправила крылышки и полетела. Но... наткнулась на кирзовый сапог, который

опустился рядом с лежащим на поляне пареньком. Мальчик от неожиданности переставал дышать: сапог раздавил его непридуманный «волшебный мир».

Так родилась решимость защищать слабого и бессловесного. Человек несправедлив в своем желании «взять все от природы», природа беззащитна перед ним. Но для того, чтобы защищать ее, необходимо знать, почему осенью в небе пролетают птицы – кто на север, кто на юг, каких птиц надо сохранять как исчезающий вид, какие растения вследствие своей редкости требуют «отсутствия человека» и поэтому появляются только в заповедных местах. Он вникал в мельчайшие подробности жизни насекомых и птиц; различал животных и растения по классам, видам и подвидам; выработал научные теории и гипотезы исчезновения некоторых видов животных; прочитал тысячи книг на эту тему. Он самообразовывался. И теперь...

Зная в совершенстве растительный и животный мир, он не мог простить дилетантам их небрежных публикаций о жизни природы. А от окружающих людей он требовал совестливого отношения ко всему живому и точности в исполнении законов.

Не изменился он и тогда, когда, будучи на пенсии, работал в лесничестве инспектором по охране заповедных мест. Здесь у него появилось много новых друзей и... врагов. Последних было гораздо больше. Они никак не могли понять: «Почему Пискунов... роет землю? Неужто такой правильный?» И на всякий случай придумывали о нем всевозможные байки. Но тщетно.

Он не обращал внимания. Его мысли были заняты другим:

– В то время существовала только общественная служба по охране природы, а государственной не было, – вспоминает Александр Николаевич. – Я обращался в Москву в Законодательную комиссию с просьбой о создании такой организации. Мне отвечали, что я не прав, она есть, и указывали в сторону рыбной, лесной и охотоведческой инспекции. Но нельзя забывать о том, что у всех нас иногда появляется соблазн распорядиться в своих «владениях» так, как мы считаем нужным. Поэтому необходим контроль со стороны государства.

И вот десять лет назад такую службу создали. Недавно я побывал в Екатеринбурге на отмечающемся в честь этого торжестве. Надо сказать, что вновь созданная служба Госкомприроды опять же не включает в сферу своей деятельности борьбу с браконьерством. Она вплотную занимается контролем над промышленными предприятиями, а именно: следит, чтобы не было сбросов загрязненной воды в питьевые источники и выбросов в атмосферу отравляющих веществ. И все. Получается, что мы вернулись к тому, с чего начали.

Александр Николаевич – участник Великой Отечественной войны, и после ее окончания служил в Германии и Туркестане. Там ему приходилось быть жестким с людьми, но он не мог пройти мимо нуждающихся в людской помощи зверюшек, насекомых и птиц. Дома у него постоянно живет кто-нибудь из них. Будь то сова или дрозд, голубь или воробей, неважно. Люди знают, он не бросит, он поможет, и несут покалеченных найденных к нему.

Доходит до смешного. Однажды он подобрал едва дышащую мышку и принес домой. Поил молоком, кормил, оберегал от живущих в квартире собачек. Мышка быстро

поправлялась. И вот, так случилось, что она выскользнула из коробки, где ей положено было находиться, и вся квартира стала ее домом. Мышка оказалась «неблагодарным» животным – погрызла хозяйское полотенце, после чего, наверняка, пожалела о своем легкомысленном поступке с побегом – молоко в клетке было гораздо вкуснее...

Видимо, где-то в подсознании Александра Николаевича заложено: живое должно жить, именно это убеждение толкает его, на наш взгляд, на безрассудные поступки.

Когда-то давно ведущее предприятие города решило расширить свои владения и, с согласия районных властей, отдало участок леса под раскорчевку – понадобилось место под поля для подсобного хозяйства. Пискунов не мог не вмешаться. Дошел до председателя обкома партии Б.Н. Ельцина. Дело закончилось выговорами отдельным руководящим работникам. Сейчас этот лес – место отдыха горожан.

Дома у него есть папка с «Делами», «возбужденными» им против браконьеров, и, наоборот, с делами против него «в защиту чести». С присущей ему дисциплинированностью и точностью в ведении дел, он хранит в ней свои «победы» и «проигрыши». И недавний свой «проигрыш» в деле «о ловле рыбы» на Вогульском водохранилище не спешит отложить в «черный ящик». Дело передано в областной суд.

Александр Николаевич являлся депутатом городской Думы, председателем постоянной комиссии по охране природы, был Почетным членом Орнитологического общества при Уральском отделении Российской Академии наук, награжден двумя памятными

медалями Всероссийского общества охраны природы, долгое время был директором Краеведческого музея. Писал статьи о природе края.

Однажды ему пришло письмо от В. Пескова – писателя, ведущего передачи «В мире животных». Оказывается, его статью о глухарях, появившуюся в «Уральском рабочем», напечатали в челябинской газете, которая и попала в руки к Пескову. Они долго переписывались. Я думаю, это общение принесло пользу обоим.

Начинается новый день. И для поднятия духа, для поддержания формы и просто для хорошего настроения, у седого, но крепкого, немолодого уже человека, каждое утро начиналось с купания в пруду. Во время предстоящего отпуска он мечтал съездить в Сибирь и подняться на высоту, на которую он поднимался лет десять назад. Набраться душевных сил и снова – в бой!

Вся его жизнь была похожа на сражение с ветряными мельницами. Его корреспонденции обвиняли, зывали к совести, поучали. Все как будто бы знают, что можно, а что нельзя, и не любят, когда у них перед носом вертят пальцем. И потому, читая его статьи, дидактику пропускали. Браконьеры его материалы просматривали мельком: им важны только происходящие в сфере их интересов события. Они анализируют свои ошибки, придумывают новые ходы. Но его слова, как голос в пустыне, обращены как раз... к любителям пожить на бескрайних песчаных просторах. А живут там верблюды, скорпионы и ползучие гады. С верблюдами все ясно – они горбаты, мало того, их благосостояние и самочувствие зависят от величины их горба. И они умеют смачно плевать, им раз плюнуть – доказать, что они не

верблюды. У скорпионов иногда просыпается совесть, и они... жалят себя. Ну, а остальные могут быть уверены: в городе, где жил крепкий седой человек с острыми глазами, им не стоило выползать из песка. Потому что теперь и все горожане за то, чтобы наша Земля не превратилась в пустыню.

Об Ю.А. Горбунове. Дело всей жизни

Верхнетагильская Павленковская библиотека совсем недавно отметила свое столетие. Однако не было бы никакого юбилея, если бы не один человек, который в свое время, обучаясь на журфаке в Уральском госуниверситете, не выбрал для себя дипломную работу под названием «Язык и стиль публицистики Писарева».

С головой погрузившись в эту тему, он обнаружил, что рядом с Писаревым постоянно упоминается фамилия его издателя Павленкова. Это его заинтересовало, он начал поиск, и... теперь мы имеем 337 Павленковских библиотек, в каждой из которых, независимо от того, Павленковская она или нет, обязательно знают все о Павленкове. А имя человека, поднявшего «павленковскую волну», Юний Алексеевич Горбунов. Многие годы он заведовал отделом краеведения в журнале «Уральский следопыт» и вел литературную деятельность.

Первые весточки

В студенческие годы он перерыл ворох документов, отыскивая факты не только из жизни Д.И. Писарева, но и Ф.Ф. Павленкова. Эти два человека были друзьями-соратниками. Может, еще и поэтому все публикации Дмитрия Ивановича Писарева печатались только в издательстве Павленкова. И когда Юний Алексеевич готовился к защите дипломной работы, какую бы книгу не взял в руки, всегда натыкался на это издательство. Мало того, Флорентий Федорович был влюблен в старшую сестру Писарева, которая в дальнейшем стала его

гражданской женой. Вполне может быть, что она являлась вдохновительницей всех его начинаний.

Обо всем об этом Юний Алексеевич узнал позже из брошюры, вышедшей небольшим тиражом. Там упоминалось и о завещании Павленкова, по которому львиная доля его капиталов и книг направлялась на создание 2000 бесплатных библиотек.

– После окончания университета я работал в газете «Серовский рабочий», заведовал отделом культуры. Искал документы, касающиеся Павленкова, писал письма по указанному на них адресу. И, наконец-то пришел ответ... из Верхнего Тагила от директора историко-краеведческого музея Николая Ивановича Рябова. Мне, да и всему Павленковскому движению повезло, что письмо попало в руки этого равнодушного человека. Мы долго переписывались с ним, затем с Лидией Антоновной Широковской. С этого все и началось. Как заведующая библиотекой она многое сделала для того, чтобы вернуть библиотеке имя Павленкова. Она нашла в архиве имя первого библиотекаря, способствовала тому, чтобы на месте ее погребения поставили памятник, занималась просветительской деятельностью, проводила тематические вечера.

Дальше Юний Алексеевич сказал, что даже и не предполагал, что эта по сути дела рядовая библиотека как-то выделится из всех. А она стала для остальных примером, здесь показали, как нужно использовать исторические знания при организации работы с читателями.

Позже, когда Ю.А. Горбунов перешел работать в журналы «Урал» и «Уральский следопыт», он организовал в них страничку «Краеведческий поиск». Стали откликаться

из других библиотек. Оказалось, что вокруг очень много активных людей, которые подключились к поиску. В итоге сегодня об этих библиотеках знают все, и среди библиотечных работников звание Павленковской очень почетно. Иногда на конференциях можно услышать восклицания: «Ну почему у моей библиотеки нет статуса «Павленковской»?!»

Дорогой поиска

Ф.Ф. Павленков жил и издавал книги в Санкт-Петербурге. А родился он в Тамбове. Туда и отправился Ю.А. Горбунов, чтобы отыскать следы пребывания там знаменитого издателя. У здания тамбовского архива столкнулся с еще никому не известным писателем А.И. Солженицыным.

Здание архива было закрыто на замок, и на двери была прикреплена бумажка с надписью: «Все ушли на заготовление веточного корма». Посмеиваясь над содержанием записки, они какое-то время потоптались у входа, затем нашли сторожа, который привел чиновника, и... им выдали заказанные еще накануне документы.

А.И. Солженицын приезжал из Москвы, чтобы ознакомиться с документами по тамбовскому крестьянскому восстанию, которое ранее называлось кулацким. У него впереди были ГУЛАГ, эмиграция, общественное признание, возвращение на Родину, а у Ю.А. Горбунова – всероссийская известность в связи с присвоением библиотекам имени Павленкова, которое он когда-то поднял из архива.

В Тамбов он ездил из Серова, где продолжал работать в «Серовском рабочем». Но вскоре он стал

спецкором по северным районам в газете «Уральский рабочий», затем пришел в журнал «Урал», далее – в «Уральский следопыт. Неоднократно ему предлагали стать редактором этого журнала, но он не соглашался в связи с всегдашней занятостью, потому что помимо своих непосредственных обязанностей выполнял еще кучу дополнительной работы: являлся координатором 15-томной серии книг «История в ликах городов», многие из которых уже увидели свет. Он автор биографического очерка о Ф.Ф. Павленкове, завершающего 40-томную серию книг «ЖЗЛ», изданных в Челябинске.

Названная книга – вернейший социальный и психологический портрет Павленкова, человека, который как-то отметил, что история – это не более как свод биографий личностей, и поэтому всю жизнь занимался составлением этого «свода». Когда Юний Алексеевич только начинал поиск фактов, касающихся жизни Павленкова и его библиотек, он и не думал, что как раз это и станет делом всей его жизни.

Он вспоминает, как на одном из краеведческих собраний, еще до образования Общества уральских краеведов, он и группа таких же энтузиастов решили организовать «Клуб уральских библиофилов». Сегодня Юний Алексеевич не помнит, кто из них подал идею создания этого клуба, но то, что каждый из его соратников поочередно был в нем президентом – это точно. Их тогда называли «Клубом бородачей», потому что бороды были буквально у всех мужчин. Библиофилы занимаются поиском утраченных книг, собирают сведения о биографии автора, издательстве, самой книге, узнают, каким образом она попала к последнему владельцу.

В общем, Юний Алексеевич занимался поиском книг, посланных в село по завещанию издателя, в рамках этого клуба и вне всяких рамок, шел к признанию права на существование в Свердловской области и по всей России Павленковских библиотек. И хотя сам он об этом скромно умалчивает, все библиотечные работники знают, что именно он является зачинателем этого дела.

Он не сказал бы и о том, что несколько лет назад Демидовская Академия присвоила ему звание академика за проведенную им величайшую культурно-просветительскую работу.

Первые краеведы

Первые краеведы появились в Верхнем Тагиле в период второго рождения города. Тогда, в 1951 году, сюда отовсюду прибывали люди, и ехали они на строительство электростанции, которая стала градообразующим предприятием, а уже вокруг нее поднялись комбинат стройконструкций, стройуправление.

А у плотины отверстиями в стенах зияли окна старого демидовского завода. Что это за завод, что на нем выпускали, кто здесь работал? Эти вопросы приезжающие задавали местным жителям, которые отвечали, что совсем недавно, в начале века, здесь выпускали листовое железо, на котором ставили клеймо высшего качества, а именно: изображение соболя.

Валентина Федоровна Ждановских

Об этой женщине в Тагиле знают все. Во-первых, потому что она чуть более полувека проработала на одном месте – в школе №12, которая в то время была очень престижной: здесь учились многие жители поселка. Во-вторых, учащиеся этой школы постоянно ходили в походы, организованные ею, и, самое главное, она была руководителем исторического школьного музея, который в последствии перебрался в отдельное здание и был преобразован в поселковый, а с получением статуса города – в городской.

Родилась Валентина Федоровна в 1924 году, в ленинградском ВУЗе получила высшее образование географа, затем по путевке Министерства образования направлена в Верхний Тагил.

Из окон школы она могла видеть завод, который располагался напротив. Сердце ее замирало: какие тайны

хранят эти прокопченные стены? Раньше этот завод «кормил» все население поселка, но пришли другие времена, и завод... умер, тщетно пытаюсь возродиться....

Материалы для музея собирали по крупицам. Это были всевозможные железяки, гвозди, найденные на территории завода. И когда экспонатов накопилось достаточно много, им отвели комнату, им отвели комнату в школе под музейный уголок.

Кроме исторических экспонатов здесь же решено было устроить выставку минералов и экземпляров различных пород, которые ребята приносили из походов. А походы она устраивала постоянно. Сегодня в музее собраны альбомы, оформленные тогдашними школьниками, среди которых – описания их путешествий в Кунгурскую пещеру, на скалы «Семь братьев», в Башкирию через Нижние Серги, где посетили пещеру «Дружба».

Путешествуя, они вели записи, после чего оформляли альбомы геолога, биолога, санитаря и другие. Ими собраны тематические материалы о первых пионерах, об участниках ВОВ, «Боевом пути Путиловского полка», очистившего Верхний Тагил от белых, альбомы личностного плана из цикла «Воспоминания».

Кроме того, они провели большую краеведческую работу: написали историю всех близлежащих населенных пунктов, что само по себе – большая ценность, хотя некоторые из приведенных фактов по-детски наивны и, безусловно, потребовали тщательной проверки. Однако то, что Валентина Федоровна и другие преподаватели школы №12 подключили к краеведческому поиску массу школьников, научили их вести работу по различным темам, передали им свою жажду знаний и радость открытий, само по себе достойно уважения и памяти.

Николай Иванович Рябов

Николай Иванович Рябов родился в 1918 году, учился в двух институтах: московском и ленинградском, работал в Верхней Салде вначале учителем, затем директором школы. В 1968 году приехал в Верхний Тагил на должность директора школы №12, в 1977 году ушел на пенсию и начал работу по созданию краеведческого музея.

О Н.И. Рябове можно говорить бесконечно, и не только потому, что он был потрясающе интересен, еще и потому, что он был удивительно целеустремлен и многогранен. Достаточно почитать его дневник, куда он записывал не только события уходящего дня, но и высказывал свое мнение относительно того или иного человека. Но более всего меня поразило то, что Николай Иванович считал день продуктивным только в том случае, если он приносил что-то новое.

Это новое он творил своими руками: каждый день он что-то завинчивал, строгал, налаживал, красил, устанавливал. Он, то ехал договариваться насчет выделения средств, то за найденными кем-то экспонатами для музея, то за лесоматериалами для обустройства музейных комнат. Чаще всего он обращался в КСК, а именно к директору В.В. Трухановскому, о котором отзывался очень тепло и писал, что из всех городских предприятий самое деятельное участие в организации музея принимает именно комбинат.

В его записях встречается всякое: и нечто восторженное, это когда что-либо удастся сделать совместно с добровольными помощниками, и «юморное», например, по поводу огромного колокола, который

сегодня «возлежит» во дворе музея, и что-то такое, что очень досаждало ему.

Очень не любил Николай Иванович делать доклады, которые постоянно от него требовали вышестоящие чины. Очень расстраивался, когда сталкивался с хамским непониманием: «Как все обмельчало и упростилось до уровня гражданской войны и разрухи», «если не считать взаимоотношения людей в новом качестве особачивания (чем глупее дворянжка, тем больнее кусается)».

Но более всего его удивляло то, что власти никак не хотели признать музей государственным: «Дубовые лбы» – ревизоры опять написали акт о незаконном существовании музея. Вот и делай бескорыстное добро для людей! Все в восторге, все – за, а по Инструкции... «не положено». Держусь на «последней зарубке». Наверно, брошу все к чертовой матери и пойду зарабатывать рубли». Но... наступало утро, и он снова вставал к верстаку, оборудованному прямо в музее, и все начиналось сначала.

В сегодняшнем музее все экспонаты изготовлены его руками, многие из которых он сделал сам: это – вращающееся колесо, приводящее в движение молот, макет «огненной кричной печи», в которой из чугуна выплавлялось железо.

Из года в год, изо дня в день – одна работа. И даже в день рождения – 23 февраля, с этой датой его по иронии судьбы поздравили только близкие и знакомые. В один из дней рождений он огорченно пишет, что «все закомплексованы», а в другой раз, очевидно, поняв, что дело тут в людской неблагодарности, снисходительно замечает: «Ни горисполком, ни иные не снизошли до поздравлений» и тут же: «Вот что я заработал, Сизиф!»

Помню, я часто встречала его идущим по улице Ленина, где расположена его школа, а еще – музей и дом, в котором он жил раньше. Каждый раз он был погружен в деловые раздумья, что не мешало ему раскланиваться по сторонам на приветствия и при этом слегка улыбаться. Его невысокая фигурка в неизменном берете постоянно мелькала то тут, то там, и все... возле музея. Мне кажется, что его творческий дух до сих пор живет здесь, в учреждении, которое он создал своими руками.

Федор Федорович Смирнов

О Федоре Федоровиче Смирнове в Верхнетагильском музее материалов представлено мало, даже в дневнике Н.И. Рябова о нем упоминается вскользь. Но он оставил в память о себе пять рукописных книг, четыре из которых, скорее, напоминают фотоальбомы с биографиями людей, отличившихся при строительстве станции. А в основу первой из них легли его личные познания, частично почерпнутые из документов, оставшихся после закрытия завода и бесследно исчезнувших при переводе музея из одного здания в другое, а также исследования местных краеведов и материалы, представленные группой людей, занимавшихся изучением истории демидовского поселка.

Остальные данные, в том числе описание происходящих на заводе технологических процессов, взяты им из других исторических книг, что обнаружено мной при написании очерковой повести о Верхнем Тагиле, вошедшей в сборник издания из цикла «История в лицах городов» под общим названием «Демидовские гнезда». В данном случае, обращение к написанной ранее истории

закономерно, потому что... слово из песни не выкинешь, а без этого слова распадется вся логическая цепочка повествования.

Федору Федоровичу Смирнову в 2004 году исполнилось бы 100 лет. Родился он в деревне Емельянове Костромской области, имел незаконченное высшее образование, полученное в Ленинградском ВУЗе. Известно, что в 1959 году он был переведен в Верхний Тагил с Серовской ГРЭС и до 1964 года работал на важных участках строительства города. Имел очень много наград: медалей, почетных знаков и дипломов разного уровня. После ухода на пенсию он продолжает работать, но уже в поселке Половинный.

Ф.Ф. Смирнов намеревался написать летопись в стиле известного историка Кафенгауза. То есть он хотел представить следующему поколению фактологический сборник, где отсутствовали бы всякие предположения и версии, а главное – не было бы эмоций, и факты подавались бы бесстрастно. Иногда это ему удавалось, иногда нет: сказывалась существующая обстановка в стране, поэтому, читая его летопись, я постоянно наткалась на коммунистические лозунги.

Каждое время требовало свою... дань. И только сегодня можно и нужно быть объективным и уметь отделять зерна от плевел. Поэтому и сегодня учащиеся школ, свободные от какой бы то ни было идеологии и интересующиеся историей нашего города, берут в библиотеках летопись, написанную Ф.Ф. Смирновым.

Февраль 2004 года

Погода в юбилейном Невьянске

За два дня до 300-летия Невьянска по области объявили штормовое предупреждение. К вечеру перед назначенной датой подул сильный ветер, закачались деревья, низко над землей понеслись куда-то облака. За прошедшие три века каких только бурь не пронеслось над городом, и «погода» была разной: от милости царской и своевластного правления Демидовых и до унизительно затишья, которое обычно наступает перед бурей. В любом случае, лучше, если эта буря будет иметь созидательный характер.

Проследим «погоду» старинного городка с первого дня его появления на карте.

Накануне

В течение всего 17-ого века шло освоение земель около реки Нейвы. В сентябре 1628 года кузнец Богдан Колмогор обнаружил в Верхотурском уезде, в семи верстах от Невьянского отрожка, болотную железную руду, для обследования которой был послан Иван Шульгин. Он и построил впоследствии первый на Урале Ниценский завод.

Дальнейшая история железного дела на реке Нейве связана с именем Дмитрия Тумашева, чей железоделательный завод был на месте, где вскоре и возникнет один из крупнейших металлургических заводов России – Невьянский.

Осенью 1700 года началась Северная война со шведами. Первая битва была жестоко проиграна. Шведы захватили в плен почти всех военачальников и всю русскую артиллерию. Срочно требовался металл. И Петр 1 повелевает создавать на Урале доменные заводы.

Почти одновременно с Невьянским начинает строиться и Каменский завод. И поскольку специалистов не хватает, строят их одни и те же мастера. Их посылают то на Каменский, то на Невьянский заводы. Однако невянцам явно не везет, еще и потому, что накануне плавки на заводе случился пожар, после чего он остался «покинут пуст».

Кроме того, мастера Филиппа Дементьева отозвали в Каменск, и, как жаловался верхотурскому воеводе его напарник Петруша Павлов, без него он работать не может, и «если бы Филипп остался дома, то вместе бы они смогли начать плавить чугун уже с Семенова дня», то есть с осени.

Другой мастер, Яков Фадеев, выехал после того, как руководитель строительства Викулин продержал его в тюрьме» (Кафенгауз Б.Б. с.75) Дело кончилось тем, что мастера послали обратно. Прибыл он в Невьянск в ноябре 1701 года.

Тем временем в Каменске выплавляют первый чугун, который оказался невысокого качества, и руководство завода не рискнуло послать металл в столицу на экспертизу, а использовало для местных нужд.

И вот уже 15 декабря 1701 года, теперь уже на Невьянском заводе, происходит первая плавка, о чем было тотчас доложено царю: «Милостию Божей... чугун пошел декабря в 15 день». Выплавил первый чугун доменный мастер Яков Фадеев, прибывший из Москвы в марте 1700 года со второй партией переселенцев. Через три недели из первого чугуна выковали первое железо.

На Урале еще не знали, что очень скоро у завода появится частный владелец – Никита Демидов и его сын Акинфий, это при них слава Невьянского завода поднимется на невиданную высоту, что через два десятка лет у горы

Магнитной встанет город Нижний Тагил, а на реке Исеть поднимется столица Урала – Екатеринбург.

По старшинству, богатству и мудрости

И вот на 300-лети Невьянска встретились представители всех «железных» заводов. Сегодня не время для взаимных упреков, сегодня у старшего брата Юбилей, и потому в зале Администрации царит теплая... «погода».

Первым выступил представитель города Каменска, который не забыл упомянуть, что их город является старшим из братьев-близнецов, появившихся на свет почти одновременно.

Дальше слово взял мэр Нижнего Тагила Николай Наумович Диденко и, шутя, сказал, что является представителем от младшего брата, а младший брат всегда больше и богаче, и поэтому необходимо помогать брату старшему (Н-Тагил подарил Невьянску экскаватор).

Следом на сцену вышел заместитель мэра Екатеринбурга и, поддерживая возникшее в зале оживление, заметил, что дело не столько в возрасте, сколько в мудрости градоначальников. В Невьянске стали тайно делать деньги, а надо было попридержаться прыть. В те времена о найденном золоте и серебре следовало докладывать в столицу, но в этом случае Демидов лишился бы Невьянской земли, возможно, и завода тоже. Казна забрала бы его себе. Да, Демидов был богат, но его частные интересы не позволяли толково распорядиться своим богатством, а государственные заводы обрастали населением и превращались в города.

Затем выступила заместитель главы по социальным вопросам города Туринска Л.П. Ломакова и сказала, что их

город Невьянску в отцы годится – ему недавно исполнилось 400 лет. Она не стала проводить никаких параллелей между Невьянском и Турой, в прошлом городом-острогом, и Невьянском городом-металлургом. Каждый город славен по-своему.

В числе последних выступили представители сравнительно молодого Североуральска (70 лет), которые назвали себя внучатами седого Невьянска.

Все выступающие приехали не с пустыми руками и, посмеиваясь, посоветовали хозяевам создать в городе еще и музей памятных подарков.

У Башни и на площади – переменная погода

Мы вышли из здания администрации и направились к проходной завода, на территории которой находится знаменитая Демидовская башня. Похоже, прогноз погоды, объявленный накануне, оправдывался: ветер свирепствовал, рвал края одежды, запутывался в волосах, вызывая тревогу и создавая определенное настроение. Мы знали, что нас ждет рассказ о драматических событиях из жизни А. Демидова и его мастеровых.

Точная дата возведения башни неизвестна: документы сгорели вовремя пожара в 1890 году. Но... построена она, скорее всего, в 1725 году. Об этом говорится в справке, приведенной историком и писателем И.М. Шакинко, которая была запрошена императором Николаем I в 1827 году. Вряд ли высочайшей особе стали сообщать ложные сведения.

Для каких нужд была построена башня? Высказывались разные мнения: для обороны, для охраны объекта, для подачи звукового сигнала с колокольни....

Скорее всего – это памятник Демидовым и построили они его себе сами.

Имя зодчего неизвестно. На сей счет высказывались различные предположения и легенды: что по окончании строительства мастера замуровали в стенах башни, толщина которых достигает 1,8 метра, чтобы он больше нигде не мог построить подобного чуда. Далее, что Демидов выписал зодчего из Италии, но эта версия, скорее всего, родилась потому, что в Италии, в Пизе, тоже есть наклонная башня. Следующая легенда говорит о том, что после того, как башня была построена, зодчего сбросили вниз с 57,5 – метровой высоты, отчего она, каменная, в скорби наклонилась.

Внутри башни есть узкий ход, ведущий наверх, в лабораторию, где и велась скандально известная чеканка монет. И вот мы достаточно долго поднимаемся по ступенькам, словно по винтовой лестнице, и оказываемся в тесной комнатухе, без окон и дверей. Можно себе представить, насколько жутко было находиться здесь самим чеканщикам золотых монет....

Рядом с башней идет реставрация свода Спасо-Преображенского собора, который поднимается из груды развалин, словно Феникс из пепла. Башню и Собор планируют объединить в комплекс и вынести за территорию завода.

Выйдя через проходную с промышленной территории, мы попали в другой, солнечный и шумный мир. Здесь, на площади, разыгралось целое представление: по улицам на пролетке разъезжал сам Петр 1, затем, поднявшись на смонтированную сцену, начал давать Демидову наказания.

По площади строем прошествовали барабанщицы, следом – солдаты пехотного полка в мундирах 1812 года.

Мне удалось перебраться словом с одним из них, с Г.Н. Шапошниковым. Он сказал мне, что вся их команда занимается в Историческом клубе, который располагается в Доме офицеров в Екатеринбурге, и что они всегда соглашаются принять участие в подобных мероприятиях. Так, в 2000 году они ездили в Верхотурье, были в Каменске. Каждый год, в день Бородинской битвы, они едут на это легендарное поле, где собираются все неравнодушные люди России и других стран.

Этот полк, в мундирах которого они сегодня выступают, был создан в Екатеринбурге в 1796 году по приказу Павла и оставался в городе до 1808 года. И мундиры, и оружие, с которыми сегодня прошли по улицам Невьянска эти любители истории, они изготовили сами. Спрашивается, какое отношение имеют brave солдаты 1812 года к Невьянскому заводу? Самое прямое. На Невьянском заводе во все времена «ковалась победа».

Кульминацией праздника стал салют. Стреляли из двух мест: с установки из сквера и из дальнобойных пушек с завода. Представьте себе огненные цветы в темнеющем небе: раскидистые астры, торжественные розы, степенные георгины. Они рассыпались в воздухе, едва не долетев до земли, и над старинным городом в течение четверти часа не смолкало многоголосое: «Ура!»

Наутро небо было ясным. На улице – тишина: не слышно ни шума проезжающих машин, ни человеческого голоса. Деревья за окном словно замерли в почетном карауле. Улеглись страсти и... закончился «шторм».

Август 2001 года.

Слово об учителе

Он дарил нам счастье

О Евгении Зашихине я услышала за год до поступления в университет. Тогда я пришла со своим рассказом к декану филфака Валентину Владимировичу Блажесу. Прочитав первые строки, он с удовлетворением хмыкнул и написал на бумажке имя и фамилию человека, к которому я должна обратиться: Евгений Степанович Зашихин. Но я не спешила к нему идти. Дело в том, что, еще работая над рассказом, я ощущала неуверенность при написании некоторых речевых оборотов, а сейчас, после разговора с деканом, решила повременить: вначале поступлю в университет, а уже потом....

С некоторыми писателями я познакомилась за время работы журналистом в печатных изданиях и на телевидении. Среди них – Владислав Петрович Крапивин. Мы разговаривали у него дома, в кабинете, среди книг и моделей различных фрегатов. Его ответ был созвучен моему решению, я «прочувствовала его кожей». Уж не знаю почему, но часто так бывает, что я заранее знаю ответ, его мне подсказывает подсознание, так называемое «шестое чувство».

И вот, уже на вступительных экзаменах, стоя в коридоре, я почувствовала на себе чей-то взгляд. Боковым зрением увидела, что на меня смотрит молодой, высокий мужчина, могучего телосложения, с аккуратно подстриженной бородой. Я узнала, кто это, и удивилась: «Возможно, он думает, что я новый преподаватель и недоумеает, почему же он до сих пор со мной незнаком.... Но, может быть, декан филфака рассказал ему

о нашей встрече, и теперь он ждет, когда же я к нему обращусь? Но пока рано...», – и я спряталась за спины наших ребят, благо они все рослые.

Но судьба сама подталкивала меня к нему. Во время моей работы в музее, из Министерства образования поступил заказ на написание книги о городе Верхнем Тагиле, Демидовской вотчине, поселении, которому в 2018 году исполнится 300 лет. Написать эту книгу поручили мне, а готовиться она будет в издательстве «Сократ», там, где Евгений Степанович работает редактором.

И вот я приехала туда на правку рукописи. В кабинете у Зашихина я повесила свое пальто и шляпу, которая, оказывается, покрылась белым ворсом после того, как в трамвае, по пути в издательство, рядом со мной присела женщина в пуховом платке. Чтобы не мешать редактору работать, я ушла в зал, но вскоре у меня возник к нему вопрос, и я вошла в кабинет. И что я вижу? Евгений Степанович чистит мою шляпу! Я не смогла удержаться и засмеялась. Он смущенно пробормотал: «Видите ли, я настоящий эстет». От смеха у меня подкосились ноги, и я буквально выползла из кабинета.

В чем там было дело, я никогда не узнаю. Но ясно одно, что он человек неординарный. За столом шкафа в его кабинете на обозрение выставлена фотография, на которой запечатлено: он сидит за столом в кафе с салфеткой на... голове. На мой вопрос он ответил: «Это в ресторане очень долго не подавали на стол...».

Поскольку я была вхожа в издательство, мне довелось наблюдать методы его работы. Однажды у него выдался горячий денек, и к нему один за другим шли посетители, и чтоб не мешать ему, я устроилась в укромном уголке его маленького кабинета. Вот напротив

него присела женщина, одетая в старенький свитер и потертые джинсы, и капризно сжала губы. Он настойчиво и осторожно указывал ей на неправильные обороты, встречающиеся в написанном ею тексте, словно перед ним сидел маленький обидчивый ребенок. Точно так же он работал и с другими авторами. Стоило кому-то из них выразить свое недовольство, он немедленно с ним соглашался, чтобы чуть позже заговорить об этом снова и тактично настоять на своем.

Совсем другим его знают студенты университета. Здесь он производит впечатление «танка». Но это для непосвященных. Однажды я видела, как он долго стоял возле женщины-методиста, ожидая окончания ее разговора по телефону, чтобы уточнить у нее расписание лекций.

Нагрубить женщине – это «не про него». Он может «потрепать шевелюру» только дремучему студенту, не прочитавшему по причине лени необходимые произведения. Все остальные заслушивались его рассказами о классиках и о их, по-новому осмысленных, произведениях, о плановых и скоропалительных поездках на разного рода выставки и по памятным местам. К тому времени мало кто из студентов знал, что ранее Евгений Степанович Зашихин занимал руководящую должность в Среднеуральском книжном издательстве, причем довольно продолжительное время.

Одно время мы жили по-соседству, и иногда в одно и то же время из университета возвращались домой. Я наблюдала за тем, сколько времени ему требуется для того, чтобы сделать пятьсот шагов до остановки: пока он шел, то без конца останавливался, вступая в разговор со встречными знакомыми красивыми девушками. Помню

радостные лица тех девчонок! Действительно, это счастье – общаться с интересным человеком.

После окончания университета я часто заезжала в «Сократ», заходила к нему в кабинет и говорила одни и те же слова: «Здравствуйте, я так долго Вас не видела!»

Педант, с которым надежно

Когда я училась на первом курсе УрГУ, то часто посещала в библиотеке зал научной литературы, занималась в читальном зале, во всех книгах, которые брала, на полях были написаны нелицеприятные отзывы о Л.А. Кропотове. Я понимала, что это пишут студенты-дневники и подозревала... «за что»: за то, что у Леонида Алексеевича не пофилонишь на уроках и не спишешь на экзамене. «Он, без сомнения, педант, и это замечательно. Вот у кого можно многому научиться», – думала я тогда... И... Я была единственной из пяти человек, получивших указание писать курсовую у него, заработала оценку «хорошо», тогда как все остальные – «отлично».

Причина мне была известна: у меня не было ни нужной литературы при написании курсовой, ни возможности регулярно посещать консультации, поэтому я приняла оценку как должное.

Помню, как он долго беседовал с учащимися, пытаюсь дойти «до самой сути», как осторожно и тактично, словно держа в руках «ранимое сердце» сидящего рядом студента, беседовал с каждым из нас. Всем своим видом он словно извинялся за те слова, которые ему необходимо было произнести во всеуслышание.

Меня он оставил «на десерт», и вот мы остались с ним вдвоем в аудитории. Накануне я дала почитать ему свои рассказы. Он сказал мне, что манера и стиль письма ему очень понравились... И мы принялись обсуждать творчество Татьяны Толстой и Ларисы Петрушевской. Вещи Петрушевской мне казались слишком мрачными и он, соглашаясь со мной, говорил, что она описывает мир с натуры. Наконец, мы расстались, он – довольный разговором, я – с решением на будущий год снова писать курсовую у него.

На будущий год за эту работу у меня было «отлично», вдобавок Леонид Алексеевич предложил мне рекомендательное письмо в одну из центральных областных газет.

Так каким он был? Студенты-дневники были о нем не очень лестного мнения, да и заочники, похоже, готовы были с ними согласиться. И зря! В уголках его глаз постоянно светились смешинки, а с лица не сходила немного смущенная улыбка. Чувствовалось, что юмор в нем прямо-таки кипит. И я могла в этом убедиться.

Леонид Алексеевич Кропотов работал в университете очень давно и учил наших преподавателей тоже. И вот однажды заместитель декана, милейшая женщина, Мария Федоровна Попова рассказала нам одну историю, а именно: как их строгий преподаватель Л.А.К. неожиданно для всех грохнулся возле доски. Она помнит, как они все тогда испугались и хлопотали возле него. Придя в себя, он объяснил, что хотел проверить реакцию каждого на возникновение непредвиденных ситуаций.

Но, возможно, ему просто было неудобно за собственную боль, возникшую так внезапно? А признаваться в своих болячках не всякий захочет. Хотя, судя по его образу жизни, не скажешь, что у него когда-нибудь что-то болело: в последние годы своей жизни он еще сплавлялся по реке....

Говорят, незаменимых людей нет. Думаю, что это неправда. Л.А. Кропотов, как и всякий педант, много требовал, но и... много отдавал. Помню то чувство защищенности, которое постоянно ощущала при общении с ним. Так чувствуют себя дети рядом с любящими родителями. Если бы мы были защищены от болезней, которые уносят в мир иной таких замечательных людей!

Проблемный очерк

Прибор, который мог бы спасти мир

Фотометрический анализатор – прибор, измеряющий концентрацию нерастворимых в воде веществ, был изобретен еще в 1986 году Григорием Алексеевичем и Алексеем Григорьевичем Прохоровыми. В 1991 году он был зарегистрирован в государственном реестре изобретений и ТОЛЬКО 06.09.1993 года авторам был выдан патент.

Концентрацию состава воды обычно измеряют весовым методом. То есть, состав воды измеряется в относительных единицах, и при этом все другие подобные приборы НЕ показывают концентрацию различных веществ, находящихся в воде. Получается, что упомянутыми приборами определяют прозрачность воды и измеряют только ее мутность.

А фотометрический анализатор Прохоровых под названием «ДИВ» оснащен двумя фотоприемниками, первый из которых показывает «мутность» воды, а второй – концентрацию в ней взвешенных веществ.

Надо ли говорить, насколько сегодня этот прибор был бы полезен для нефтяников, медиков и синоптиков, которые без труда могли бы измерять концентрацию состава нефти, крови и предотвращать наводнения подобные произошедшему недавно в Крымске.

Однако когда авторы продемонстрировали этот прибор перед научным сообществом, их не поняли, и отказали в его использовании, объяснив свой отказ тем, что якобы «ДИВ» измеряет только мутность. По истечении некоторого времени все же взялись за изготовление этого

прибора, выдав его за собственное достижение. Однако не учли одного – секрет его изготовления авторы держат в секрете, поскольку по горькому опыту знают нашу систему присвоения авторства. И теперь всякий раз представители различных фирм вынуждены обращаться к восьмидесяти восьмилетнему кандидату технических наук Григорию Алексеевичу Прохорову за консультацией, однако при этом никто из представителей научных сообществ даже не заикается о процентной выплате денежных средств истинным создателям прибора.

Г.А. Прохоров не без оснований озабочен таким положением дел, ведь он с годами, увы, не молодеет, поэтому опасается, что секрет, заложенный в прибор «ДИВ», так и останется для остального человечества тайной.

Путевой очерк-эссе

Путешествие в Сочи

Путь на отдых

Весной я наконец-то продала сад, потому, что устала в одиночестве вскапывать грядки, содержать в порядке теплицу и насаждения, обрабатывать кусты и деревья. Здоровья с возрастом не прибавлялось, поэтому и было принято такое решение.

Часть вырученных денег я собиралась потратить на путешествие к морю. Однако долго выбирала маршрут, поскольку очень хотелось съездить в Крым, история которого, как и природа, очень напоминает мне Грецию, где я давно мечтала побывать. И не только из-за сухого воздуха, но и из-за имеющихся древних, в данное время полуразрушенных, городских поселений. Но... Путь в Крым был еще слабо обозначен, поскольку полуостров совсем недавно вошел в состав РФ, а на Юго-востоке Украины уже шли военные действия. И я решила поехать ближе к Сочи, где как раз проходило мероприятие под названием «Кинотавр».

И вот я уже сижу в вагоне поезда и молю Бога, чтобы моими попутчиками по купе оказались вполне адекватные люди. У входа в вагон послышался шум, женские окрики и передо мной возникли трое: пожилая женщина и два мальчика-подростка. В течение трех суток я вынуждена была наблюдать за тем, как эти мальчики бутузили друг друга, а их бабушка нехило шлепала их по разным частям тела, не скупясь при этом на выражения.

Между тем, я смотрела за окно движущегося состава, где поначалу мелькали живописные Уральские горы, постепенно переходящие в равнинную местность, на которой кое-где выращивались зерновые, подсолнечник, а где-то открывались и ничем не засеянные бескрайние поля. По мере приближения к конечному пункту, за окном стали попадаться полупустынные песчаные участки, постепенно сменившиеся невысокими, заросшими кустарниками, холмами. В Краснодаре мои шумные соседи, наконец-то, вышли.

В вагон вошла симпатичная женщина, с которой я разговорилась на тему «где же на побережье лучше отдыхать». Тут в проеме появился приятный мужчина, представился Самвелом и обратился с предложением остановиться в его доме, где созданы все условия для отдыха. И предоставил свою визитку с названием этого места «Гостевой дом Мечта».

Знакомство с местечком Вардане

Мы вышли на станции Лоо и поехали в местечко Вардане, где нас встретила его жена Елена на машине. Ехали мы недолго, остановились у двухэтажного добротного дома, стоящего в окружении лесистых гор, двор утопал в зелени, а из декоративно отделанной стены бил фонтан в форме водопада.

Поселили меня на втором этаже с отдельной лестницей, в двухместном номере, окно выходило на крытый двор, где постоянно находился кто-нибудь из постояльцев и непрерывно говорил-говорил, постоянно кричали и шалили дети этих говорунов, все это немного

утомляло, но я понимала, что сама сделала выбор и теперь уже никуда не денешься.

Несмотря на усталость, я попросила проводить меня на море, показать, так сказать, дорогу. Со мной пошел сын хозяйки, Виталий, очень интересный воспитанный юноша, который рассказал мне то немногое, что он знал об этом курортном поселке Вардане. Дело в том, что они с матерью живут здесь совсем недавно: у них на родине сгорело жилище, после чего хозяин гостевого дома приехал за ними и увез их в курортный кавказский поселок Вардане.

Виталий ушел, а я осталась на набережной наедине с угрюмым морем: тучи нависли над водной поверхностью, волны шумно накатывались на берег. На пляже – никого. Все столовые, различные киоски и развлекательные пункты уже были закрыты. Тут же, на набережной, строился крытый ресторан, который (как мне стало известно немного позже) был подожжен конкурентом еще в прошлом году, и где до этого времени каждый вечер «зажигали» все отдыхающие.

Сочинский «Кинотавр»

Ранним утром я пришла на железнодорожную платформу поселка Вардане, полюбовалась утренним видом моря, которое плескалось рядом. Скоро поняла, что пришла сюда на час раньше, потому, что неверно посмотрела расписание. Однако настроение было боевое, несмотря на явное недомогание. Заставив себя не слушать свое тело, я поняла, что именно меня сюда влекло: совсем недавно закончилась Олимпиада в Сочи, и необходимо было посмотреть и оценить те новшества, которые

появились здесь в связи с этим международным спортивным мероприятием.

Когда из-за поворота показалась электричка, я поняла, что оценивание происходящего можно начать прямо сейчас: конструкция состава была новейшего образца, и даже я не сообразила, что необходимо нажать на кнопку двери для того, чтобы она открылась, после чего из вагона на перрон спустилась лестница.

Несмотря на утренний час, людей в салоне было много. Пришлось полчаса потолкаться в тамбуре. Я стояла возле окна и глядела на зеленовато-голубоватые лесистые горы, на которых возвышались новенькие трех-четырёхэтажные частные дома, окруженные узорчатыми заборами. С другой стороны через окна вагона просматривалась пляжная приморская зона с оборудованными кафе и детскими аттракционами.

В глубине вагона показались билетерши-кассиры, я купила билет до Сочи и снова уставилась в окно. Приехав на место и оглядевшись, поняла, что выход в город здесь только один – мимо автомата, где необходимо показать билет в расправленном виде, только после этого двери перед тобой открываются. В это же время, с другой стороны, на нашу платформу подошла еще одна электричка, и в проходе через рамку образовалась пробка. Люди нервничали, что-то кричали, толкались, возмущались.

Но вот, наконец, я на улице, и передо мной величественный курортный шумный город... с пальмами. Солнце уже всю палило, у меня кружилась голова, ноги отчего-то заплетались, но я решила пешком дойти до пляжа по центральному пешеходному проспекту города, где на каждом углу прохожих манили бочки с квасом. Но я

заставила себя от них отвернуться: архитектура в городе великолепная – стеклянные высотные коробки различной конфигурации, чем-то похожие на Екатеринбургские. Очевидно, это они своим ухоженным видом не позволяли гостям города мусорить. К этому же призывали и растущие рядом пальмы.

А вот и море! Вдали виднелось два маяка. У причала стояли катера и яхты. По берегу ходила приветливая девушка и собирала группу для водной прогулки на одном из обозначенных судов. Я обратила внимание: больших кораблей поблизости не было. Подумала: «Это тебе не Пермь!» А чуть раньше в разное время я видела множество речных посудин в Москве, военных кораблей в Одессе и в Новороссийске.

Я направилась по набережной вдоль пляжа: всюду на полотенцах лежали загорающие, кто-то купался в море, кто-то плыл на надувных плотиках, а любители экстрима поднимались в воздух на парашютах, прикрепленных к корме катеров. Повсюду играла музыка, звучал смех.

Голова моя находилась в невесомости, сердце гулко билось в груди, ноги едва шевелились. Поймала себя на мысли: если бы пляж был песчаным, то я скинула бы одежду, и не раздумывая, бросилась в море. Однако бежать по гальке очень затруднительно, пройти босиком к морю я была не в состоянии, мне пришлось бы это сделать ползком. И я решила не смешить людей.

Целью моей поездки было назначенное в Сочи на этот день закрытие «Кинотавра». Пройдя вдоль всего берега, сбоку обнаружила каменную лестницу, ведущую вверх. Поднялась по ней и оказалась у Дворца культуры, где и должно было начаться это мероприятие. Сверху, на лицевую сторону Дворца, был опущен экран, а вся

площадь перед зданием уставлена рядами стульев. К входной двери вела огромная крутая лестница, сплошь устланная красным ковром, по ее бокам в несколько рядов заняли места папарацци и фотографы.

До приезда артистов еще оставалось время. От автодороги до красной ковровой лестницы уже была натянута красная лента, возле которой давно томились в ожидании поклонники. Поскольку ноги мои на данный момент едва шевелились, взгляд мой упал на свободное место между двух мужчин. Один из них – пожилого возраста, и, по всему, оказался здесь случайно, другой – крупный, примерно моих лет. Получив их согласие, я бухнулась на сиденье и перевела дух.

Крупный мужчина тут же, нарушив молчание, стал критиковать все и всех вокруг: это его жена загорелась идеей прийти на это никчемное мероприятие, где собравшиеся люди намереваются с восторгом потешить самолюбие этих российских лицедеев. И сейчас она уже полтора часа стоит у ленточки в ожидании прибытия на место этих героев экрана. Разговорились. Оказывается, их семья приехала сюда с севера, на сегодняшний день они снимают квартиру в Сочи, сам он строитель недавно возведенного Олимпийского комплекса, и уезжать пока не собираются. Я вслух назвала его нигилистом, чем ничуть его не смутила, после чего в течение получаса продолжала слушать его излияния.

Но вот сбоку послышались стоны и восторженные крики: на красную дорожку вступила первая пара артистов. Они раскланялись перед людьми, ожидавшими их возле ленточки, потом поднялись наверх и долго позировали на камеры, установленные с обеих сторон лестницы, после чего нырнули во входную дверь, даже не

обернувшись к зрителям, сидевшим на стульях. Почему-то мне не захотелось запоминать фамилии тех известных людей, которые были удостоены пройти по этой красной дорожке.

Я поспешила на вокзал, поднялась на электричку, благополучно доехала до места.... Однако поднявшись к себе, померила давление, которое поднялось до 200! И я рухнула в постель. На следующий день все-таки приперлась на пляж, где усиленно загорала, зная о домашних затруднениях оставшейся в Екатеринбурге дочери, из-за которых у меня в запасе только один или два дня. Хозяин гостевого дома обещал завтра устроить экскурсию в ресторан «Горный Эдем». Говорит, что там здорово. Посмотрим.

Горный Эдем

Мы долго ехали по зигзагообразной трассе, и перед нами открывались великолепные виды Кавказа, в низинах и на склонах гор виднелись белокаменные двухэтажные дома поселка, которые по мере продвижения выше и выше над уровнем моря вскоре сменились одиночными шикарными дачами либо маленькими домиками, бесстрашно затерянными на склонах холмов. Я думала: «Почему живущим в этих хоробах людям нравится жить в отдалении от суеты? Какими же бесстрашными для этого надо быть. И что интересного в подобном уединении?»

Но вот мы подъехали к невысокому забору с вывеской «Горный Эдем». Вокруг стояла необыкновенная тишина. Тишина, которую я терпеть не могу. Возможно, кто-то, наоборот, в ней нуждается, и ищет ее в этом мире, но только не я. Тишина меня угнетает.

Сфотографировались у ворот, и зашли внутрь. Вокруг открылся райский уголок: благоухали всевозможные диковинные насаждения, били фонтаны и шумели водопады. В глубине небольшой площади Эдема находился бассейн, где в недавнем прошлом по всей вероятности резвились веселые компании. Но сегодня в этом ресторане под открытым небом было необычайно тихо, не играла музыка, и работники ресторана были несказанно вялы, создавалось такое впечатление, что они доселе спали и проснулись только с нашим появлением.

Боже мой! Я-то думала, что здесь ресторан, играет музыка, люди общаются друг с другом, знакомятся, танцуют! Однако.... А мы просто поужинали и поехали домой. Причем, принесли мне недожаренную и недосоленную, но дорогую рыбу. Пришлось поковыряться, создать видимость удовольствия.

Из ресторана мы поехали еще в одно место, а именно: в глушь Кавказских гор, где находилась туристская стоянка с множеством легких летних домиков. При входе в местечко стояло страшноватое чучело, сотворенное из основания огромного дерева. Это чудище призвано было пугать гостей, рот-дупло у него был открыт, в разные стороны торчали сучья, изображавшие волосы. Невдалеке негромко шуршал водопад. Вокруг сумрак и... тишина.

На следующий день я примчалась на пляж с мыслью обязательно загореть, так как назавтра намечалось еще одно путешествие, а на следующий день – путь домой. Я наслаждалась, гуляя по набережной пляжа, лежала на парапете возле наблюдательной вышки, видела, как рядом срочно достраивался тот самый сгоревший ранее ресторан, улыбалась, глядя на взлетающих ввысь, прыгающих на батуте, смельчаков.

Тридцать три водопада и... экстрим

На следующий день за нами приехали две открытые машины – газики, с большими проходимыми колесами, и мы поехали по еще более спиральной трассе высоко в горы. Водителем был молодой рискованный парень, тоже армянин, как и многие в этом селении Вардане, он крепко держал руль, резво вращал головой, при этом успевая нас успокаивать.

Мы приехали в Головинку, к Тюльпанному дереву, которое по легенде в 1840 году посадил декабрист Раевский в честь окончания Кавказской войны. После очередной победы русской армии именно так думали многие. Фактически же война закончилась четырнадцать лет позже, в 1864 году.

Дерево поражало своим величественным видом: его крона надежно защищала ствол от зноя, ветви скреплены пластинами, в теле дерева – дупло, толщина ствола более пяти метров. Местные жители сказали мне, что дерево потому так называется, что цветы его похожи на тюльпаны, и что оно только что отцвело. У подножия дерева лежал увядший венок, и я спросила о нем у местного жителя. Он ответил мне, что живущие здесь ежегодно приходят к этому дереву и торжественно кладут венки, а в этом году и вовсе Юбилей Победы.

Вечерело. Солнце клонилось к закату, поэтому мы поспешили на «33 водопада». Подъехали к наполовину высохшей реке Шахе, русло которой сплошь было усеяно валунами, чередующимися с множеством небольших емкостей воды. Газик специально въезжал в эти «лужи» для того, чтобы доставить удовольствие молодым людям,

которые сидели сзади на открытых сиденьях газика. Я предусмотрительно присела поближе к водителю, чтобы не ввязываться в это «мокрое дело».

По дороге на место я ожидала увидеть множество водопадов, расположенных поблизости друг от друга. Оказалось, что это одна река, расположенная в живописном ущелье урочища Джегош, рядом с долиной реки Шахе, где ручей течет с горы и заставляет воду падать вниз с различной высоты тридцать три раза. С одной стороны ручья сделана лестница для подъема вверх, а с другой – вниз. Между водопадами находятся маленькие озерца, через которые переброшены мосты. Все русло захламлено упавшими деревьями, принесенными водой сверху.

Мы приехали на место, когда уже смеркалось, и накрапывал дождь. Лестница намочла, и подниматься по ней вверх, как, впрочем, и спускаться было небезопасно. Поэтому, поднявшись до середины, я поспешила к машине. Только захлопнула дверцу, как в небе сверкнула молния, и полил настоящий тропический дождь. В этот день народа на экскурсии было «не протолкнуться», все они с трудом карабкались наверх по зыбким лестницам, и я представила себе, что именно сейчас происходит на спуске с горы, ведь среди экскурсантов было много пожилых людей!

Мы сидели в машине, вздрагивали от каждого удара молнии, со страхом смотрели в окно, где видели только поток воды, который толстым слоем заслонил все то, что происходило за стеклом. Подумалось: «Вот так, вероятно, тонут». А во что превратился сейчас небольшой ручей, который только что спокойно и безмятежно падал с гор?

Безропотно «тонули» мы с полчаса, потом все же поехали обратно. Водитель Сергей умудрялся вести наш «корабль» по уже полноводной реке Шахе, то и дело ныряя в ямы, так, что визг в машине не затихал ни на минуту. Стрелка маятника на лобовом стекле машины устало двигалась, смутно приоткрывая перед нами русло реки. Вдруг перед нами возникла бетонная стена. Все сидящие в салоне, включая меня, в ужасе завизжали. А тем временем водитель спокойно направил машину прямо на преграду и... перевалил через нее. Пассажиры вздохнули с облегчением. Однако впереди была еще долгая дорога.

Вода бурным потоком текла с гор, заполняла канавы, которые быстро переполнялись и поток устремлялся прямо по дороге, мешая продвижению машин. Подъехали к большому дворцу с огромным залом, который был возведен в пустынном месте, где проживали в основном Адыгеи. Здесь хозяева дворца намеревались устроить экскурсантам кавказское застолье и большой концерт.

Что представляет собой внутреннее устройство здания? Представьте огромную ухоженную сцену, а там, где должны быть зрительские места, расставлены длиннющие накрытые столы, за которыми восседают гости. Я устроилась на балконе и с удовольствием фотографировала происходящее в течение всего концерта, который мне очень понравился. С этого момента я кардинально изменила свое мнение о горцах. Это гордые, вежливые и независимые люди, любящие свой край, и ценящие его больше всего на свете.

Стемнело. Выехав на дорогу, мы помчались по спиральной дороге вверх. Вдруг впереди замаячил силуэт

еще одного газика, который остановился и припарковался к обочине. Оказывается, у него заглох мотор, и теперь с помощью троса наша машина будет помогать ему подняться в гору. Мы были в ужасе: сами едва премя, а тут необходимо волоочь еще кого-то. Но Сергей не обращал внимания на наши реплики и продолжал спасение газика. Несколько раз трос обрывался, водитель выскакивал под дождь из машины и упорно присоединял его на место. Наконец, решив, что трос обрывается из-за его большой длины, прицепил его вплотную к нашему газик. Мы в страхе уцепились за спинки машины и закрыли глаза.... Газик с натугой зарычал.... Фу! Выехали!

Путь домой

Прибыв в гостевой дом, все путешественники буквально вывалились из машины. Я поднялась к себе и бухнулась в постель. Нужно было прийти в себя, отдохнуть, потому что завтра мне предстояло отправиться в обратную дорогу: нужно было доехать до Сочи, быстренько перебежать на другой перрон и сесть на поезд, который придет из Адлера.

В вагоне было очень много людей, у билетерши закончилась билетная лента, поэтому я переживала, что меня не пропустят с перрона в вокзал, а времени на объяснения с ревизорами у меня совсем не оставалось, очень скоро придет мой поезд. У проходной рамки тоже был затор, пришлось сказать, что я опаздываю на рейс, и меня пропустили без очереди.

В вагоне поезда Адлер-Екатеринбург в соседнем купе ехала «веселая» девичья компания, и в течение трех дней нам пришлось их урезонивать, потому что всю дорогу

они пили чачу, играли в карты и матерились, как сапожники.

Железнодорожная трасса проходила в черте города Ростова, там мы проезжали ночью. Сосед по купе выходил из вагона на стоянке и рассказал, что близость границы с Украиной очень ощущается, хотя бы тем, что у людей на перроне другой, украинский, говор. Сегодня, когда на Украине идут боевые действия, появляться в этом районе я вряд ли бы рискнула. Совсем недавно там, в Ростове, на территории России, миной убило отца трех несовершеннолетних детей, и провокации продолжаются. На всей территории Украины растет непонятная ненависть ко всему русскому.

Я вспомнила о другой своей поездке на Кавказ. Тогда, примерно в 1986-87 годах, я отдыхала на курорте Геленджика, и как-то разговорилась с некоторыми отдыхающими о существующем миропорядке. Так вот, помню, тогда я была просто шокирована тем, с какой злостью мой знакомый, житель западной Украины, говорил о России и, напротив, превозносил Бендеру. Ему вторила миловидная женщина из Казани. В то время я думала, что это простое недоразумение. Однако, перелистнув в своей памяти еще несколько лет назад, вспомнила свою поездку в Молдавию, вернее, на ее границу с Украиной. Тогда я перешла по мосту через лиман молдавской речушки и оказалась в украинском местечке Кучурган, поймала попутку до Одессы, спокойно села за заднее сиденье.

Беспокойство возникло, когда отец и сын, изредка поглядывая на меня, стали поливать грязью все российское. «Почему же они настолько несправедливы к нам, россиянам? – думала я тогда. И сегодня я также не

могу принять это откровенное разделение по национальному признаку, потому что русские всегда тепло относились к другим народам и при необходимости постоянно стремились помочь им.

Я возвращалась из Сочи, где еще раз побывать мне вряд ли удастся. В последнее время я стала очень плохо себя чувствовать: скачет давление, болит что-то в животе и частенько колет в сердце. В скором времени мне предстоит операция. Собственно, эта поездка и не состоялась бы при других жизненных условиях.

Июнь 2014 год

Рассказы

Любовь... к автобусам

С тех пор как Лера поселилась в общежитии, у нее появилась непонятная тяга ко всем видам транспорта, и к автобусам, в частности. Ей постоянно хотелось куда-нибудь уехать. Сидеть в салоне трамвая или автобуса и просто смотреть в окно, наблюдать за спешащими в свои дома пассажирами, представлять себе, как они заходят в собственную квартиру, снимают туфли и устало падают в уютное кресло. После вкусного обеда, приготовленного на большой кухне, они идут в просторную комнату, где ложатся на диван, берут в руки книгу и с удовольствием погружаются в чтение.

Как ей всего этого не хватало сейчас! Она знала, что и сегодня, придя домой, она не сможет без лишних проблем принять ванну, потому что в ней замочено детское белье – в смежной комнате жила семейная пара, и у них недавно появился карапуз. А вечером к Ольге придет Леша, и ей опять придется придумывать предлог, чтобы не остаться нежиться на мягкой постели, а попросту раствориться в пространстве.

Как все надоело! Надо набраться смелости и сказать и соседям, и Ольге, что они ей... немного мешают. Но как это сделать, никого не обидев? Она точно знает, что за ее словами последуют пространные слова, точнее, очень много слов с противной стороны, и все они будут о том, что она, Лера, могла бы иметь в виду, что.... так далее. Личное спокойствие она ценила превыше всего и не хотела ввязываться в перепалку с соседями, которая принесла бы ей только проблемы.

Поэтому сегодня она в очередной раз стояла на остановке и ждала автобуса. На нем можно было снова... уехать в страну грез. Она не обращала внимания ни на внезапно начавшийся дождь, ни на струи воды, скатывающиеся с ее бровей и бегущие по ложбинкам возле носа и, скатившись с подбородка, ныряющие под платье.

Автобуса долго не было. Люди устали ждать и побежали к подъезжающему трамваю. А Лера все стояла и чего-то ждала. Вдруг прямо возле ее ног остановился автобус, и дверца любезно отворилась, словно приглашая войти. И она ступила на подножку.

В салоне не было народа, на первых сиденьях автобуса восседали двое парней, которые, развалившись, улыбались вошедшей девушке во весь рот:

– Куда поедем, красавица? – вкрадчиво сказал один из них.

Внезапно сердце ухнуло и провалилось в желудок. Ноги рванули обратно, назад, на родную землю. Но дверца захлопнулась прямо перед носом у Леры. «Надо успокоиться, не показывать, что я беспокоюсь, да что там – попросту боюсь». И как всегда при подобных обстоятельствах, подкралось отчаяние, мелькнула мысль: «Все. Попала. Теперь пан или пропал!» Пожалуй, не избежать неприятностей, подумала она, усмехнулась такому мягкому определению того, что с ней сейчас может произойти.

И девушка плавно обернулась, смело поглядела в лица парней:

– Прямо поедем.

– Угу! – удивленно хохотнули они.

– Не «угу», а поезжай прямо, – она спокойно уселась на соседнее сиденье и уставилась в лобовое окно.

– Поезжай прямо, заедем за горячительным, – скомандовал низенький щетинистый парень, которого остальные, в том числе и тот, что сидел за рулем, называли Паном. Потом повернулся к Лере:

– Ты водку пьешь? – и, заметив, что Лера напряженно молчит, довольно хмыкнул. – А теперь я расскажу тебе анекдот.

Он пересел на сиденье рядом с Лерой, прислонился к ее уху и громким шепотом дал волю своему воображению относительно того, что в ближайшем будущем ожидало Леру, после этого громко рассмеялся, разевая во всю ширь воняющий табаком рот.

Лера молча смотрела прямо перед собой. Автобус остановился, дверь отворилась, со ступенек скатился тот, что был за рулем и бросился к стеклянной витрине, на которой были выставлены бутылки с вином. Через некоторое время он вернулся, отдал купленную водку Пану и снова уселся на водительское место.

Пан налил полный стакан водки и протянул Лере: «Пей!». Она взяла емкость в руки. Что делать? Пить или не пить? Она усмехнулась. Знал бы Гамлет, с какими проблемами нам, живущим сегодня, приходится сталкиваться. Если она откажется выпить, они ей вольют эту противную жидкость насильно. А если выпьет, то опьянеет, и с ней можно будет делать все что угодно. А если...? И она выдохнула из себя воздух и поднесла стакан ко рту.

Выпив, она краем глаза взглянула за окно. Ага, они свернули с маршрута и направляются в парк, что совсем недалеко от ее дома. Отлично! Дура, что отлично? Ведь

критический момент приближается, а у нее, кажется, отказывают ноги, и язык заплетается: она даже не может связно ответить на их примитивные словоблудия.

Автобус остановился в самом глухом уголке автобусного парка, водитель заглушил мотор. Лера огляделась: поблизости нет ни одной машины, не говоря уж о людях, в метрах в десяти решетчатая железная ограда. Вот попала! Что делать? Разбить стекло? Пожалуй...

Тем временем Пан подошел вплотную, протянул руки к ее груди.

Лера пьяно встrepенулась, взмахнула руками:

– Только посмей!

– Что? – презрительно протянул Пан, повалил ее на сиденье, и навалился на нее всем своим телом. Затылком ощутив тепло кожаного сиденья, Лера напряглась, вытянула вперед руки, и согнутыми в коленях ногами отбросила нападавшего от себя. Он повалился назад, ударился о спинку сиденья. Глаза его в бешенстве засверкали, и он заорал:

– А ну, ложись!

Пока он поднимался, Лера тем временем вскочила и оказалась напротив озверевшего насильника. Он снова толкнул ее, она схватилась за поручни, покачнулась, но устояла. В душе ее поднялась такая злость, что казалось, сейчас она всех сокрушит на своем пути:

– И не подумаю! Ах ты, гад! Открывай сейчас же дверь, не то я здесь все разнесу!

Пан и не думал ее слушать, он в гневе толкал ее вглубь салона, но она уже шла на него, выбрасывая вперед руки, тем самым, пробивая себе дорогу к спасительной щели двери. И когда дверь уже была рядом, она крикнула

страшным даже для себя голосом в сторону сидевшего на своем месте водителя:

– Кому сказала, открывай дверь!

И он, привыкший подчиняться, послушно нажал на рычаг. Дверь открылась. Лера скатилась со ступенек и бросилась к забору. Куда я бегу? Там же забор! Расстояние между зеленками очень маленькое, там не пролезет даже ребенок! Но забор был уже рядом, а сзади она почувствовала чье-то дыхание. И она взялась за железные прутья ограды.... Оказавшись по другую сторону железного ограждения, Лера устремилась к общежитию. Ноги не слушались, и для того, чтобы бежать прямо, не шатаясь, ей приходилось делать над собой усилие.

Сейчас главное – оторваться от преследователя! И когда она будет дома.... Лера впервые поймала себя на мысли, что она подумала об общежитии, как о доме. Там же детские ползунки в ванной и Оленькин Леша.... Пусть они идут лесом! Я иду домой! И пусть только попробуют что-нибудь сказать!

Сытый голодного не разумеет

Однажды, возвращаясь домой в электричке, я устало и безучастно смотрела в окно. На одной из остановок в вагон вошли двое: маленькая хрупкая женщина, одетая в деревенский зипунчик, и с ней немолодой уже мужчина. Лицо женщины, видимо, от каждодневной работы в поле, сплошь было покрыто морщинками, ее натруженные руки, втащив в вагон тяжелую сумку, устало опустились на колени. Печать заботы и страданий лежала на ее лице. Она тихонько села в стороне и отрешенно уставилась на мелькающие за окном стволы деревьев.

Пожилой человек, одетый так же, по-простому, устроился рядом с ней. Он снял с плеча тяжелый рюкзак, поставил его перед собой и участливо обратился к женщине:

– Ну, как живешь, Анна?

– Да ничего хорошего, Василий Афанасьевич. Овощи закончились, мука тоже, одна надежда на картошку, да на Буренку. Картошки еще на месяц хватит, а там... По миру пойдем.

– А что, денег так и не платят?

– Да где там? В прошлый месяц соломой заплатили, а еще раньше мясом. Бьют скотину, бьют. От фермы одни стены остались. Всю крышу по дворам растащили.

– У тебя ведь взрослая дочь, вроде. Что же она не помогает?

– Ей самой помощь требуется. Устроилась в школу учительницей начальных классов, но платят гроши – тысячу рублей в месяц.

Наискосок от меня расположился крепкий человек лет шестидесяти пяти. Руками он держал саквояж, на колесах, которые без усталости скрипели в такт двигающейся электричке. Сидел он один, развалившись на сидении, и, вытянув вперед ноги, хитро посматривал по сторонам и... жевал жвачку. Услышав последние слова женщины, он повернулся всем корпусом к говорившей и грубо произнес:

– Слушай, что ты врешь? Сейчас ни один учитель таких грошей не получает. Тоже мне, и слушателя нашла.

Женщина в замешательстве замолчала, потом махнула рукой и притихла.

– Мы ведь не с вами разговариваем, – вступился за нее ее собеседник и, повернувшись к умолкнувшей женщине, продолжил свои расспросы.

– Как же так, Анна? Неужто другой работы нет?

– Да какая на селе работа? Только в поле, на уборке, да на скотоферме – за молодняком присматривать. Дочка ведь не совсем здорова. Жалею ее. Ну вот, получит эти тысячу рублей, сидит и ревет над ними. А дома муж, сын...

– Да что ты все врешь-то! – подпрыгнул седой человек и перестал на время жевать жвачку. – Кто сегодня такую зарплату получает? А ты чего уши-то развесил?

– Слушайте, я вас предупреждаю, – с нажимом начал теряющий терпение пассажир с рюкзаком, которого тетка Анна уважительно называла Василием Афанасьевичем. – Мы разговариваем не с вами. Прошу это запомнить и больше не встречать... Ну, и что же дальше? – немного успокоившись, обратился он опять к женщине.

– Вот и сидят вместе, эту сумму по кучкам раскладывают. Это на летние тапочки Петьке, а это на масло, на соль...

– Ну и врунья, – опять встрепенулся Седой. – Где это видано, чтобы преподаватель в школе получала такую сумму. Даже я... пенсию около пяти тысяч получаю.

После этих слов лицо Василия Афанасьевича начало багроветь, и он, едва сдерживаясь, проговорил:

– Ну, это другое дело. Теперь все понятно. А я-то думаю, чего ему надо? Все встречается и встречается. Ты, небось, морду-то на казенных харчах отъел, в штабах при генералах служил, людьми распорядился. Или того хуже: в ГПУ в свое время с людей шкуру сдирал, а потом вывернулся и... вот он, голубчик, свеженький, как огурчик... Руки-то сроду крестьянской работы не видали, все бумажки с места на место перекладывали.

– Василий Афанасьевич, да Бог с ним. Ну, его. Не наше это дело. Мы с тобой на земле родились, земля – наша забота. А что там еще – не нашего ума дело.

– Нет, ты погоди, Анна... Ишь, сытенький такой, кругленький, лицо от жира так и лоснится. И пузо растет. А руки-то – белее снега. И туда же, распоряжается, кому, что говорить надобно.

Седой, отвернувшись от них, сидел с довольным видом, улыбался и посматривал за окно, где из-за леса показались добротные дачные дома. Вот он взялся за свою сумку, она со скрипом покатила за хозяином в тамбур. Электричка остановилась, Седой вышел на перрон и пошел по направлению к двухэтажному особняку, на ходу дожевывая жвачку.

© Елена Арапова, 2003г

«Достанет «перо» и...»

Тихим екатеринбургским летним вечером, уставшая от многочасовых вечерних лекций, я возвращалась домой. Есть-то как хочется! Ну, ничего. На дне сумки лежит хвост селедки, сейчас приду домой, сниму туфли, отрежу ломтик, положу в рот. О-о-о! Вкуснятина!

Осталось завернуть за угол, пройти по безлюдному месту, и – вот она, проезжая часть, прямо за которой находится мой дом. Вдруг слышу за своей спиной тихие шаги. Не поднимая глаз, повернула голову и увидела мужские пыльные ботинки и черные брюки. С досадой подумала: «Как же так получилось, что я не услышала его приближения раньше? Терпеть не могу, когда кто-то стоит или идет за моей спиной!».

В следующее мгновение ощутила его тяжелое дыхание на своем затылке, последовал сильный толчок в бок. Я повалилась на куст, в крапиву. Падая, почувствовала, что портфель ускользает из моих рук и переходит в руки грабителя. Я быстро вскочила и приготовилась драться. Но вор уже «утекал» от меня по безлюдной узкой аллее. Я бросилась за ним. Вот когда я пожалела о своих высоких каблуках и застежках на туфлях, иначе можно было бы просто сбросить обувь с ног! Но нельзя терять ни секунды, нужно догонять. Догоню, а дальше – что? Место безлюдное. Достанет «перо» и... Но ноги не останавливались.

Я добежала до конца аллеи и уперлась в железный сетчатый забор, огораживающий строящееся здание. Никого. Вдоль забора тянется узкая тропа, которая чуть дальше расходится в разные стороны. Причем, с одной стороны тропа сразу же заворачивает за куст, а с другой она продолжится, и по ней идут две девочки. Сознание

подсказывало мне, что грабитель нырнул за куст, но... чувство самосохранения заставило обратиться к девочкам. Они сразу же поняли, что попали в интересную историю и, чтобы как-то поучаствовать в ней, сделали большие глаза и глубокомысленно отвечали на вопросы.

Тем временем из-за акации выскочил молодой человек и с готовностью бросился ко мне: «Что случилось?». Я с подозрением оглядела его: не прошло и десяти секунд, как за этот куст забежал парень с портфелем. Но девочки в голос утверждали, что он убежал совсем в другую сторону – к остановке. Не теряя времени, я бросилась в ближайшее отделение милиции. Шутка ли: в портфеле, кроме книг и конспектов, находились документы, деньги и связка ключей.

Обогнув просторный сквер, я вбежала в ворота, где в пятиэтажном здании находится Верх-Исетское отделение милиции. Дежурный по розыску, увидев мои квадратные глаза, тут же с участием обратился ко мне, а дежурный по отделению, капитан, передал в эфир приметы преступника.

Но вот по ту сторону большого стекла, отделяющего дежурную часть от остального мира, показался человек в офицерской фуражке и последовал к двери, туда, где мы все трое находились. Полковник! Все встали. Обговорив свои дела, он обернулся ко мне: «А что у вас?» – и, выслушав, промолвил: «Поехали. Да-да, на место происшествия». Это был начальник Верх-Исетского отделения милиции Николай Федорович Лукьянов. Все вокруг завертелось с необычайной быстротой: следом за нами выехал наряд, по рации постоянно передавали приметы преступника, понятые по просьбе милицейских работников подписывали акт осмотра места происшествия, офицеры уголовного розыска вели опросы вероятных

свидетелей, в дежурную часть подвозили подозреваемых. А Николай Федорович поторапливал: «Быстрее, ребята. Он не мог далеко уйти».

И пока они работали, я сидела в кабинете у следователя и, успев дать показания, выдвигала версии. Удивительно: мысли были ясными, речь четкой, нервы натянуты, как струна. Но тут в комнату заглянул капитан дежурной части, Сережа, как его по дружески называли товарищи в штатском, и как бы между прочим заметил, что портфель... нашли. И тут из моих глаз выкатилась слеза.

Портфель мне отдали не сразу. Вначале с большим обхождением, соблюдая этикет, сняли у меня отпечатки пальцев, чтоб отличить их от пальцев преступника. Вор довольствовался семью рублями мелочью и флаконом дезодоранта, все остальное было на месте.

Успокоенная, я сидела в дежурной части и внимала всему, что творилось вокруг. Сережа сидел за стойкой и принимал сообщения. Вот он встал: «Ребята, у нас – жуть. Разбой и лужа крови. Наряд, на выезд!». Минут через десять поступило сообщение, что заминировали городскую больницу. По комнате задвигались люди в камуфляжной форме, защелкали затворами автоматов. Появился майор, взял в руки микрофон и произнес: «Всем, всем, всем! Нарядам пешим и «конным»! Срочно прибыть к горбольнице №...! Кто-то громко хохотнул: «А «наверху» до сих пор всерьез говорят о сокращении милицейского состава».

Было около полуночи, когда мы на милицейской машине подъехали к моему дому. Вспоминая тех ребят, с которыми я сегодня «провела вечер», мысленно пожелала им «спокойной ночи». Если бы это было возможно...

@Елена Арапова, 2001г.

Одиночество вдвоем

Высокий грузный мужчина едва втиснулся за руль машины – мешал живот. Рядом с ним присела симпатичная стройная женщина и угрюмо уставилась прямо перед собой. Наконец, вместившись в салон, он откинулся в кресле и включил зажигание.

Машина понеслась по зимним улицам в направлении междугородней трассы. Ехали молча. На его лице плавала довольная улыбка. Он думал:

«Ничего, голубушка. Привыкай! Ишь, надулась. Кажись, первый раз за последние десять лет вместе едем на базар. И сейчас уже не она, а я буду расплачиваться с торговцами. А она будет ходить рядом и просить: «Гоша, погоди-ка. Вот хорошая вещь. Купи». Много лет подряд я носил деньги в дом. Так было до тех пор, пока кто-то из мужиков не надоумил меня: «Да ты-то кто такой? Ты чо, сам не умеешь распорядиться собственными деньгами?» Правильно! Это мои деньги, я их заработал. Так что извини-подвинься. А ты побегай, попроси.

А поначалу, сколько было форсу! И плакала, и убеждала, и детей при этом приплела. Сколько ни форси – есть-то все равно хочется. Тем более если ребенок рядом кричит: «Мама, есть хочу!» Ничего, прибежала. Правда, для того, чтобы сообщить, что подает на алименты. Ну, на эти деньги ты все равно не проживешь. А на работу тебя, голубушка, все равно никто не возьмет – больная. С виду вроде ничего, а внутри... Прими тебя, ты с ходу на больничный уйдешь. Работничек из тебя... Вот и получается, что привязана ты ко мне крепкой нитью. Никуда не денешься. И просить будешь и клянчить. А я еще поломаюсь».

Он покосился на молчаливо сидевшую рядом женщину. Лицо ее было непроницаемо. Она смотрела вперед на дорогу, изредка переводя взгляд на убегающие вдаль деревья. В голове теснились мысли:

«Боже мой! И с этим человеком я прожила лучшие годы своей жизни. С человеком, для которого главная ценность в жизни – деньги... Как его распирает от самодовольства! Как я зла на себя за свою беспомощность, за то, что не могу уйти от него. Потому что не одна. Со мною дети, и я не хочу, чтобы они из-за этого моего поступка пошли по миру. Возле него им хоть что-то достанется. Еще несколько годков потерпеть, поднять детей и тогда...»

Машина остановилась у вещевого рынка.

Они вышли из салона и втиснулись в тесные ряды. Он энергично покрикивал на впереди идущих, она понуро следовала за ним. Вот он остановился возле лотка, и, пальцем ощупывая трикотажные брюки, спросил: «Почем?» Услышав цену, оттопырил губу и стал придирчиво растирать ткань, затем приподнял брюки с лотка, приблизил к лицу.

Тень презрения промелькнула по лицу женщины: «Ты еще понюхай их и попробуй на вкус», – брезгливо подумала она. Он продолжал торговаться: «Сбрось двадцатку – возьму. А нет – до свидания». Промерзшая на морозе торговка с досадой махнула рукой: «Ладно... Все нынче крутые, так и норовят урвать себе кусок».

– Не бери в голову, мать. Это рынок. Кто кого обманет..., – и Гоша с деловитым видом достал из внутреннего кармана толстый кошелек, и, медленно приоткрыв рот, стал отсчитывать купюры.

Под его носом зависла зеленоватая сосулька. Женщине было лень сказать ему об этом.

Дружная семейка

Надежда

«Как забавно складывается наша с дочкой жизнь: обе мы свободны и обе на выданье. Как бы не получилось так, что я первая выйду замуж. Ведь вот сейчас я еду в столицу на свидание, но и дочь тоже увязалась за мной. Говорит, что в городе ей надо походить по магазинам. Что ж не могу же я ей отказать. Люблю ведь...».

За окном пригородного автобуса, на котором Надежда Петровна и ее взрослая дочь Светлана добирались до Москвы, мелькали совхозные поля и дачные домики. Дорога петляла, и утреннее солнце, то светило женщинам прямо в глаза, отчего они их покорно закрывали, то, словно пытаясь пробиться сквозь темные очки водителя, в свою очередь ослепляло и его тоже.

«Дочь все удивляется: «Какая ты мама привередливая. Все тебе не по нраву в мужчинах, роешься в женихах, как...». А сама? Ведь знаю, что кто-кто, а уж она-то в дом любого не приведет. Ей нужно, чтобы он был такой... идеальный, что ли. Чтоб и поговорить с ним было о чем, и чтоб душа замирала от его прикосновений. Так и должно быть. Не то, что у тебя, Надежда, в твоей прошлой жизни».

И Надежда Петровна вспомнила, с каким нежеланием она ложилась в супружескую постель и всякий раз брезгливо морщилась, когда темная волосатая рука мужа начинала водить по неровностям ее тела. Она никак не могла понять, почему этот человек может запросто ласкать ее после того, как они в очередной раз поссорились. Получается, что ему совсем не важна та

немытая посуда, которая успела накопиться за время, пока она шила дочери платье, и из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Ему нужны только ее губы, грудь и то, чтобы она его в себя впустила. Этому человеку совсем неинтересно то, как ты сегодня себя чувствуешь, ему нет дела до твоих житейских переживаний и эмоций, которые переполняют тебя, когда ты перечитываешь Хемингуэя, ему все равно, что именно у тебя происходит на работе. Главное, чтобы вовремя были поставлены на стол блюда, постираны носки и поглажены брюки.

«Боже мой, страшно сказать: все это длилось более двадцати лет... Пока я, наконец, не поняла, что горбатого только могила исправит, но не я. Жизнь уже кончается, а я словно и не жила вовсе. Наконец-то я опомнилась и подала на развод».

Поначалу наслаждалась свободой, но... Со временем что-то изменилось, потому что... нет ничего хуже одиночества. С очередным претендентом познакомились по Интернету, указав при этом, что живут в Москве, хотя на самом деле их районный город находится в двадцати километрах от столицы. Объясняли они это тем, что, экономя дорогостоящее интернетовское время, сидя у монитора, просто нажали на окошечко с подсказкой города. И поскольку они живут в Московской области, они и щелкнули мышкой на Москве. Надежда Петровна считала, что потом, когда они уже воочию увидят человека, выбранного ими виртуально, станет совершенно ясно, стоит ли и дальше продолжать знакомство. Пока всякий раз получалось, что не стоит. Некоторые из мужчин, лишь только узнавали, что названные дамы живут не в Москве, тут же теряли к ним интерес. И таких, расчетливых, было большинство.

Ну, надо же. То ли мужики измельчали, то ли у нее у самой слишком завышенные требования. Некоторые из абонентов были до безобразия пассивны. Таким мужчинам даже разговаривать не хотелось, и поэтому ей, Надежде, приходилось самой принимать решения: куда пойти, что делать во время свидания, и даже что сказать. Подобных увальней она вычисляла с первого взгляда и называла их «растениями», требующих постоянного ухода. Такие мужчины не могут обходиться без твердой руки «мамочки», а нянькою она быть не собиралась.

Другие, наоборот, во время встречи не давали ей рта открыть и самозабвенно слушали... себя. При видимом фанатизме, в них ощущалась пустота. Надежда Петровна понимала, что этим «цицеронам» все равно, что по этому поводу думает она или кто-то другой. Возможно, они и сами не верят в то, что говорят, но главное, было ясно, что они любят и ценят только себя, и ни с чьим мнением никогда не будут считаться.

Она терпеть не могла одержимых людей. Однажды один из таких вот... пришел на встречу с дамой под ручку, оставил ее в сторонке, и тут же с места в карьер стал развивать перед Надеждой Петровной свою мысль... дальше. До этого момента его речь, видимо, приходилось выслушивать той даме, которая теперь отдыхала в сторонке. «Очевидно, он считал себя наиумнейшим и очень удивился, когда я сумела-таки вставить слово в его тираду, чего он никак не ожидал услышать от откровенно симпатичной особы. Вообще, мужики почему-то считают, что если женщина привлекательна, то при этом обязательно дура».

И что такое происходит сегодня? То ли вокруг не осталось людей, которые бы умели вести диалог, то ли они

все уже окольцованы, то ли настолько заняты делом, и им некогда искать себе пару. «Может и в очередной раз я еду на свидание напрасно. Слова, написанные на бумаге, могут быть просто словами. При встрече может наступить разочарование, и... уж лучше бы мы никогда не виделись».

Но вот за окнами замелькали высотные здания большого города. Светлана поправила волосы и чему-то улыбнулась:

– Я выхожу здесь, – она поцеловала мать и двинулась к выходу:

«Наша дружная семейка сегодня в полном составе отправилась на свидание. Мама пока не знает, что сейчас я тоже пойду на встречу с молодым человеком. Бедная мама, она уже устала от постоянных разочарований, ей не хватало еще и моих проблем».

Конечно, было бы гораздо лучше, если бы она, Света, повстречала человека старше себя лет на десять, потому что парни ее возраста совсем неприспособлены к семейной жизни. В них во всех сидит какой-то червь и точит, точит... Они все какие-то беспомощные. Такое впечатление, что они бултыхаются в жизни как в проруби, в которую их выплеснули разного рода обстоятельства, и теперь они и сами готовы ухватиться за любую соломинку, будь то женщина постарше или некрасивая дочка состоятельного человека, а именно такого, который помог бы будущему зятю подняться на ноги. В таких условиях семью можно только сострять, но не создать. Именно этого и не хотелось... И мама одобряла такой подход.

Сегодня она идет на встречу к своему ровеснику, которому тоже около тридцати лет, и неизвестно, каким образом ее мать отреагировала бы на это известие,

поэтому Света до поры до времени держала этот факт в секрете.

«Такое прекрасное чувство как любовь постепенно уходит из нашей жизни. А что остается? Только секс и холодный расчет. И если это действительно случится, то скоро незачем станет жить. Ведь именно любовь является великой мобилизующей силой», – думала Надежда Петровна, слегка покачивая головой в такт движущемуся автобусу.

Некоторые абоненты службы знакомств вообще выводили ее из себя. Они просто регистрировались на сайте, назвав свой возраст и дату рождения, пробегали по списку взглядом, выискивали понравившихся им женщин, подмигивали им и предлагали встретиться. При этом не сообщали о себе ни слова, и даже не думали прикладывать к анкете свою фотографию. По их мнению, женщина должна быть довольна и тем, что ей предложили встретиться. Она все равно дура, поэтому пусть летит на встречу как мотылек на свет. А там уже дело техники... Им совсем неважно, что после очередной встречи женщина будет ругать себя за поспешность, ведь в ее представлении ее избранник никак не может быть таким вот натуральным уродом. По крайней мере, в это очень хотелось верить.

Игорь

Игорь Николаевич отошел от плиты, поставил на стол сковородку с яичницей и крикнул в глубину комнаты:

– Эй, Сашка, давай быстрее! Я тороплюсь.

В проеме двери показался загадочно улыбающийся, высокий, красивый парень, который с изумлением произнес:

– Куда это ты в такую рань? – И, не услышав ответа, продолжил:

– По ящику идет повторение твоей любимой аналитической передачи, а ты тут на кухне колдуешь.

– Могу уступить место и отдать... фартук.

– Нет уж, не надо, – пробормотал сын, дожевывая кусок. – Спасибо, пап. Ну, я пошел.

Игорь Николаевич приподнял бровь:

– Далеко?

– Отсюда не видать... Жди к вечеру, – крикнул Сашка уже с лестничной площадки.

«Постреленок... Большой стал. Жаль, мать этого не видит. Скоро десять лет, как она умерла. Да и... Такому парню, пожалуй, мать уже не нужна. Почти...». Так почему же он, Игорь Николаевич, до сих пор ищет женщину? Ведь без нее гораздо лучше. Как говорил герой «Иронии судьбы»: «Никто не будет мелькать перед глазами». Почему бы и нет? Допустим, встретились на нейтральной территории, пообщались и... разошлись как в море корабли. Наверно, он боится одиночества. Ведь Сашка скоро уезжает за границу, а он, отец, останется здесь один. А одному жить очень непросто... Душа требует тепла.

Игорь Николаевич сложил посуду в раковину, скинул с себя фартук, затем поспешил к вешалке, сдернул с нее плащ и отворил входную дверь.

Пожалуй, зря он не взял с собой зонтик. На улице уже который день не прекращается моросящий дождь, словно и не лето за окном, а глубокая осень. Наверно, не следовало назначать свидание в сквере. Нужно было это сделать в помещении. Ведь она женщина, и это значит, что дождь может уничтожить всю ее «нарисованную» красоту. Ладно, не усмехайся, а пожалей бедных женщин, которые

всегда стараются быть на высоте, соответствовать моменту и прочее, прочее... Они просто хотят нравиться нам, мужчинам. И это похвально.

И Игорь Николаевич представил себе, в каком виде сегодня предстанет перед ним очередная дама. Видимо, в натуральном: ни краски, ни кудрей, ни форсу, ни мажору... Что ж, даже лучше: у нее не будет преимуществ. Ведь красота всегда обезоруживает.

До сих пор сценарии этих встреч всегда повторялись. Обычно она, уверенная в своей неотразимости, сходу начинала кокетничать и жеманно улыбаться. Через полчаса его тянуло в сон, и он едва сдерживал зевоту. За это время он успевал понять о ней все. Ей нужен не он и его сын, а их прописка, иногда оказывалось, что и его зарплата. Уж слишком заинтересованно и даже алчно у нее блестели глаза, когда он об этом говорил. Встречались, правда, и женщины другого склада, так называемые, умницы. Но стоило ему представить эту даму в его домашнем фартуке, ему тут же хотелось поскорее с нею распрощаться.

Вот и сквер на набережной, где он назначил встречу. Густой туман парил в воздухе и плыл над рекой, зависал в листве деревьев и высокой траве, которую в это лето не успевали вовремя скашивать.

Игорь Николаевич встал под мощным кленом и приготовился ждать, предвкушая, как она придет, и будет перетаптываться на месте, пока он не решит для себя, выходить ли вообще к ней из своего укрытия. И он согнул ветку, наблюдая за передвигающимися вдоль аллеи женщинами.

– Игорь Николаевич, – прозвучало сзади.

Он вздрогнул: голос был очень приятным. Обернулся: перед ним стояла стройная женщина в кепочке и очках, на стеклах которых блестели капельки дождя.

– Да? – Вопросительно и несколько растерянно пробормотал он.

– Здравствуйте, я Надежда Петровна.

При взгляде на подошедшую женщину глаза Игоря Николаевича сразу погрустнели. «Что и требовалось доказать», – подумал он и предложил ей руку. Они молча двинулись в сторону моста.

«Однако, как хорошо, оказывается, молчать, находясь рядом с этой женщиной», – неожиданно для себя вдруг подумал Игорь Николаевич:

– Давайте зайдём в кафе, – наконец сказал он.

– Давайте, – сказала она, и произнесла это просто, ничуть не жеманясь.

– Вам, наверно, нужно сразу же пройти в женскую комнату?

– Да, – согласилась она.

Он прошёл за столик, сделал заказ и стал смотреть в окно на мокрую мостовую.

– Вот и я!

Он поднял глаза: перед ним стояла шикарная женщина, красавица, которая совсем недавно называла себя Надеждой Петровной. Ни кепки, ни очков на ней в сей момент уже, разумеется, не было, а были... густые волнистые волосы и глубокие умные глаза, и, что интересно, без всякой подводки!

Игорь Николаевич вскочил с места и в смущении подвинул ей стул. Она видела его растерянность, снисходительно молчала, понимая, что необходимо дать

ему какое-то время для того, чтобы он окончательно пришел в себя, и поэтому смиренно позволяла за собой ухаживать.

– Я уже сделал заказ... Прошу прощения, что не дождался вас.

– Отлично. Если вы о моих вкусах, то я не привередлива.

– Как вы смотрите на блюда из рыбы?

– Это моя самая любимая еда.

– В русском языке именно с рыбой связаны многие поговорки. «Как рыба в воде» – это про меня сейчас. «Как уж на сковородке» – это про меня совсем недавно.

– Но уж – это змея.

– Разве?

Они весело рассмеялись. Вдруг Надежда Петровна улыбнулась кончиками губ и в раздумье произнесла:

– Я должна сразу же предупредить вас, что проживаю не в Москве, а в области. Нужно, чтоб вы были в курсе. Я шла на встречу с вами, потому что мне интересны вы, а не ваша жилплощадь, о чем вы сейчас подумали.

– Да... Нет... Да... Подумал, – вдруг утвердительно и жестко сказал он и резко отодвинул от себя тарелку. Она испытующе посмотрела на него, медленно поднялась:

– Ну, тогда, прощайте.

– Прощайте, – буркнул он.

Надежда Петровна стремительно двинулась к выходу из зала, подошла к гардеробу за плащом и, не застегиваясь, выскочила из кафе.

Она почти бежала по улице, ливень хлестал по ее мокрому лицу, которое и без дождя было отчего-то влажным.

«Ну не дурак ли я?», – Игорь Николаевич уставился в стоящую перед ним тарелку, которая манила к себе поджаристой корочкой леща. – Надо ее догнать.

И он ринулся за ней.

У памятника Пушкину

Несмотря на ненастный день, возле памятника Пушкину было многолюдно, и в ожидании своей возлюбленной с букетами цветов прогуливались три парня. Вот к одному из них подошла девушка, и они вместе направились к стоящей неподалеку скамейке. Остальные двое, сходу «вычислив» друг друга, понимающе переглянулись, посмотрели на часы и переложили цветы из руки в руку.

Светлана несмело подошла к назначенному месту, когда оба парня стояли к ней спиной, и негромко позвала своего избранника по имени. Один из них оглянулся, смущенно ткнул букет девушке в лицо, и они неторопливо побрели вдоль улицы.

«Какое хорошее у него выражение лица: открытая, ласковая улыбка, спокойные глаза, задушевный голос! Такое впечатление, что мы с ним давно знакомы и, беседуя с ним, ничего особенного придумывать не надо. Слова откуда-то берутся сами. Вот так бы и шел по Москве, лишь бы его локоть был рядом».

Загадочно улыбнувшись, Света предложила своему спутнику пойти на выставку картин. И вот они уже подходят к галерее, а она еще не выяснила, по нраву ли ему изобразительное искусство вообще:

– Любите ли вы живопись?

– Как сказать... Не то чтобы люблю, но, вроде, Айвазовского с Шишкиным не спутаю.

– Это уже что-то, – засмеялась девушка.

Они вошли в просторный зал, где на стенах были развешаны картины современных художников. Светлана остановилась возле одной из них, на которой выделялись хаотично расположенные бесформенные фигуры.

– Фу, что это такое? – Не выдержал «красивый, ласковый» парень.

– Таким автор видит мир, – попробовала объяснить Светлана.

– Чушь. По-моему он просто не умеет рисовать. Наляпал черт те что, обозвал это свое произведение искусством, а уже потом стал подводить под содеянное собственную теорию.

– Зачем же так резко...

– Я по-другому не умею... Вот сравните эту мазню, ну, хотя бы с соседней картиной. Это действительно искусство. Посмотрите: туман, солнце, которое словно запуталось в ветвях деревьев, капельки дождя, повисшие в воздухе... Интересно, кто автор? Светлана Антонова... Светлана? – И парень вопросительно уставился на свою подругу.

Выходной день подходил к концу. «Скоро вечер. Так не хочется расставаться», – думала Света, сидя в вагоне метро, следовавшего на железнодорожный вокзал. Мысли путались. Казалось, что они что-то не договорили, не выяснили. А время идет... Они вышли из подземки и поспешили к поезду. Миновали перрон. Зашли в вагон электрички... Светлана напряженно уставилась в пол,

соображая, что же интересно нужно сказать парню, которого она, кажется, полюбила.

Вдруг рядом она услышала удивленный возглас:

– Папа? Ты что здесь делаешь?

И Саша, а это был он, одной рукой придерживая Светлану, другой ухватился за чью-то падающую сумку, которая, словно испугавшись окрика, в нерешительности покачнулась и полетела с багажной полки вниз.

Перед ними в вагоне пригородной электрички, обнявшись, сидели Надежда Петровна и Игорь Николаевич и, утомленные каким-то внутренним счастьем, смотрели на своих детей.

©Елена Арапова

*Все герои и события вымышленные,
любые совпадения случайны*

Верхнегорские тайны (Приключенческая повесть)

Первый взгляд... на объект

Да, не соврал заказчик, и впрямь неплохое местечко, этот Верхнегорск. Вон какой великолепный вид открывается с горы. По обе стороны реки поднимаются горы, там, вдали, у горизонта – синие, а с этой – зеленовато-голубые. Кое-где сказочные, пушистые, напоминающие тропические лесистые холмы, а кое-где ершистые, словно причесанные редким гигантским гребнем. Ну, конечно, это сосновый бор! Что же еще-то.

Дорога, ведущая в город, пролегла по склону гор, и ему, сидящему за рулем машины, показалось, что он очутился не в Уральском районном городке, а в окрестностях Сочи: только там, по его мнению, горы располагались так близко друг к другу.

Хорошо было тогда в Сочи, после выполнения первого задания, пока... Хмырь его не вычислил. Как же – живой свидетель, мало того – исполнитель. Еле ноги тогда унес. Черт бы его побрал. Получается, что расслабился я тогда на лоно природы и не заметил, как запахло жареным. Нельзя расслабляться. Красота – это не что иное, как тошнотворная романтика.

Помню, как маман – яркий пример сентиментальной дуры, все паялилась в свои слезоточивые сериалы и не забывала при этом угощать своих чад скалкой, если кто-то из них вдруг вознамерится попросить

у нее хлеба. Древние римляне, зная-то требовали: «Хлеба и зрелищ!» А ей одних зрелищ было достаточно. До поздней ночи сидела у телевизора и не откликалась на наше с Сашкой «Есть хочу!». Как загипнотизированная.

Это случилось с нею после того, как отец ушел. Вначале она просто выла, потом села у телевизора и стала выть согласно сценарию.... После того как брат Сашка утонул, потому что дурак – на спор решил переплыть огромный пруд, она и вовсе ошалела от горя. Подобрала где-то пьяного ублюдка и... началось. Пьяные драки, разборки. Говорит, это я его пожалела. Сашку, видите ли, он ей напомнил. Дура!

Так что с тех пор самому пришлось стать добытчиком. Голод не тетка, он – хуже матери. Хорошо еще, что Хмырь тогда не отказал, принял в свою бригаду. Но, оказалось, что и Хмырь – не отец родной. Использовал и захотел сдать в утиль. Не вышло. Не на такого напал. Долго пришлось замечать следы. Но теперь и самого Хмыря в расход пустили. Теперь можно вздохнуть свободно и вновь принимать заказы. Одно не дает покоя: после того, как заказ выполню, снова придется пуститься в бега. Или на этот раз обойдется?

И Хрящ остановил машину у здания музея.

Рассказ о сокровищах

– Когда вы ехали сюда, в музей, на автобусе, то не могли не заметить на въезде в город стоящего на пригорке Демидовского господского дома. Это совсем недалеко отсюда, – воодушевленно говорила экскурсовод Виктория Николаевна, высокая, стройная женщина, радостно-

восторженный вид которой никак не вязался с ее имиджем деловой дамы в классически строгом костюме:

– У этого дома есть тайна. Говорят, что под ним проложены подземные ходы и, по мнению автора книги «Тайны уральских подземелий» Всеволода Слукина, в одном из ходов акустическими приборами были обнаружены два предмета, каждый из которых может быть...сундуком. Возможно, эти сундуки оставили хозяева в надежде на то, что когда-нибудь они вернуться сюда, но, возможно, и кто-то другой, также знающий о ходах. А что всегда хранится в старинных сундуках? Правильно! Сокровища!

Школьники загалдели, проталкиваясь к висящей на стене схеме предположительных подземных ходов, словно надеялись воочию увидеть кованный, старинный сундук, и, добравшись, наконец, до него, откинуть его крышку и моментально зажмуриться от ослепительного блеска почти триста лет хранящихся в нем бриллиантов.

– А почему их оттуда до сих пор не достали? – опередил всех с вопросом толстогубый семиклассник в очках.

– Да потому, что вход в подземелье засыпан, там обвал и входить туда не разрешается во избежание новых обрушений.

– А может быть есть другой вход? Или выход? Ведь все ходы куда-нибудь да ведут – спросила длинноногая девчонка, одетая в добротные джинсы.

– Да, правильно, есть. Находится этот вход на территории старого завода. По мнению профессора Слукина, под домом расположены целые галереи, которые ведут во все стороны света. Не мудрено запутаться.

– А карта на что? – заметил толстогубый очкарик.

– Мудрые вы мои..., – Виктория Николаевна засмеялась и, приобняв длинноногую девчонку за плечи, обошла стоявшего поблизости от настенной карты коренастого мужчину в темных очках и подвела ее к следующему музейному экспонату, тем самым призвав остальных экскурсантов следовать за ней.

Заботы, лишённые романтики

Сегодня Виктория Николаевна вышла из здания музея немного раньше окончания смены. Просто ей не хотелось возвращаться домой с Игорем Михайловичем, директором мебельной фабрики, которому, видимо, доставляло удовольствие идти рядом с ней через весь город и вести глубокомысленные беседы. При этом всегда говорил он, а она слушала, иногда выражала несогласие, но он упрямо стоял на своем, чем раздражал ее ужасно.

Теперь вот привязался к господскому дому, твердит, что нет там никаких тайных ходов, что специалисты, проверявшие акустическими приборами территорию вокруг господского дома, намеренно ошибаются, а Слукин..., так он и вовсе мечтатель, ему везде мерещатся подземные ходы, он даже книжку написал об этом. Никаких ходов там нет, а есть карстовые коридоры. Специалистов вызывали из Свердловска потому, что из пруда стала уходить вода. А уходила она по такому вот карстовому коридору.

И, главное, что возмутительно, говорил он это, снисходительно усмехаясь. Посмотрите на меня, какой я умный, и не верьте никаким фантастическим бредням разного рода мечтателей. Фу ты, упертый какой! Ведь и

ежу понятно, что карстовые коридоры не могут сами по себе располагаться в виде правильного евангелического креста, а ходы исходить из одного места – из-под господского дома.

Виктория Николаевна, думая это, с видимым неудовольствием переложила портфель из одной руки в другую. Неужто Игорь Михайлович к ней равнодушен, или как это принято сейчас говорить – он на нее неровно дышит. Ведь неспроста он каждый день заходит к ней в музей и изводит нудными разговорами. А образование-то у него не выше среднего. Ясно, что всю эту беллетристику он черпает из статей в научных журналах, и это в небольшом провинциальном городке ценится на вес золота.

Виктории Николаевне просто необходимо было сегодня побыть одной, подумать о доме, о детях, о бывшем муже, который после развода продолжал жить в их общей квартире. Вспомнив о муже, она поморщилась, представляя как она сейчас зайдет в дом, и если он на кухне, ей придется пройти в свою комнату и сидеть там до той поры, пока он не освободит ей поле деятельности на общей квартирной площади – на кухне, где стояло два холодильника, делить которые оказалось проще простого: один – ей, другой – ему. Еще там стоял уголок мягкой мебели, стол, кухонная стенка и электрическая плита для приготовления пищи. И если стенку можно было разделить на две части, то стол и мягкую мебель можно было только разрезать или распилить. Это обстоятельство выводило ее мужа из себя, и во время очередной ссоры он бегал по квартире из угла в угол и кричал: «Тут все мое! Ничего не получишь!»

А в последнее время он очень много времени стал проводить на кухне, словно давая ей понять, что она со своими притязаниями на роль хозяйки вовсе таковой не является, а он примерный муж и заботливый отец, свое дело туго знает. Сейчас вот скоро будут готовы котлеты, а он их готовит гораздо лучше и вкуснее.

С ума сойти можно! Всю жизнь они с мужем только и делают, что соревнуются в чем-то: в том, кто из них является лучшим в воспитании детей, в экономии денег, в каких-то хозяйственных вопросах. Не жизнь, а сплошное перетягивание каната. И, что интересно, он по-другому не умеет. Ему все время нужно быть первым, при этом он от всей души презирает того, кто на данный момент является вторым. Ага, я тебя обошел, значит, ты ничтожество и тряпка.... Всю жизнь как на фронте.

Виктория Николаевна наморщила лоб, вспоминая рекомендации из умных психологических книг, которые она стала покупать специально, чтобы как-то выйти из этой затянувшейся войны. Ну, нет такого психологического типа в учебнике по психологии. Хоть тресни!

Она опасливо открыла дверь в квартиру и облегченно вздохнула: его не было, можно было расслабиться, сдернуть с себя одежду, принять душ, затем, если она поторопится, то первой займет кухню. А это все равно, что удачно провести вечер. Дети будут нормально накормлены супом, а не бутербродами с колбасой. Пусть сам их ест!

Во время ужина они втроем обсудят проблемы детей – на работе и в школе.... Совсем даже неплохо, что у ее детей большая разница в возрасте. Дочь уже работает, а сын учится в школе. Может, из-за этой разницы они и любят друг друга. Дочка смотрит на брата с высоты своего

возраста, а братик... Тут Виктория Николаевна прыснула и додумала свою мысль: «А братик – с высоты своего роста. Подумать только, в свои 15 лет имеет рост около двух метров!»

– Мам, это ты пришла? – услышался из комнаты тоненький голосок дочери.

– Да. Сейчас я приму душ и сготовлю обед, – сказала Виктория Николаевна, стягивая с ног босоножки.

– Звонил папа, сказал, что задерживается.

– Таня, мне все равно. Ты, случаем, не забыла, что мы с ним уже лет пять как разведены.

Молчание. Бедная девочка. Понятно, она до сих пор переживает, Но нужно как-то привыкать. Виктория Николаевна вздохнула и, пройдя на кухню, выложила из пакета творог, молоко, печенье.

«Задерживается...», – почему-то раздраженно подумала она, но тут же, словно отгоняя эти мысли, откинула волосы со лба. Значит, у нас впереди есть целый вечер. И она заставила себя думать о работе, о разговоре с ребятами, о тайных подземных ходах. Ясно, что разрешения спуститься туда они не получат. Но почему же стремление непременно побывать там так неотвязчиво?

«Это конец...»

Ничего себе домина! Видно, что не простой смертный здесь обитает. Можно понять претензии заказчика, какими бы они не были. И Хрящ криво усмехнулся.

Да, но откуда лучше всего это сделать? Надо подумать. Итак, что мы имеем? Улица, вдоль которой стоят частные дома, зачастую деревянные, одноэтажные.

А как укрыться от любопытных глаз? В палисаднике напротив дома? Пожалуй. Только надо узнать, есть ли у хозяев собака. Лишний шум ни к чему. И еще. В какое время просыпаются соседи? Судя по внешнему виду домов, все, кто живет поблизости от этого шикарного особняка, могут быть пенсионерами.

Некоторое время потоптавшись на месте, он нырнул в палисадник дома напротив.

Директор дорожного треста Василий Иванович Гусев прошел через крытый двор в сторону гаража. Настроение вот уже несколько месяцев было ни к черту, а все из-за того, что согласился участвовать в этой афере. И зачем этот ему было надо? Теперь вот не спи ночами, думай, где взять деньги, чтоб расплатиться с подельниками. А влетел он по-крупному. Могут и в суд подать...все равно ничего не получают. Моя Сонька все правильно сделала, вот умная баба! До этого бы даже я не допер. Додумалась, что будет лучше, если все имущество будет переписано на нее. Теперь и усадьба, и машина, и весь участок принадлежат ей. А с меня взять нечего, я гол как сокол. Ха-ха! Посмотрел бы я на физиономии тех братков, которые считают, что им все позволено. Гусев, покопавшись в моторе, закрыл капот, распахнул дверь гаража и аккуратно вывел из него машину на площадку перед домом, посмотрел на окна и, поразмыслив, выключил мотор. Он явно кого-то ждал.

Ничего не скажешь, Сонька у него – молодец. Не то что эта курица, его бывшая жена. Еще и заупрямилась, когда он предложил ей продать машину за долги. Забыла, что это на его деньги она была куплена. Но ничего...

Сонька, хитрая бестия, придумала еще и развестись с ним, с Гусяевым, чтобы те аферисты не вздумали влезть еще и в семейные дела. Ведь мог же он с ней развестись и переписать на нее все имущество? Вполне мог! Ну, умна! Однако что-то сегодня она задерживается.

От дома напротив навстречу стоявшей машине быстро продвигался человек, держа одну руку за пазухой. По мере его приближения глаза Гусяева расширялись. «Это конец», – только и успел подумать он.

Мысли по дороге на работу

А что если спуститься в подвалы тайно? Команда у меня есть, ключи раздобыть сумеем. Так. Надо подумать. В доме живут люди, и поэтому ни у кого не возникает вопросов, относительно того, когда мы войдем туда поодиночке. Там большие зигзагообразные коридоры, в которых как в лабиринте можно укрыться от посторонних глаз, выбрать момент и открыть дверь в подвал, а уже оттуда можно будет продвигаться по подземному ходу вперед. Вооружимся лопатами, благо сейчас пора огородной копки, поэтому их появление в доме с лопатами не вызовет подозрений.... Так, метр за метром и доберемся до этих двух неизвестных предметов. А что? Надо попробовать.

Виктория Николаевна прошла уже больше половины пути на работу, как ее догнал Игорь Михайлович. В иные дни, чтобы избежать встречи с ним, Виктории Николаевне необходимо было лететь пулей, а летать она умела только во сне. Впрочем, сегодня она была даже рада пообщаться с ним, послушать его

домашние новости и, шествуя по затемненным аллеям, порассуждать о всякой всячине.

Все-таки она, наверное, ошибается на его счет, потому что ей ужасно интересны беседы с ним. Всякий раз он начинал свою речь издали, так как подозревал, что собеседник едва ли знает предысторию того, что он сейчас собирается сообщить. Он глубокомысленно хмыкал или, если это происходило в помещении, поудобней устраивался на стуле и размеренно и важно говорил, перекидывая одну ногу на другую. Иногда его вера в дремучесть окружающих его людей ее веселила, иногда вызывала досаду, а иногда он сам смеялся над собой. Нет, не смотря ни на что, хороший все-таки у нее приятель. Но только ли приятель?

Издали послышался шум сирены. Мимо них промчался милицейский УАЗик и машина скорой помощи. «Что-то случилось», – почти бессознательно подумал каждый из них, но, немного погодя, они снова продолжили свой неторопливый разговор.

Может, это сделать официально? Гиблое дело. Начальство в ходы не верит, а это значит, что, раскрыв свои тайны, они закроют себе путь в подземелье.

Если бы у нее была подруга! Но подруг у нее не было. Все подруги... кончились еще во время учебы. Потому что были помешаны на одной всепоглощающей мысли: выйти замуж. А когда рядом была она, Вика, замужество не грозило никому. Как назло она была стройной, красивой, не интересовалась тряпками, а в голове – одна романтика. У нее был веселый, насмешливый взгляд, и она мечтала о дальних походах. Все окружающие ее девицы сразу вычеркивали ее из

списков потенциальных подруг, и тут же готовились к обороне. А когда понимали, что с ее стороны им ничего не грозит, сами бросались в атаку. Не сразу Вика научилась держать удар.... Зачастую приходилось зализывать раны.

Подруг нет, но зато есть взрослая дочь и уже подросший сын, которому она, Вика, является одновременно и матерью и подругой. И еще у нее есть друг. Но он далеко. Всем остальным жены уже давно сделали внушения, и теперь они сидят по своим норам и не высовываются.

Почему все считают, что не может быть дружбы между мужчиной и женщиной? Еще как может! Вика была в этом уверена. Ей ничего не надо было от тех мужчин, которых она считала своими друзьями, кроме понимания и взаимовыручки. Но они, мужчины, видимо, считали иначе. Им что-то было нужно. Известно, чего. Вика даже была благодарна их женам, что они оказались более убедительными в своем бессловесном споре. Увы, все мысли ниже пояса! Ну, да ладно. Бог с ними.

Этот ее друг не был женат, тоже был увлечен походами, и вроде бы Вика сумела его убедить в том, что нет ничего лучше, чем просто дружба, без каких-то там интимностей. Правда он живет в другом городе, но вскоре обещал сюда приехать.

По подземному коридору...

Для того чтобы пройти по подземелью или даже просто для того, чтобы спуститься туда, нужны фонари и еще... высокие сапоги. Мало ли что, вдруг там, в глубине, подземная река или заблудившиеся паводковые воды. А на что всё это купить? Зарплаты и на хлеб не хватает.

Постой-ка.... Нужно обратиться к старому школьному другу Михаилу. Он предприниматель, у него есть свободные деньги, он поможет. Решено.

Виктория Николаевна подошла к витрине с древними монетами, где уже достаточно долго перетапывался незнакомый молодой человек. «Надо помочь ему разобраться в коллекции, – подумала она, но тут услышала голос посетителя, рассказывающего о подземных ходах. Боясь что-то упустить, она развернулась и быстрым шагом подошла к группе людей, собравшихся в центре зала.

– Мамаля тогда работала в детском саду, который располагался в господском доме. Она мне говорила, что в подвале на двери, ведущей в подземелье, висит пудовый замок, к которому невозможно подобрать ключи. И спилить его никак нельзя. Но, говорят, что сразу за дверью – обвал. Пройти нельзя, копать дальше – тоже. Вот бы заглянуть туда! Помню, в детстве мы бегали по территории старого завода, и однажды наткнулись на прямоугольную плиту, буквально вросшую в землю. Мы прыгали на ней, разглядывали, пытались найти щелку, зазор между землей и самой плитой. Но тщетно. Ничего мы не нашли. Притащили лом, пытались приподнять плиту. Куда там!

У Виктории Николаевны снова учащенно забилося сердце. Так бывает всякий раз, когда она думает о господском доме. Прикосновение к тайнам господского дома. Прикосновение.... Хоть глазами, хоть ушами. При участии, когда рук, когда ног. Рук, когда жестом показывает в его сторону, беседуя с экскурсантами, и ног, когда подходит к нему сама.

Вот и сегодня она с трепетом приблизилась к дому, открыла входную дверь и стала медленно подниматься

вверх по фигурной лестнице на второй этаж. Площадка между этажами направлена в сторону стоявшего ранее завода. В окно видны только хилые стволы молодых лиственниц. Во времена Демидова этот дом был окружен трехгектарным лиственным парком и по его засыпанным дорожкам гуляли дамы и господа. Сейчас количество лиственниц можно пересчитать по пальцам. А с балкона, ранее находящегося в большой гостиной, а теперь вынесенного за черту занимаемых комнат и потому общедоступного, открывается вид на завод, где на поляне хаотично валяются фундаментные блоки, оставшиеся со времен существования завода.

А если спуститься туда, вниз, и взглянуть наверх, в сторону господского дома, взгляд вначале упрется в белую скалу, на которую вознесся дом, тоже белый. Говорят, много лет назад на территории Верхнегорска располагалось море, потом оно отступило. Виктории Николаевне всегда казалось, что когда это призрачное море отступало, не обошлось без бурь. Волны одна за другой выплескивались на берег, оставляя после себя белую пену, и последней волной был вынесен на берег этот пенистый домик и оставлен возвышающимся на такой же белой скале. Ранее он горделиво выделялся на скале, и это ему ничего не стоило, ведь рядом стояли убогие жилища заводских рабочих. Что поделаешь, все сильные мира сего уподобляли себя господе Богу и любили посматривать на простых смертных свысока. Сегодня дом словно сократился в размерах и, униженный, близоруко посматривал: летом из-за мохнатых, зимой из-за раскидистых лиственниц на хозяев и гостей города.

Виктория Николаевна вздохнула и отошла от окна. Сейчас нужно поискать вход в подвал. Для этого

необязательно мудрить. Достаточно встретиться со зрителем дома, представиться и расспросить.

– Осторожно, сразу за дверью начинаются ступеньки. Не упадите, – Ольга Витальевна вставила ключ в массивную дверь подземелья, послышался металлический скрежет, скрип открывающейся двери, и они вступили в темный дверной проем. Хранительница старинного дома на удивление очень хорошо ориентировалась в подвале. Виктория Николаевна слышала, как она ловко сбежала в темноте по ступенькам вниз и нажала на кнопку выключателя. Зажегся свет, отчего обе женщины зажмурились.

– Вот, смотрите, – с гордостью обвела вокруг рукой Ольга Витальевна. – Здесь такое пространство, зал целый.

Действительно, его размеры впечатляли. И не только размеры: все вокруг побелено, покрашено: ни дать ни взять – комната для жилья. По обе стороны подвального помещения виднелись полукруглые, тщательно заложенные кирпичом, дверные проемы. Это могут быть подземные ходы!

– А это что за ниши?

– Не могу знать, – по-солдатски ответила Ольга Витальевна. – А вот там есть еще одна дверь. На ней висит замок и к нему у меня ключей нет.

Виктория Николаевна проследила за рукой хранительницы, которая указывала на лестницу. В недоумении Виктория Николаевна подошла ближе и увидела сбоку засыпанный ход, а параллельно подвальному ходу, видимо, шел еще один коридор, потому что там же, у насыпи, в темном углу, находится еще одна дверь с замысловатым внутренним замком.

– Это и есть тот самый замок, к которому невозможно подобрать ключи?

– Да-да, – загадочно и гордо закивала головой Ольга Витальевна.

Виктория Николаевна еще раз прошла по подземному залу, запоминая детали и глядя теперь уже в ту сторону, где проходил параллельный ход, и вдруг увидела вентиляционное оконце, ведущее как раз из закрытого подземелья. Она повела носом. Пахло сыростью и прохладой. Этот маленький черный квадратик своей загадочностью непонятно притягивал к себе, и Виктория Николаевна вот уже целую минуту не могла отвести от него взгляда. Ольга Витальевна в нетерпении перетаптывалась с ноги на ногу.

Вдруг откуда-то из-за стенки, на которую уставилась Виктория Николаевна, послышался стон, переходящий в вой. Обе женщины вздрогнули и отшатнулись от оконца. Виктория Николаевна оступилась и упала на гладкий забетонированный пол, по спине к затылку побежали мурашки, да так, что казалось: волосы на голове медленно поднимаются и встают дыбом.

– Что это? – только и смогла произнести Виктория Николаевна.

– Не знаю..., – пробормотала Ольга Витальевна поболевшими губами.

Они обе, не сговариваясь, бросились вверх по лестнице, захлопнули за собой дверь подземелья, словно отгораживаясь от опасности, и завернули за угол. Связка ключей от подвала осталась в замке...

Как только они скрылись за дверью комнаты, где жила хранительница, из-за другого угла обширного

коридора показалась голова человека, потом и он сам. Постоял, послушал тишину и шагнул к незапертой двери.

«Подозрительно... идеальные дети...»

На работе Виктория Николаевна ничего о случившемся не рассказала. Но что это было? Нарисованный на схеме скелет вдруг ожил и решил напомнить о себе? Ерунда какая-то. А может, есть еще один ход, кто-то забрался туда и напугал? Да, есть ход. Тот посетитель в музее говорил как раз об этом ходе! Да, но.... Это очень далеко от дома, в низине, и на территории завода, а это место находится даже на другой стороне реки. Тогда что это? Непонятно.

Сегодня Виктории Николаевне удалось убежать домой пораньше, не дожидаясь своего приятеля Игоря Михайловича. Сейчас ей не до его излияний. Почему-то иногда он ее раздражал своей болтливостью. Наверное, потому что он не прикладывал ни малейших усилий для того, чтобы осуществить свои прожекты, о которых он так много говорил, и которых накопилось такое множество, что они уже не укладывались в ее голове. Да и надо подумать о своей будущей жизни без мужа.... И о будущем своих детей...

На ее лицо набежала тень. У нее уже взрослые дети, и за все это время не было случая, когда бы он, ее муж, взял на себя ответственность за их жизнь. Что бы с ними не случилось, он всегда во всем винил ее, свою жену: «Это ты недоглядела!» Да, он прав. Он тут ни при чем. Это действительно были только ее дети и ничьи больше. Просто потому, что она их очень любит. И, наверное, потому эти ее дети в голос заявили на

собеседовании с ответственными лицами, что они без всяких сомнений останутся жить с мамой. Виктория Николаевна горько усмехнулась и заставила себя думать не о бывшем муже, а только о детях. Потому что муж здесь, как всегда, ни при чем.

У нее хорошие дети. Красивые, порядочные, воспитанные. Взять хотя бы старшую Таню. Высокая, стройная, с золотистыми, кудрявыми волосами, ласковым негромким голосом. Ну, просто ангел. И от сознания этого Виктории Николаевне иногда становится страшно. Не может же одна девушка вмещать в себя одни достоинства. Ну, не было у нее недостатков, хоть тресни! С окружающими добра и справедлива, никогда не опустится до крика, всегда терпеливо выслушает и при необходимости что-то посоветует. Словно в ней жила вся вселенская мудрость! Виктория Николаевна и сама в это уверовала, и когда порой бывало плохо, подходила со своей проблемой к Тане и была уверена – она поможет.

Но.... Однажды она от нее услышала фразу: «Ну, ладно, разбирайтесь сами...». Тогда ей отчего-то стало не по себе. Немного позднее она поняла почему: эти же слова постоянно повторял ее муж, отец Тани. По наследству передаются не только хорошие качества, подумала Виктория Николаевна. Но эти слова могут быть... просто словами. Что она так всполошилась? Они были сказаны по телефону в бессодержательном разговоре. Хотелось бы так думать. И Виктория Николаевна, поправляя на ходу растрепанные на ветру волосы, прибавила шаг.

Так получилось, что у Тани не было подруг. Мать недоумевала, почему? Потому ли, что она умна, и ей неинтересны девчачьи глупые разговоры, или потому, что

девчонки и сами не допускали такую раскрасавицу до своих секретов... во избежание угона жениха. Непроста есть такая песня: «Угнала... мужика». Или потому, что Таня казалась не по возрасту рассудительной и мудрой, чем и отпугивала подруг: сами они познавали мир наскоком, ошибаясь и страдая, так им было интересней. А Таня... Таким девахам было с ней скучно, как с предками.

У сына Димки, напротив, был заводной характер. По крайней мере, так думала о сыне Виктория Николаевна. Во время летних каникул его трудно было застать дома, он с многочисленными друзьями пропадал то на пруду, то на канале, то у кого-нибудь в гараже, то целыми днями гонял по улицам города на мототехнике. Вечерами их компанию видели то в скверике в центре, то в разных кварталах, по субботам они всей гурьбой вваливались в клуб на дискотеку. Они громко смеялись, шумели и активно реагировали на любую шутку.

Виктория Николаевна вошла в квартиру и с силой захлопнула за собой дверь. Она видела, как тяжело было поначалу ее дочери без подруг, и потому приветствовала появление каждого нового друга у сына. Поначалу она настаивала, чтобы этот новый друг появлялся в их доме для того, чтобы можно было провести «рекогносцировку» на его счет, а потом Димка и сам понял, какими должны быть настоящие друзья, и потому проверка «на вшивость» отпала сама собой.

Для Виктории Николаевны почти двухметровый Димка был вечным ребенком. «Лялька», – так она его называла. И баловала. Да как не побаловать такого симпатичного детину с вихром светло-каштановых волос на макушке. Ведь он практически безотказен. Сказала мама: «Надо ехать». Сразу реагирует: «Когда?» Стоит

произнести озабоченно: «Надо подтянуться в учебе...», всегда – пожалуйста. И добр без меры. На каждую просьбу своих друзей и знакомых откликается тут же, только позови. Виктория Николаевна качнула головой: какие-то уж очень подозрительно идеальные у нее дети, получается.... Фу, как бы не сглазить.

Разрыв

Виктория Николаевна поставила варить картошку и направилась в свою комнату через общий коридор. Из комнаты мужа доносился приглушенный голос. Разговаривает по телефону, подумала она, и ее взгляд остановился на параллельном аппарате, который был установлен в коридоре. Он был отключен! У ее бывшего мужа завелись секреты! Интересно, с кем это он ведет тайные переговоры? И она воткнула вилку в розетку. В трубке нежнейший женский голос глубочайше сожалел о том, что сегодня им не удастся увидеться. Вика еще послушала и поняла, что свидание откладывается из-за недомогания ее бывшего мужа, и на другой стороне провода из-за этого обстоятельства, кажется, начались сердечные колики. И Вика вошла в комнату мужа:

– Почему бы тебе не пойти погулять, кот Базилио? Тем более, если твоя лиса Алиса об этом просит?

– Ну, пока, – сказал муж в трубку и повернулся к Вике. – Ну, и что? Сегодня не пойду, но зато... уйду завтра.

– Непременнейшим образом. И чем быстрее, тем лучше.

– А может... подумать?

– Раньше надо было думать. Теперь уже поздно.

Гад, сволочь, зараза. Не мог уйти без фейерверка. Как мне теперь детям в глаза смотреть! А люди что подумают? Хороший муж уходит от плохой жены.... Чтоб тебе пусто было всю жизнь! Стоп. Надо успокоиться. Ведь именно этого ты и хотела, подруга, не правда ли? Вы давно развелись, и кто-то из вас должен был уйти. Сколько можно жить в напряжении, изнемогая от ненависти. Боже.... Мыслимое ли дело жить под одной крышей, едва вынося друг друга. Правда, совсем недавно ему удалось-таки растопить лед, и он залез даже в постель. Может, поэтому тебе так больно теперь? А вообще-то ты неспроста ходила по городу и предлагала его кое-кому. Ты понимала, что только в этом случае все может обойтись без дележа имущества, постоянных истерик и криков с его стороны: «Тут все мое!» Избежать этого можно только в том случае, если он уйдет к ней. У нее теперь есть все, и ей не нужен ни твой раздолбанный холодильник, ни половина кухонной стенки. Ей нужен работник в доме. Она так же расчетлива и точно так же презирает людей. Два сапога пара. Кроме того, они присмотрели друг друга еще за школьной партой, и если бы не ее молодая гордыня и чванливость, то они уже давно могли бы быть вместе. И какого черта ты, Вика, оказалась на его пути! Но нужно убедиться, что это действительно она.

Виктория Николаевна погасила свет в торшере и повернулась на другой бок. Завтра же она отправится в разведку.

Ну, конечно, это она. И слава Богу. Теперь можно надеяться, что он не оставит детей... без ничего. Почему я так думаю? Потому что всего неделю назад орал,

вытаращив глаза, что сделает все для того, чтобы оставить семью... с протянутой рукой.

Виктория Николаевна прошла мимо машины бывшего мужа, припаркованной у здания ресторана «Речные огни», где директором работала... Сонечка Гусева. Из ее кабинета доносился смех, возгласы, женский визг. Какова! Не успел труп Гусева остыть, она уже на промысел вышла. «События – в тему», – почему-то подумала Виктория Николаевна и повернула в сторону музея. Отчего-то было обидно до слез. Кажется, что сейчас все складывается так, как было запланировано, но радости она не ощущала. Может, оттого, что бывший муж буквально за день до этого залез к ней в постель, она постаралась все забыть или почти все, снова ожили надежды.... Так красиво предать мог только он.... Но, вообще-то она сама тоже хороша. Это надо додуматься, чтобы предложить своего бывшего мужа в пасть этой акуле! А он-то – настоящее ничтожество.... Ешьте меня. Всегда готов!

А вообще-то почему бы не оставить все как есть? Он всю жизнь упрекал тебя, Вика, тем, что твои родители не достаточно богаты. Не ты ему была нужна, а твоя красота. С ее помощью для некоторых открываются такие двери! А ты? Ты, Вика, не оправдала его надежд. Ха-ха! – хохотнула Вика. – И вот теперь у него есть возможность возвыситься хотя бы тем, что его избранница – богатая вдова.... Ты все сделала правильно, ты сказала ей: «Забирай его себе». Она и забрала. Будьте счастливы, голубки!

Виктория Николаевна с силой отворила входную дверь в музей, поздоровалась с дежурной у входа и взбежала по лесенке на второй этаж. У входа, отвернувшись к стенду, стоял полный мужчина с шапкой

каштановых волос и, поправляя очки, рассматривал боевое оружие. Как только мимо него пронеслась тоненькая фигурка Виктории Николаевны, он, не торопясь, направился к лесенке.

«Пока я здесь, забудьте о концертах...»

Андрей Петрович приехал из соседнего областного города сегодня утром и сразу поспешил в музей. На его вопрос о местонахождении известного в округе здания прохожие указали на дом с балюстрадой и скульптурными фигурками вдоль карниза. На фоне соседствующих деревянных построек этот дом выглядел внушительно.

Он тихо вошел, без слов купил билет и принялся осматривать экспонаты. Вдруг входная дверь отворилась, и женские каблочки знакомо застучали по половицам. Он проводил ее тайным взглядом до лестницы и двинулся следом.

Как она изменилась! Похудела, подурнела, на лице – злоба. Может, случилось что? Тогда надо подождать.

Они познакомились год назад, когда она приезжала в его город и зашла в книжный магазин, куда он наведывался постоянно. Разговорились, да так, что и домой отправились вместе. Дошли до трамвайной остановки, постояли там. Ему очень не хотелось ее терять, и он оставил ей свой адрес в надежде на продолжение знакомства. И вот теперь уже год, как они переписываются.

Оказывается, у них общие интересы. Он любит походы, и она тоже. Он любит историю, и она в ней души не чает. Он интересуется психологией поступка, и она тоже в этом преуспела. Где она была раньше? Ему так ее не

хватало. Вот именно ее. С ее лучистым взглядом и сногшибательной фигуркой, с упрямой прядью волос на высоком лбу и насмешливо изогнутой бровью. До нее у него было много женщин, а ее все не было. Так долго. Жизнь почти прошла.

Но теперь он будет за нее бороться. Пока не победит. Но... что-то сегодня она какая-то не такая. Пстойка. Ведь ты, Андрей, знаешь ее только по письмам. А может она не так проста, как кажется, может она... мегера, каких свет не видывал, неспроста у нее сегодня лицо такое злое, а тебе в письмах она могла просто поддакивать, чтобы навести тень на плетень. А ты, дурень, уже на все готов ради нее. Так что пока рано светиться. И он спрятался за вертикальной витриной.

Виктория Николаевна вышла из раздевалки и направилась к группе ребят, которые галдели возле игрушечного домика, заглядывали под его крышу, где горел раскачивающийся фонарик.

– Ребята, а хотите, я расскажу вам о тайне господского дома?

– Хотим, хотим, – закричали мальчишки. Девчонки продолжали рассматривать заколдованный домик.

Андрей Петрович стоял за витриной, как за ширмой, и слушал рассказ Виктории Николаевны о тайных ходах. Ее голос был таким родным, и сердце его сладко сжималось-разжималось. Нет в ней никакой злости. Наоборот. Ее голос притягивал, располагал. Женщина с таким голосом не может быть мегерой. И он вышел из-за витрины, и оказался напротив нее. Виктория Николаевна взглянула на него и... подавилась словом. Закашлявшись, она прикрыла рот рукой, и не могла остановиться. Тогда дети, стоявшие рядом, принялись колошматить ее по спине, что есть мочи.

– Ладно, ладно, довольно, – в испуге крикнул ребятам Андрей Петрович, взял Викторию Николаевну за руку и повлек за собой. – Где тут вода? – заорал он во все горло. Из глубины комнаты спешила уборщица с кувшином воды. Андрей Петрович вырвал кувшин у нее из рук и умоляюще взглянул на Викторию Николаевну. Она отхлебнула глоток, обвела обступившую ее толпу взглядом и... засмеялась. Через мгновение стены музея сотрясались от всеобщего смеха.

– Ну, как ты? – весело спросил Андрей Петрович.

– Смешно тебе, – укоряюще произнесла Виктория Николаевна. – Как ты здесь оказался?

– Не как, а почему. Потому что соскучился и очень хотел увидеть. Письма письмами, но отношения должны подогреться встречами.

– О чем ты говоришь? Нет у нас никаких отношений. Я замужем, ты не забыл?

– Неправда. Информация из первых рук, – и Андрей Петрович категорично выставил руки перед собой. – Даже не спрашивай, кто сказал. Все равно не скажу.

Виктория Николаевна отвернулась и наморщила лоб. Кто же это мог быть? Впрочем, неважно. Важно, что он здесь, и она может рассказать ему о своих планах. Интересно, как он к этому отнесется? Вдруг начнет отговаривать? Наверяд ли. Он тоже фанат в своем деле. Он не просто компьютерный гений, он инженер-классик. Придуманные им вещи добротны, долговечны и производительны. И это как раз то, чего им не хватает. И Виктория Николаевна не стала дожидаться вечера, ужина при свечах, располагающей к сердечной беседе обстановки, и выложила ему программу своих действий.

Андрей Петрович думал недолго. Он вообще считал, что долго думают только тугодумы, и всегда отвечал сразу. Причем очень красиво. Создавалось впечатление, что в голове его установлен компьютер, подающий моментальные сигналы в речевую коробку мозга, которые в свою очередь преобразались во фразы и скидывались на язык, а уже язык выдавал такую музыку правильной речи, что впору позавидовать сегодняшним Цицеронам. Вот и сейчас он сходу сбросил на «принтер»:

– Учитывая твою информацию о детях, как участниках похода, а также о влгопоглощающих вещах, надо понимать, что для похода уже все готово. Следовательно, проблема сегодня заключается в том, как незаметно изъять ключи. И как только эту проблему удастся решить, путь в подземелье открыт.

– Ну, конечно, – воскликнула Виктория Николаевна.

– Да, но ты сказала, что у хранильницы нет ключа от этого замка?

– Да есть. Она просто это скрывает. У нее на связке я видела подобный ключ. И нужно их не изъять, а быстро изготовить дубликат, да сделать это осторожно, чтобы никто не заподозрил.

В одном из залов музея, куда они дальше направились, на стуле восседал Игорь Михайлович. Увидев вошедших, он вскочил и уставился на Андрея Петровича, который, подойдя ближе, протянул ему руку:

– Приятно познакомиться.

Игорь Михайлович оценивающе оглядел незнакомца, что-то соображая, но руку все-таки протянул, обращаясь к рядом стоящей женщине:

– Виктория Николаевна, вы не забыли, сегодня мы с вами идем на концерт, – сказал он, не отрывая настороженного взгляда от лица Андрея Петровича.

– Ой, Игорь Михайлович, миленький, наверно я не смогу. Видите, ко мне друг приехал издалека.

– Как же так, голубушка? – по его лицу скользнула досада и даже злость.

– Разрешите вмешаться в разговор, – веселым тоном начал было Андрей Петрович.

– Не разрешаю!

– Ну, так не пойдет, – решительно произнес Андрей Петрович и, подхватив Викторию Николаевну под руку, произнес:

– Вам же ясно сказали, что пока я здесь, о концертах вам следует забыть. А потом – как жизнь сложится, – и он увел Викторию Николаевну от оскорбившегося приятеля в другой зал. Вика открыла было рот, но он опередил:

– Я понял. Это твой воздыхатель.... Поначалу я думал – директор музея. Слушай, я, может, слишком резко с ним обошелся?

– Да, ничего. Иногда ему это полезно, – улыбнулась Виктория Николаевна.

Опасное путешествие по... подземным ходам

– Тихо! – скомандовал Андрей Петрович Димке, – и быстро сюда.

Он приоткрыл дверь подземелья, которая скрипнула и, качнувшись, подалась ему навстречу. Димка нырнул в темноту.

– Осторожно. Там сразу ступеньки, – крикнула ему вслед Виктория Николаевна, но было уже поздно. Из глубины послышалось чертыханье и грохот.

– Ой, Димка упал, – Таня испуганно закрыла рот рукой, инстинктивно, бросилась за братом, но остановилась у входа.

– Дима, что с тобой? – тревожно спросила мать, последней прошмыгнувшая в узкую дверную щель.

– Да все в порядке, – баском отозвался сын откуда-то снизу. – Подумаешь, шишку набил.

– Он всегда такой вот бесшабашный, – с легким укором, облегченно произнесла Виктория Николаевна для Андрея Петровича.

– Это я виноват – вовремя не предупредил, что нужно смотреть под ноги, – сказал Андрей Петрович.

– Да хватит вам расшаркиваться друг перед другом, – весело прогудел Димка. – Мам, а где тут свет включается?

– Там, у последней ступеньки, справа.

Вспыхнул свет. Все зажмурились.

– Вот это да, – не сдержался Димка. – А где здесь ходы?

– Не спеши. Надо осмотреться.

– Да вот он. И дверь на замке. Давайте ключ, я быстро открою.

– Сказано тебе – не спеши, – Виктория Николаевна очистила замок от пыли и грязи, в то время как остальные оглядывали помещение, представляющее собой хранилище овощей, и вставила ключ в отверстие внутреннего замка, который тут же провалился в дыру, невесть откуда-то взявшуюся на месте скважины. Андрей Петрович толкнул дверь, которая подалась вперед.

Раздался металлический скрежет. В лицо пахнуло сыростью. Все четверо в нерешительности перетапывались у входа. Внезапно Виктория Николаевна упреждающе вытянула вперед руку, преграждая остальным путь.

Осторожно, ощупывая вначале палкой, потом ногами почву под водой, они продвигались по лабиринту. Впереди шла Виктория Николаевна, за ней Димка, затем Таня, замыкал шествие Андрей Петрович.

– Впервые совершаю подобный безумный поступок. Видно с ума съехал на старости лет, – бодро говорил Андрей Петрович. – Вика, слышишь, я помню, как мы в молодости сплавлялись по реке Чусовой, проходили пороги, тогда наша лодка попала в водоворот, но тогда и силы были молодецкие, и то – едва выплыли. А если здесь есть провалы почвы, как ты говоришь, то пожалуй... ступишь и поминай, как звали.

Виктория Николаевна молча втыкала палку в воду, шарила ею возле себя и только после этого делала шаг. Лет семь назад они ездили всей семьей на Айское озеро за клюквой. Эта царская ягода растет там на болотистых островках и подойти к ней можно только по трясине. Вика брезгливо передернула плечами, вспоминая, как долго она не осмеливалась встать на раскачивающуюся водянистую почву. Казалось, что земля уходит из-под ног, а там, под тонким водяным покрывалом, начинается бездна, и вот сейчас этот раскачивающийся гамак порвется, и ноги провалятся в эту бездонную пропасть. Почему-то муж утверждает, что эта трясина – цельное полотно. Что-то верится с трудом. Ну да ладно, он здесь не в первый раз, наверно, знает. Вон и маленький Димка вовсю носится по трясине и восторженно вопит. Да,

носится, ведь папа ему сказал, что бояться нечего. Что-то он примолк.... Димка! Ей, Димка! Где ты, сынок? Боже мой, голова его торчит из трясины, личико белое, кулачки цепко держатся за кочку, сам по грудь в воде, кряхтит и старается выбраться из бездонной ямы, куда его неотвратно затягивает. Боже! Вот тебе и цельное полотно!

Виктория Николаевна встряхнула головой, прогоняя навязчивые воспоминания. Димка и сейчас как всегда забегает вперед. Как бы не повторилась история.

– Димка, не спеши. Вначале хорошо прощупай почву.

– А я что делаю? – грубовато ответил сын, втыкая палку в воду. Вдруг рядом, сбоку, кто-то утробно завыл. Виктория Николаевна от неожиданности села в воду, Димка вскрикнул, Таня завизжала. Впереди с потолка посыпались камни. Несколько мгновений все подавленно молчали.

– Прямо как в фильме ужасов, – слышался сзади бодрый голос Андрея Петровича. – Без сомнения, на голове добавилось седых волос. Давно пора побелить ими мою кучерявую шапку. – Он осветил фонариком в ту сторону, откуда только что слышался вой. Высветилось небольшое углубление в стене, но кто мог уместиться в нем? Димка тут же приблизился к нише и заглянул туда. Вдруг он дико заорал и отпрянул, закрыв лицо и голову руками.

– Димка!

– Что такое?

– Черт возьми!

– Боже!

Димка присел и застонал. Виктория Николаевна бросилась к нему, отняла его руки от лица. Оно было все в крови.

– Что это? – Виктория Николаевна дико смотрела на сына, внезапно забыв, что нужно делать дальше, но тут же опомнилась и, достав аптечку, вытряхнула из нее бинт. Андрей Петрович, не думая о провалах в почве, быстро подошел к нише и посветил фонариком. Оттуда на него смотрели два зеленых глаза.

– Ну, и каким ветром тебя сюда занесло? – весело обратился к коту Андрей Петрович. – Хулиган, знал бы ты, чего нам стоили эти твои песни.

– Как же он сюда попал? – бормотала Виктория Николаевна, обрабатывая царапины на лице сына. Не по воде же он сюда пришел. Или приплыл.

– Ты часом не кот Матроскин? – продолжал вопрошать Андрей Петрович.

– Удивительно, – сказала Таня. – Не по потолку же он сюда приполз.

– Насколько мне известно, коты очень боятся воды, – решил блеснуть познаниями Димка.

– Возможно, мы здесь не одни, – вдруг сказал Андрей Петрович, и все как-то съежились. – Неспроста же мы явились сегодня к сломанному замку.

Пока Виктория Николаевна занималась Димкиным лицом, Андрей Петрович осветил фонариком все окружающие их предметы: сбоку кое-где из стены выпирали камни, а впереди была водяная дорожка и... темнота. Внезапно Андрею Петровичу показалось, что впереди качнулась тень и отпрянула в сторону. К тому месту как раз подходила Таня. Он встревожено закричал, между тем стараясь не напугать девушку:

– Таня, стой-ка!

– Что? – не поворачивая головы и не останавливаясь, спросила Таня.

– Я сказал, подожди!

В эту секунду девушка негромко вскрикнула, ее тело, обмякнув, повалилось вниз, в воду. Андрей Петрович бросился к ней, сгреб и, подняв над водой, прислонил свое ухо к ее груди.

– Что здесь происходит? – негодующим голосом бросил он в темноту. – Жива, жива, – успокоил он подбежавшую к ним Викторю Николаевну.

– Танечка, – тормошила дочь Виктория Николаевна, затем подняла на Андрея Петровича обезумевшие глаза и сказала:

– Все, довольно. Поворачиваем обратно.

Андрей Петрович взял на руки Таню и побрел к выходу, стараясь ступать как можно осторожнее, придерживаясь середины коридора. А Димка, побежав к упавшей сестре, запнулся за какой-то большой камень, лежавший у стены подземного хода. И пока мать и ее новоиспеченный друг возились с Татьяной, он, светя фонариком, обследовал этот предмет. Верх его был полностью покрыт водой, поэтому Димке пришлось, держа фонарь зубами, ощупать предмет руками. Он был кубообразной формы и... напоминал сундук!

– Сундук! – крикнул Димка, и Андрей Петрович чуть не выпустил из рук свою ношу. Таня у него на руках застонала и пошевелилась.

– Пришла в себя. Отпусти ее, – попросила Виктория Николаевна. Несколько секунд Таня в недоумении оглядывалась вокруг. Андрей Петрович мягко поставил девушку на ноги. Виктория Николаевна потрогала ее лоб:

– Что случилось дочка?

– Я ничего не помню. В глазах потемнело от страха...

– Но у тебя вся голова в крови. Ты, часом, не ударилась?

– Нет, я шла посредине хода.

– Да, я видел и еще кое-что. Мне показалось, что в глубине хода кто-то метнулся в сторону. Возможно, этот кто-то и пытался стукнуть ее по голове, а угодил по касательной в ухо.

– Боже, что вы такое говорите, – задрожала Виктория Николаевна.

– Мама, здесь сундук! – торжествующе завопил Димка.

– Осторожно, сынок. Посвети по сторонам. Возможно, здесь еще кто-то есть, – тревожно вскрикнула мать.

– Да сундук же! – не унимался Димка.

– Сейчас посмотрим, – и Андрей Петрович решительно направился к нему. Подойдя к предмету, он обшарил его руками, затем скомандовал:

– Подсоби! Да бери за дужку со своей стороны. И они подняли со дна... кованый сундук.

– Понесем его к выходу. Только осторожно. Вы все проходите вперед. А я пойду следом... спиной вперед, – скомандовала Виктория Николаевна, и все без слов подчинились. Они старались идти быстро. И вот уже замаячило светлое пятно открытой двери. Интересно, а кто открыл дверь? Но это уже неважно. Важно, что они целы и нашли сундук! Осталось вскрыть его крышку.

Оказавшись в освещенном подвале, все посмотрели друг на друга и рассмеялись. Они были

грязные, взъерошенные. У Димки поцарапано лицо, у Тани из ранки откуда-то из-за уха сочилась кровь. У Виктории Николаевны шапка сбилась в сторону, из-под которой торчали выпрямленные от влажного воздуха волосы, щеки и лицо замазаны грязью. Не лучшим образом выглядел и Андрей Петрович. Под носом у него рельефно выделялась полоска грязи.

– На вас стресс действует положительно, даже усы выросли, – хохотнул Димка.

Оглядев друг друга, все, не сговариваясь, перевели свой взгляд на сундук. Виктория Николаевна сказала:

– Танечка, дай-ка я обработаю тебе ранку. А вы, мужчины, пока подумайте, как открыть это произведение искусства.

Это действительно было, если не произведение искусства, то, во всяком случае, проявление старины – точно. Сундук был топорно выкован и, похоже, в те времена, когда еще не слышали о существовании высоких технологий. В этом и была его историческая ценность. Андрей Петрович сдернул с сундука замок, но крышка не открывалась. Тогда он, склонившись над ним в три погибели, попытался просунуть выдергу между основанием и крышкой. Но вот крышка подалась и.... Что это? На дне сундука лежал пушистый кошачий хвост.

– Ничего себе, – разочарованно протянул Димка.

– Не принадлежит ли этот хвост певцу недавних кошачьих арий? Что-то его давно не слышно, – предположил Андрей Петрович.

– Если это так, то это сделано недавно, – отозвалась Виктория Николаевна.

– Напротив, это можно было сделать когда угодно. Случаем, никто из вас не обратил внимания – был ли у того певца хвост? – спросил Андрей Петрович.

– Для котов хвост – это всего лишь украшение и средство заметить следы, – неожиданно сострила Таня и в ответ на вопрошающий взгляд матери, торопливо произнесла: «Мам, со мной все в порядке».

– Стало быть, этот предмет гордости мог быть отрублен когда угодно, – продолжал Андрей Петрович, – следовательно, и сегодня тоже, неспроста он так неистово завывал. А если это сделано сегодня, то, возможно, этот негодяй до сих пор находится в подземелье, следит за нами и слышит все, что мы говорим. А это значит, что мне не показалось, я действительно видел кого-то в темноте.... И еще.... У него нож.

После этих слов все инстинктивно попятнулись к выходу и взлетели по ступенькам вверх.

– Слушайте, мне помнится, что мы выключали свет, когда вошли в подземный коридор, – пробормотала Таня.

– Да. Кто-то нас все время опережает. Но, возможно, это жильцы спустились сюда за картошкой и забыли его выключить, – поторопилась успокоить дочь Виктория Николаевна. Ее терзала неотвязная мысль: «Действительно, похоже, что кто-то замечает следы. Но какие следы? Или следы чего?»

Свой... человек!

– Итак, что мы имеем, – сказал Андрей Петрович по пути обратно в музей. – Мы нашли сундук, в котором наверняка хранились драгоценности, но кто-то нас опередил, подсунув пустой сундук с отрубленным

кошачьим хвостом, явно намекая на то, что если мы не уберемся с его дороги, то он и нам что-нибудь укоротит, словом, подрежет хвост.

– Какая я дура, сунулась в воду, не зная броду. Ведь этот выродок запросто мог перейти от намеков к делу. И он, кажется, уже пытался. – Виктория Николаевна приставили руку к виску. – Все. Сегодня мы были в подземелье в первый и в последний раз.

– Проходите. Раздевайтесь, я сейчас что-нибудь приготовлю, – говорила Виктория Николаевна, прикрывая за собой дверь в квартиру. Она пропустила вперед себя Таню, которая не спеша разделась у вешалки и направилась в свою комнату, прикоснувшись рукой к только что обработанной ранке за левым ухом.

Андрей Петрович с любопытством оглядывался по сторонам:

– Ага, вот как живут сегодняшние работники культуры, – тут он заметил висящую на стене гитару, снял ее и провел рукой по струнам. – В этой квартире есть все, чтобы довольствоваться жизнью. Но для полного счастья, пожалуй, к этому инструменту не хватало... меня.

И он мастерски исполнил песню своей юности «А я еду за туманом».

– Эта песня сейчас неактуальна. Сегодня за туманом никто не поедет, если бабок платить не будут, – скривился Димка. Андрей Петрович перестал играть и вопросительно посмотрел на подростка.

– Да, пожалуй. И это правильно. И раньше не надо было ездить. Какой только ерунды не придумывали: «Пятилетку – досрочно!», «Все на БАМ!» и тэ дэ и тэ пэ. Жили в палатках, месили грязь, вкалывали за гроши ради идеи. Глупые! Надо было вопрошать: «Даешь сто баксов?

Если да, то каждый день... по сто и будет вам БАМ!». Не так ли?

На Димку из-под толстых очков смотрели выпуклые насмешливые глаза дядьки, который, похоже шутил и шутил как-то необычно. Папка никогда так не шутил. Он, наоборот, сказал бы, что деньги в жизни решают все.

– Согласен, партийное руководство поступало по свински. Сочиняли подобные призывы, купались в роскоши, в то время как молодежь гробила свое здоровье, утопая в грязи и болоте. И, правильно, за гроши. Потому что идея была дороже денег. Кинут клич и наблюдают, как самоотверженная молодежь преодолевает, так сказать, трудности. Уж коли ты чего-то от человека хочешь, будь добр оплати его труд как подобает.

Димка ошалело смотрел на дядьку в очках и не двигался с места.

– Ну что, философы, идите есть, – послышалось из кухни.

– Идея – вот что хорошего было в прошлой жизни. Сейчас этой идеей стали деньги. За деньги можно купить и продать все... и даже собственную жизнь. И не только...

Андрею Петровичу постелили в гостиной, в комнате, где обитал Димка. Весь вечер старший друг учил Димку играть на гитаре, они много говорили о путешествиях, о тех местах на планете, куда модно было поехать с пользой для себя.

Перед сном Димка заглянул в комнату матери и в ответ на ее вопросительный взгляд, молча поднял большой палец вверх.

Так кто же... злодей?

На следующий день Виктория Николаевна пришла на работу вместе с Андреем Петровичем. У дверей спросила: «Народу много?»

– Да нет. Один человек.

Виктория Николаевна обвела взглядом зал. У карты с планом подземных ходов стоял все тот же посетитель со шрамом на лице. «Что-то он зачастил к нам», – подумала Виктория Николаевна. Заметив, что на него смотрят, человек поспешно отошел от карты и повернулся к вошедшим спиной.

– По-моему, нам следует снова спуститься в подвалы. Кто-то почему-то не хотел, чтобы мы прошли по подземному ходу, значит, там что-то есть, – сказал Андрей Петрович, проходя мимо угрюмого человека.

– Пожалуй.... Но теперь мы это сделаем одни, без детей.

И они направились к господскому дому.

– Вика, – что-то соображая, начал Андрей Петрович.

– Что-то я больше твоего Игоря не видел. Он что, и вправду обиделся?

– Ну, во-первых, он никакой не мой. Во-вторых, у него очень трудный характер. Чуть что – сердится.

– Он так свирепо глядел на меня тогда, я думал: будь его воля – убил бы.

– Да, он мог бы. Однажды он чуть не убил человека. Тот залез на его садовый участок и потащил связку приготовленных для ремонта досок. Грабитель не знал, что хозяин в это время притаился на втором этаже дачи и поджидает повадившегося на участок воришку. Причем, с оружием поджидает.

– Ну, дела, – протянул Андрей Петрович.

– Да ладно, запугала я тебя, – засмеялась Виктория Николаевна.

Они уже подходили к господскому дому. Оглядевшись вокруг, прошмыгнули внутрь, вставили ключ в скважину двери, ведущей в подвальное помещение. Оттуда терпко пахло капустным листом. В темноте осторожно спустились по лестнице. Андрей Петрович щелкнул выключателем. Зажегся свет. Они огляделись. Вокруг все то же: картошка в ящиках, над которыми развешаны кочаны капусты. А вот и дверь, ведущая в подземные коридоры. Андрей Петрович долго ковырялся в замке, наконец, сказал:

– Ничего не получится, Вика. Кто-то уже поставил новый замок и почему-то натолкал в скважину металлической стружки. Замок нужно ломать.

Пришлось возвращаться обратно.

– Кто это мог сделать? И, главное, зачем?

– Да, да..., – задумчиво пробормотал Андрей Петрович. – Слушай, Вика, а за этим твоим Игорем, случайно, больше никаких неблаговидных поступков не наблюдалось?

– Я ведь тебе уже сказала, никакой он не мой, – немного рассердилась Виктория Николаевна. – И какое это имеет отношение к....

– А ты подумай!

– Ты полагаешь, что он....

– Да.

– Но для чего ему это? Ты ревнуешь, что ли?

– Ну, конечно, – воскликнул Андрей и настойчиво повторил, – и все-таки, вспомни.

– Не знаю.... Был тут один человек, которого он терпеть не мог.

– Был? – Андрей Петрович вопросительно посмотрел на Викторию Николаевну.

– Да, недавно его убили, фамилия Гусев. Директор дорожного треста. Они не раз сцеплялись и принародно. Однажды в пылу ссоры Игорь Михайлович ударил его, говорит, в ухо. Еле растащили.

– Он рассказывал, за что он его ударил?

– Это было в компании. А вообще-то, за то, что жил не по средствам и воровал.

– Круто.... А, может, за то, что ни с кем не делился?

– Да, нет. Игорь Михайлович у нас правдолюб. Он любит, когда все по- честному.

– Ты – мне, я тебе?

– Да ну тебя. Ты что, и вправду не понимаешь или делаешь вид?

– Не знаю, не знаю....

«Кто-то хочет от нас избавиться...»

На следующий день они решили спуститься в подземные коридоры со стороны стоявшего ранее завода. Сейчас это заросшая травой поляна, расположенная на другом берегу реки, в низине, напротив вознесшегося на скалу господского дома.

Они долго рыскали в траве, отыскивая железную плиту, и когда нашли ее, поняли, что без лома ее не поднять. Андрей ушел за инструментом, а Вика присела на пенистый камень у берега и задумчиво уставилась на падающую с плотины воду. За шумом воды она не услышала, как сзади к ней подкрался человек, но когда

увидел возвращающегося Андрея и рывком залег в высокой траве.

Плита долго не подавалась. Наконец, после невероятных усилий ее удалось сдвинуть в сторону. Под плитой в колодце шумела вода.

– Да там подземная река, – воскликнула Вика.

– Сейчас проверим, – Андрей спустился по скобам, расположенным на стенке колодца, палкой измерил глубину и встал в воду:

– Вика, я тебя жду.

Виктория Николаевна взялась за скобы, начала спускаться, и лишь только ее голова исчезла в колодце, человек, залегший в траве, вскочил на ноги, взялся за тяжелую плиту и, натягивая ее на себя, попытался закрыть ею отверстие. Вика закричала, и не столько от страха, сколько от неожиданности.

– Эй, ты что делаешь?! – она протянула руку, мешая человеку, находящемуся наверху, поставить плиту на место.

– Вика, ты что? – всполошился Андрей, тут же подскочил к скобам, быстро поднялся по ним и тоже подставил руку. Какое-то время они молча пытались сопротивляться, не давая какому-то придурку закрыть себя в мышеловке. Наконец им это удалось. Они услышали удаляющиеся шаги по шуршащей траве.

Хрящ, раздосадованный очередной неудачей, скрылся за грудой камней.

Вика обессиленная вылезла из отверстия и, не вставая на ноги, упала на землю. Вскоре и Андрей пристроился рядом. Они лежали и смотрели в сумрачное небо.

- Кто-то не дает нам спуститься в эти подвалы.
  - Стало быть, этому есть причина, – кашлянул Андрей.
  - Но почему? Ведь сундук-то мы нашли, и он пуст.
  - А, может, еще что-нибудь?
  - Но что?
  - Может быть, этот кто-то просто не хотел оставлять свидетелей... живыми.
  - Ты хочешь сказать, что сейчас он хотел нас закрыть и... с концами?
  - А ты как думаешь? Мы едва расковыряли и приподняли эту плиту, а если ею прикрыть ход, да еще сверху завалить камнями? И потом, судя по всему, эта поляна – безлюдное место. Сколько бы мы не кричали, из-за шума падающей воды нас вряд ли кто-нибудь услышал.
- Вика поежилась:
- Но кому это надо?

Неожиданная находка

– Эй, мужики, вставайте, – крикнула Виктория Николаевна из кухни и включила магнитофон, стоящий в общем коридоре. Вскоре в проеме кухонной двери показалась Димкина заспанная физиономия.

Дядя Андрей уже встал, одевается, – и он направился в ванную, толкнулся туда и заворчал:

– Вставайте, вставайте, а ванная занята. Таня, ты скоро? – завопил он.

– Сей момент, – Таня открыла дверь, и озорно улыбаясь, протянула руку к Димкиным вихрам, но он уклонился:

– Промахнулась.

– Чего вы расшалились? Быстро к столу, – с улыбкой произнесла Виктория Николаевна. – Андрей, ты скоро?

– Иду. Привет, подруга, – он уселся возле стола, дожидаясь своей очереди в ванну. – Чем сегодня будешь заниматься?

– Обычным делом. Сегодня приезжает группа на экскурсию по городу. Кстати, такой экскурсии давно не было. Не желаешь поприсутствовать?

– Не успел я приехать, а уже столько необычных маршрутов совершил! Нет, сегодня я порыбачу.

«Какая я счастливая», – думала Вика, направляясь в музей. Приехал друг, дети довольны, наконец-то постылый муж ушел из дома. О чем еще мечтать? По всему видно, что он весьма рад, что живет.... как подобает жить белому человеку: в собственном особняке, со всеми удобствами. Она усмехнулась. Если честно, я рада тому, что он счастлив. Ведь у каждого свое мерило счастья. Для него счастье заключается не в любви, не в детях, а в... деньгах. Какая может быть любовь к Сонечке Гусевой? Ведь раньше он говорил о ней только гадости. Стало быть, что-то повернулось в нем... на сто восемьдесят градусов. Поразительно! Как можно не видеть, что нужен он ей не как муж, не как любовник, а как... работник.

Виду захлестнуло невесть откуда взявшееся чувство вины. Получается, что она сама своего бывшего мужа сдала Соньке в батраки. Она помотала головой, отгоняя навязчивые мысли. А он-то что, маленький? Недееспособный? Бык на веревочке? Он сам захотел... в рабство. Да и проку-то от него, как от козла молока. Вика вспомнила, сколько сил ей потребовалось для того, чтобы воодушевить своего бывшего мужа хотя бы на один

трудовой подвиг. Видно, та подруга «слово» особое знает, раз он ей беспрекословно подчиняется.

И Вика, неожиданно для себя прыснула в кулак. Она представила, как Сонечка лежит на плече у ее бывшего мужа и вымурлыкивает для себя нужные поблажки. Да, теперь она боится. Тех, кто убил. Но что-то уж очень не похожа она на испуганную женщину и безутешную вдову.... В любом случае, ему пока хорошо, и я... счастлива.

Рассказав экскурсантам о господском доме и подземных ходах, Вика с группой подошла к памятнику героям гражданской войны, находящемуся неподалеку. Начала рассказ о том времени, когда судьба разделила людей на белых и красных, когда сын шел на отца, брат на брата. Тут взгляд ее упал на примятую траву возле памятника. Продолжая говорить, она, приглядевшись, увидела, что в том месте, вероятно, снят дерн и снова поставлен на место.

Закончив экскурсию, она вернулась к памятнику, взялась рукой за траву: дерн приподнялся. Сукно! И в нем что-то наспех завернуто. Оглядываясь по сторонам, она осторожно развернула сверток. Старинные иконы! И крест, усыпанный драгоценными камнями. Причем, похоже, что иконы долгое время хранились в неподходящем месте: краска с них почти полностью облезла.

Вика запахнула иконы и стремглав бросилась через дамбу к музею, молясь про себя, чтобы никто из знакомых ей по дороге не встретился, потому что иконы то и дело высовывались из свертка, и это могло вызвать ненужные вопросы.

Финиш...

Человек вышел из ворот заброшенного деревянного дома, находящегося на окраине города, и направился к плотине, где когда-то располагался центр заводского поселка. «Надо забрать добро оттуда, да и мне самому уже пора. Жаль, что не удалось закрыть ее в колодце. Все эта девятка.... Надо было ей как раз в тот момент нарисоваться на другом берегу реки. Помыть он, видите ли, ее решил...». Кстати, эта девятка очень напоминает ему его старую машину, с которой он после дела так по-свински обошелся – столкнул с обрыва.... А речка-то уж шибко маленькая. Удивительно, сколько интересно понадобилось времени, чтобы накопилась вода в двух огромных водоемах, ведь сама-то река – крохотная.... И если бы я еще промедлил там с этой плитой какое-то время, пришлось бы разбираться еще и с водителем этой девятки.... Но, похоже, я рано пришел. Надо дожидаться темноты.

С наступлением сумерек человек отделился от стены остановочной будки и двинулся в направлении памятника. Постоял, послушал, огляделся по сторонам и ступил за ограждение, состоящее из цепей. Подошел к обелиску, нагнулся и потянул за траву...

В этот момент из-за толстого ствола древнего тополя выскочил человек в камуфляжной форме и наставил оружие на подошедшего к тайнику человека. Тот попятился, повернулся и увидел дуло еще одного пистолета, направленного на него.

Всех... по местам

– Девочки, просыпайтесь и к столу, весело пропел Андрей Петрович над Викиным ухом.

– Что? Что это значит?

– Это значит, что сегодня у нас матриархат, с той лишь разницей, что кофе в постель не будет. Кофе и яичница на столе.

– И без вопросов, – резанул из-за спины Андрея Петровича Димка, заметив, что мать что-то собирается спросить. С его плеча свешивалось кухонное полотенце.

– Что? – шутливо нахмурила брови Виктория Николаевна.

– Что слышала. Да вставай уже. Завтрак стынет.

– А Таня встала?

– Она уже пальчики себе облизала.

– Ну, если это и есть весь ваш завтрак..., – и Вика приподнялась на постели.

– Неблагодарная, – пафосно воскликнул Андрей Петрович и столкнул ее снова на подушки.

– Ах, вы так? Сейчас я с вами разберусь, – и Виктория Николаевна вскочила с кровати и начала носиться по квартире, надеясь шлепнуть ниже спины кого-нибудь из дорогих ее сердцу мужчин.

Минут через пятнадцать все чинно сидели за столом и слушали Таню.

– Ну вот, значит. Того человека со шрамом допрашивал мой Сережа. И вот что выяснилось. Мало того, что он, сняв слепок с замка и сделав дубликат ключей, проник в подвал, сломал замок, ведущий в подzemелье, он еще и изуродовал кота, отрубив ему хвост.... Это он тогда меня ударил.

– Гад такой, если бы Андрей тебя не крикнул, он угодил бы тебе прямо по голове.

– А когда он мог это сделать с замком?

– Видимо тогда, когда мы со смотрительницей спускались в подвал. Тогда мы услышали из подземелья утробные звуки, ну и ретировались, конечно, а ключи она оставила в скважине. Вот тогда он запросто мог это сделать, – озабоченно говорила Виктория Николаевна. От нее не ускользнуло Танино слово «мой», произнесенное в адрес новенького следователя прокуратуры.

– Значит, таким образом он надеялся опередить нас, сгреб из сундука иконы, а вместо них оставил кошачий хвост.

– Да, – непонятно счастливым голосом согласилась Таня.

– Но почему он не зарыл их во дворе того дома, где скрывался все это время?

– Потому что в этом случае по пути к остановке автобуса ему пришлось бы тащить тяжелые сумки через весь поселок, и он привлек бы к себе внимание, а памятник, вы знаете, находится рядом с остановкой, вокруг него кусты, ни с одной стороны не видно. Забрал и был таков. И еще... На пистолете, найденном возле трупа Гусяева, обнаружили его отпечатки пальцев.

– Да что ты? И узнали кто заказчик?

– Подозревают, что это не заказчик, а заказчица.

Виктория Николаевна и Андрей Петрович в изумлении переглянулись...

Приложение

На фотографиях, размещенных на обложке, изображены:

На центральной фотографии:

Усадьба Прокофия Демидова в Москве, в недавнем прошлом – Президиум Академии наук РФ.

Первый верхний ряд, по порядку слева направо:

- 1) Юний Алексеевич Горбунов и Е.П. Арапова
- 2) Елена Адриановна Ефимова и Наталья Андреевна Домашнева.
- 3) Всеволод Михайлович Слукин и Е.П. Арапова.

Второй нижний ряд, по порядку слева направо:

- 1) Презентация очередной книги Е.П. Араповой, проводившаяся в Центральной городской детской библиотеке г.Верхнего Тагила.
- 2) Презентация книги «Демидовские гнезда», слева направо: директор Издательства «Сократ» А.А. Мороз, Е.П. Арапова, редактор Е.С. Зашихин и В.Н. Гордеев.

На обороте:

Полка с авторскими книгами Елены Араповой.

Литературно-публицистическое издание

Елена Павловна Арапова

Легенды господского дома

ISBN 978-5-905522-17-8

Подписано в печать 14.08.14. Формат 60x84/16

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,57

Тираж 30 экз. Заказ № 1624/2014

Отпечатано в ООО «Типография Для Вас»
620075, Екатеринбург, ул. С.Морозовой, 180, оф. 100
тел. 297-42-13

Елена Арапова – писатель, журналист, член Русского Литературного клуба, Слава Фонда, Общества Уральских краеведов. Лауреат конкурса «Золотое перо России» и Международного Фонда. Номинирована на премию «Писатель года».

Имеет техническое и литературное образование. Профессиональная деятельность: автор и ведущая телепередач, редактор, выпускающий редактор, руководитель Издательской группы, заместитель директора Издательства.

Е.П. Араповой написано более полутора десятка книг. Документальные публикации отличаются образностью, а приключенческие повести – захватывающим сюжетом и легкостью стиля изложения. Именно поэтому книги Елены Араповой пользуются успехом.

Прочитав эту книгу, вы погрузитесь в тайное прошлое уральского края, вместе с автором прошагаете по старым дорогам, ведущим от железных заводов Демидова к реке Чусовой, узнаете о жизни хозяина этих предприятий, Прокофии Демидове, и его потомках, живущих сегодня в Москве; откроете для себя замечательных людей Урала и России; спуститесь в подвалы старинного Демидовского господского дома, и вместе с героями приключенческой повести «Верхнегорские тайны» пройдете по подземным ходам.

